Свифт Джонатан
Сказка бочки

Аннотация

"Сказка бочки" была написана Джонатаном Свифтом в основном в 1696-1697 годах, то есть тридцати лет от роду, это его первый крупный опыт в области сатиры. В книге дана сатира на всё, что Свифт считал устаревшим, изжившим себя или вредным в литературе, науке и религии. Это, в сущности, широкий пародийный и сатирический обзор духовной жизни Англии, да и всей Европы XVII века, в которой автор определяет свою позицию и место. Это книга непочтительная к признанным мнениям и авторитетам, смелая до дерзости, молодой задор сочетается в ней с удивительным для начинающего писателя мастерством, здесь поистине узнаёшь молодого льва по когтям. Но для того, чтобы вполне оценить эту сатиру, надо либо иметь некоторое представление о тех предметах и книгах, которые пародируются, либо постоянно заглядывать в комментарии. Это нелёгкое чтение, и, может быть, поэтому "Сказка бочки" менее известна широкому читателю и не в полной мере оценена им.

Джонатан Свифт

Сказка бочки

Diu multumque desideratum.

Basima eacabasa eanaa irraurista,
diarba da caeotaba fobor camelanthi.
Iren. Lib I. c. 18.

Juvatque novos decerpere flores,
Insignemque meo capiti petere inde coronam,
Unde prius nulli velarunt tempora Musae.
Lucret.

Труды того же автора, большая часть которых упоминается в настоящем сочинении; они будут изданы в самом непродолжительном времени.

Характер теперешнего поколения умников на нашем острове.

Панегирическое рассуждение о числе ТРИ.

Диссертация о главных предметах производства лондонской Граб-стрит.

Лекции о рассечении человеческой природы.

Панегирик человеческому роду.

Аналитическое рассуждение о рвении, рассмотренном историтео-физи-логически.

Всеобщая история ушей.

Скромная защита поведения черни во все времена.

Описание королевства нелепостей.

Путешествие в Англию высокопоставленной особы из Terra Australis incognita, переведённое с подлинника.

Критическое исследование искусства говорить нараспев, рассмотренного философски, физически и музыкально.

АПОЛОГИЯ АВТОРА

Если бы доброта и злоба оказывали на людей одинаковое влияние, я мог бы избавить себя от труда писать эту апологию, ибо приём, оказанный моему сочинению, ясно показывает, что огромное большинство людей со вкусом высказалось в его пользу. Всё же появилось два или три трактата, написанные явно против него, не считая множества мимоходом брошенных колких замечаний по его адресу; в защиту же моего произведения не было напечатано ни одной строчки, и я не могу припомнить ни одного сочувственного отзыва о нём, если не считать недавно напечатанного одним образованным автором разговора между деистом и социнианцем.

Поэтому, раз моей книге суждено жить до тех пор, по крайней мере, покуда язык наш и наши вкусы не подвергнутся сколько-нибудь значительным изменениям, я готов привести несколько соображений в защиту её.

Большая часть этой книги была написана лет тринадцать назад, в 1696 году, то есть за восемь лет до её выхода в свет. Автор был тогда молод, горазд на выдумку, всё прочитанное им было свежо в голове. При содействии собственных размышлений и многочисленных бесед он старался, насколько мог, освободиться от действительных предрассудков; я говорю действительных, ибо автору известно было, до каких опасных крайностей доходят иные люди под видом борьбы с предрассудками. Подготовленный таким образом, он пришёл к мысли, что множество грубых извращений в религии и науке могут послужить материалом для сатиры, которая была бы и полезна и забавна. Он решил пойти совершенно новым путём, так как публике давно уже опротивело читать одно и то же. Извращения в области религии он задумал изложить в форме аллегорического рассказа о кафтанах и трёх братьях, который должен был составить основу повествования; извращения же в области науки предпочёл изобразить в отступлениях. Был он тогда юношей, много вращавшимся в свете, и писал во вкусе подобных ему людей; и чтоб им понравиться, он дал своему перу волю, неподобающую в более зрелом возрасте и при более серьёзном складе ума; всё это легко было бы исправить при помощи очень немногих помарок, будь рукопись в распоряжении автора год или два до её опубликования.

Но в своих суждениях автор вовсе не хотел бы считаться с нелепыми придирками злобных, завистливых и лишённых вкуса глупцов, о которых упоминает с презрением. Автор признаёт, что в книге его содержится несколько юношеских выходок, заслуживающих порицания со стороны людей серьёзных и умных. Однако он желает нести ответственность лишь в меру своей вины и возражает против того, чтобы его ошибки умножались невежественным, чрезмерным и недоброжелательным усердием людей, лишённых и беспристрастия, чтоб допустить добрые намерения, и чутья, чтоб распознать намерения истинные. Сделав эти оговорки, автор готов поплатиться жизнью, если из его книги будет добросовестно выведено хоть

одно положение, противоречащее религии или нравственности.

С какой стати духовенству нашей церкви негодовать по поводу изображения, хотя бы даже в самом смешном виде, нелепостей фанатизма и суеверия? Ведь это может быть самый верный путь излечиться от них или, по крайней мере, помешать их дальнейшему распространению. Кроме того, книга эта хоть и не предназначалась для священников, однако осмеивает лишь то, против чего сами они выступают в своих проповедях. В ней не содержится ничего, что задевало бы их, ни малейшей грубой выходки против их личности и их профессии. Она восхваляет англиканскую церковь, как самую совершенную среди всех в отношении благочиния и догматики; не высказывает ни одного мнения, которое эта церковь отвергает, и не осуждает ничего, что она приемлет. Если духовенство искало, на кого излить свой гнев, то, по моему скромному мнению, оно могло найти для себя более подходящие объекты: nondum tibi defuit hostis; я разумею тех тупых, невежественных писак, известных своей продажностью, ведущих порочный образ жизни и промотавших своё состояние, которых, к стыду здравого смысла и благочестия, жадно читают просто по причине дерзости, лживости и нечестивости их утверждений, перемешанных с грубыми оскорблениями по адресу духовенства и явно направленных против всякой религии; словом, полных тех принципов, что встречают самый радушный приём, так как ставят своей целью рассеять все ужасы, которые, как внушает людям религия, явятся возмездием за безнравственную жизнь. Ничего похожего нельзя встретить в настоящем сочинении, хотя некоторые из этих господ с величайшей охотой набрасываются на него. Желательно, чтобы представители этой почтенной корпорации тоньше разбирались в том, кто их враг и кто друг.

Если бы намерения автора встретили менее предвзятое отношение у лиц, которых он из уважения не хочет называть, это, может быть, поощрило бы его к разбору некоторых книг, сочинённых вышеупомянутыми писаками, ошибки, невежество, тупоумие и подлость которых он способен был бы, по его мнению, изобличить и выставить напоказ в таком виде, что лица, которые, по всей видимости, в наибольшей степени поражены ими, живо присмирели бы и устыдились; но теперь он отказался от этой мысли, ибо самым высоким особам на самых высоких постах угодно было высказать, что гораздо опаснее осмеивать те извращения в религии, которые и сами они должны порицать, чем подрывать её основы, относительно которых согласны все христиане.

Он считает неблаговидным поступком разоблачение имени автора этого сочинения, всё время таившегося даже от самых близких своих друзей. Однако некоторые пошли ещё дальше, объявив и другую книгу произведением той же руки, что и настоящая; автор категорически утверждает, что это совершенная неправда, он даже не читал никогда приписываемого ему произведения: наглядный пример того, как мало истины во всякого рода предположениях или догадках, основанных на сходстве стиля или манеры мыслить.

Если бы автор написал книгу, подвергающую критике извращения в юриспруденции или медицине, то, наверно, профессора обоих факультетов не только не негодовали бы против него, но были бы ему благодарны за его старания, особенно если бы он воздал должное тому, что есть истинного в этих науках. Но религию, говорят нам, нельзя подвергать осмеянию, и это правда; однако извращения в религии, конечно, можно осмеивать, ибо избитое изречение учит нас, что если религия - наилучшее, что есть в мире, то извращения в ней должны быть наихудшим злом.

Рассудительный читатель не мог не обратить внимания на то, что некоторые места этой книги, вызывающие наибольше возражений, являются

так называемыми пародиями; в них автор подделывается под стиль и манеру других писателей, которых хочет изобразить. Приведу в качестве примера одно место на стр. 68, где пародируются таким образом Драйден, Л'Эстрендж и другие, которых не стану называть; предаваясь всю жизнь политическим интригам, отступничеству и всевозможным порокам, писатели эти притворялись страдальцами за верность присяге и религии. Так, Драйден в одном из предисловий говорит нам о своих заслугах и страданиях и благодарит бога за то, что терпением спасает душу свою; в том же роде он говорит и в других местах; Л'Эстрендж тоже часто прибегает к подобному стилю; и я думаю, что читатель найдёт и других лиц, к которым можно применить это место из моей книги. Сказанного достаточно, чтобы разъяснить намерения автора тем, кто почему-либо проглядел их.

Предубеждённые или невежественные читатели с великими усилиями раскопали ещё три или четыре места, в которых будто бы задеваются религиозные догматы. В ответ на всё это автор торжественно заявляет, что он совершенно неповинен; никогда ему и в голову не приходило, что что-нибудь из сказанного им может дать малейший повод для подобных измышлений, и он берётся извлечь столь же предосудительные вещи из самой невинной книги на свете. Каждому читателю должно быть ясно, что это нисколько не входило в планы или намерения автора, ибо отмечаемые им извращения таковы, что их согласится признать любой представитель англиканской церкви; и его тема вовсе не требовала касаться каких-либо других вопросов, кроме тех, что постоянно служат предметом споров с начала реформации.

Возьмём для примера хотя бы то место из введения, где говорится о трёх деревянных машинах: в оригинальной рукописи содержалось описание ещё и четвёртой, но оно было вымарано лицами, в распоряжении которых находились бумаги, вероятно, на том основании, что заключавшаяся там сатира показалась им слишком уж перегруженной частностями, вследствие этого им пришлось заменить число машин тремя, и кое-кто старался выжать из числа три опасный смысл, которого автор никогда и в мыслях не имел. Между тем от изменения чисел сильно пострадал замысел автора: ведь число четыре гораздо более кабалистично и, следовательно, лучше выражает мнимую силу чисел, которую автор намеревался осмеять как суеверие.

Следует обратить внимание ещё и на то, что вся книга пронизана иронией, которую люди со вкусом легко подметят и различат. Она сильно ослабляет и обесценивает многие возражения.

Так как эта апология предназначается главным образом для будущих читателей, то, пожалуй, излишне считаться с тем, что написано против нижеследующего сочинения; ведь все эти писания уже успели угодить в мусорную корзинку и преданы забвению, соответственно обычной судьбе заурядных критических отзывов о книгах, в которых находят какие-нибудь достоинства: они подобны однолеткам, что растут возле молодого дерева и соперничают с ним в течение лета, но осенью падают и гибнут вместе с листьями, и больше ничего о них не слышно. Когда доктор Ичард написал свою книгу о презрении к духовенству, немедленно появилось множество критиков, и, не оживи он память о них своими ответами, теперь никто бы и не знал, что на его книгу писали возражения. Бывают, правда, исключения, когда высоко одарённый человек не жалеет своего времени на разбор глупого сочинения; так мы до сих пор с удовольствием читаем ответ Марвела Паркеру, хотя книга, на которую он возражает, давно предана забвению; так Замечания графа Оррери будут читаться с наслаждением, когда критикуемую им Диссертацию никто не будет искать, да и найти её будет невозможно; но такие предприятия не под силу рядовому уму, и ожидать их можно самое большее

раз или два в поколение. Люди осмотрительнее тратили бы время на подобный труд, если бы принимали во внимание, что серьёзная критика на книгу требует больше усилий и мастерства, больше остроумия, знаний и мыслительных способностей, чем их затрачивается на писание самой книги. И автор уверяет господ, которым причинил столько хлопот, что сочинение его - плод многолетних занятий, наблюдений и изобретательности; что часто он вымарывал гораздо больше, чем оставлял, и рукопись его подверглась бы ещё более суровым исправлениям, если бы не попала надолго в чужие руки. И подобную постройку эти господа думают разрушить комьями грязи, изрыгаемыми из своих ядовитых ртов! Автор видел произведения только двух критиков; одно из них сначала вышло анонимно, но потом было признано лицом, обнаружившим в нескольких случаях недюжинное дарование юмориста. Жаль, что обстоятельства заставляли его так торопиться со своими работами, которые при других условиях могли бы быть занимательны. Но в настоящем случае его неудача, как это достаточно очевидно, была обусловлена другими причинами: он писал, насилуя свой талант и задавшись самой противоестественной задачей высмеять в течение недели произведение, на сочинение которого было потрачено так много времени и с таким успехом осмеявшее других; какую именно манеру избрал этот критик, я нынче позабыл, так как, подобно другим, просмотрел его статью, когда она только что вышла, просто ради заглавия.

Другое возражение написано человеком более серьёзным и состоит наполовину из брани, наполовину из примечаний; в этой последней части критик, в общем, довольно удачно справился со своей задачей. И мысль привлечь таким образом читателей к своей статье была в то время не плоха, так как некоторым, по-видимому, хотелось получить разъяснение наиболее трудных мест. Нельзя также слишком упрекать критика за его брань, ибо всеми признано, что автор дал ему для этого достаточно поводов. Большого порицания заслуживает его манера изложения, столь несовместимая с одной из исполняемых им обязанностей. Весьма многими было признано, что этот критик совершенно непростительным образом обнажил своё перо против одного значительного лица, тогда ещё живого и всеми уважаемого, за совмещение в себе всех хороших качеств, какие только может иметь совершеннейший человек; критику, конечно, было приятно и лестно иметь противником этого благородного писателя, и нужно признать, что острие сатиры было направлено метко, ибо, как мне говорили, сэр У. Т. был очень обижен. Все умные и учтивые люди тотчас же воспылали негодованием, одержавшим верх над презрением: так они испугались последствий столь дурного примера; создалось положение, сходное с тем, в которое попал Порсенна: idem trecenti juravimus. Словом, готово было подняться всеобщее возмущение, если бы лорд Оррери не сдержал немного страсти и не утишил волнения. Но так как его сиятельство был занят главным образом другим противником, то в целях успокоения умов признано было необходимым дать должный отпор этому оппоненту, что частью и послужило причиной возникновения Битвы книг, а впоследствии автор постарался поместить несколько замечаний о нём в текст этой книги.

Критику, о котором идёт речь, угодно было ополчиться против десятка мест настоящей книги; автор, однако, не станет утруждать себя их защитой, а лишь заверит читателя, что в большинстве случаев его хулитель совершенно не прав и даёт такие натянутые толкования, которые никогда в голову не приходили писавшему и не придут, он уверен, ни одному непредубеждённому читателю со вкусом; автор допускает самое большее два или три указанных там промаха, которые попали в книгу по недосмотру; он просит извинить их

ему, ссылаясь на уже приводившиеся им доводы: свою молодость, прямоту речи и на то, что во время опубликования рукопись не находилась в его распоряжении.

Но этот критик настойчив: он говорит, что ему не нравится главным образом замысел. Я уже сказал, в чём он заключается, и думаю, что ни один человек в Англии, способный понять эту книгу, не усмотрит в ней ничего иного, кроме изображения злоупотреблений и извращений в науке и религии.

Но желательно было бы знать, каким замыслом руководится этот хулитель, в заключение памфлета предостерегающий читателей принимать остроумие автора всецело за его собственное. Здесь, несомненно, есть некоторая доза личного недоброжелательства, соединённого с замыслом услужить публике столь полезным открытием; и действительно, он попадает в больное место автора, который категорически утверждает, что на протяжении всей книги не заимствовал ни одной мысли ни у одного писателя и меньше всего на свете ожидал подобного рода упрёка. Автор полагал, что, каковы бы ни были его промахи, никто не станет оспаривать его оригинальность. Однако наш критик приводит три примера в доказательство того, что остроумие разбираемого им автора во многих случаях не самостоятельно. Во-первых, имена Пётр, Мартин и Джек заимствованы из письма покойного герцога Бекингема. Автор готов поступиться всем остроумием, какое может заключаться в этих трёх именах, и просит своих читателей скинуть с этого счёта столько, сколько они на него поместили; однако он торжественно заявляет, что до прочтения статьи критика никогда даже не слышал об упоминаемом письме. Таким образом, имена не были заимствованы, как утверждает критик, хотя они и оказались случайно одинаковыми, что довольно странно, что же касается имени Джек, то здесь совпадение не столь очевидно, как в двух других именах. Второй пример, показывающий несамостоятельность остроумия автора, - издёвка Петра (как он выражается на воровском жаргоне) над пресуществлением, взятая из беседы того же герцога с ирландским священником, где пробка обращается в лошадь. Автор признаёт, что видел эту беседу, но лет через десять после того, как написал свою книгу, и через год или два после её опубликования. Больше того: критик сам себя опровергает, соглашаясь, что Сказка была написана в 1697 году, памфлет же, мне помнится, появился несколько лет спустя. Извращение, о котором идёт речь, необходимо было изобразить в форме какой-нибудь аллегории, как и остальные, и автор придумал наиболее подходящую, не справляясь, что было написано другими; обычный читатель не найдёт ни малейшего сходства между двумя рассказами. Третий пример выражен следующими словами: "Меня уверяли, что битва в Сент-Джеймской библиотеке заимствована, mutatis mutandis, из одной французской книги, озаглавленной Combat des Livres, если мне не изменяет память". В этом отрывке бросаются в глаза две оговорки: "меня уверяли" и "если мне не изменяет память". Желал бы я знать, будут ли эти две оговорки достаточным оправданием для нашего достойного критика, если его предположение окажется совершенно ложным? Тут речь идёт о пустяке; но не осмелится ли он высказаться таким же образом и по более важному поводу? Я не знаю ничего более презренного в писателе, чем плагиат, который критик устанавливает здесь наобум, и не для какого-нибудь отрывка, а по отношению к целому сочинению, будто бы заимствованному из другой книги, только mutatis mutandis. Автору вопрос этот так же тёмен, как и критику, и в подражание последнему он так же наобум скажет, что если в этой хуле есть хоть слово правды, то он жалкий подражатель-педант, а его критик человек остроумный, обходительный и правдивый. Но ему придаёт смелость то обстоятельство, что никогда в жизни не видел он подобного сочинения и

ничего о нём до сих пор не слышал; и он уверен, что у двух писателей разных эпох и стран невозможно такое совпадение мыслей, чтобы два пространных сочинения оказались одинаковыми, только mutatis mutandis. Он не будет также настаивать на заглавии; но пусть критик и его друг предъявят какую угодно книгу: он ручается, что им не найти ни единой частности, в которой здравомыслящий читатель согласился бы признать малейшее заимствование; можно допустить разве только случайное сходство отдельных мыслей, которое иногда наблюдается в книгах, однако автор ни разу ещё не заметил его в этом сочинении и ни от кого не слышал упрёков в нём.

Поэтому если уже чей-либо замысел был неудачно осуществлён, так это замысел нашего критика, который, желая показать, что остроумие автора заимствованное, мог в подтверждение привести только три примера, из коих два совершенно вздорны, и все три явно ложны. Если таковы приёмы критики, применяемые этими господами, которых нам недосуг опровергать, то читателям нужно с большой осторожностью относиться к их словам; а насколько подобные приёмы можно примирить с уважением к людям и правде, пусть определяют те, кому не жаль тратить на это время.

Несомненно, наш критик успел бы гораздо больше, если бы всецело отдался комментированию Сказки бочки, ибо нельзя отрицать, что в этом отношении он оказал известную услугу публике и представил весьма удачные догадки для прояснения некоторых трудных мест; но подобные люди (в других отношениях заслуживающие большой похвалы за своё трудолюбие) часто совершают ошибку, стараясь подняться выше своего дарования и своих обязанностей и беря на себя смелость указывать красоты и недостатки, что вовсе не их дело; тут они всегда терпят неудачу; никто не возлагает на них в этом отношении никаких ожиданий и не бывает им благодарен за их усердие. Критику была бы по плечу работа Минеллиуса или Фарнеби, и тогда он принёс бы пользу многим читателям, которым не под силу проникнуть в более тёмные части этого сочинения. Но optat ephippia bos piger. Тупой, громоздкий, неуклюжий бык непременно хочет напялить сбрую лошади, забывая, что он рождён для чёрной работы - пахать землю высшим существам и что нет у него ни стати, ни огня, ни резвости благородного животного, которое он тщится изобразить.

Можно привести ещё один образец благородного поведения этого критика: он намекает, что автор - покойник, и при этом направляет подозрение на какого-то неведомого мне нашего соотечественника. На это можно возразить лишь, что его догадки совершенно ошибочны; и голые догадки слишком слабое основание, чтобы публично назвать чьё-нибудь имя. Критик осуждает книгу, а следовательно, и автора, которого совершенно не знает, и высказывает в печати самые неблаговидные вещи о людях, которые вовсе этого не заслужили. Вполне понятно раздражение человека, получающего пощёчину в темноте; но весьма странный способ мести бросаться с кулаками среди бела дня на первого встречного и взваливать на него вину за ночное оскорбление. Но довольно об этом сдержанном, нелицеприятном, благочестивом и остроумном критике.

Как автор лишился своих бумаг, об этом здесь не место рассказывать, да и мало пользы, так как это его частное дело, и читатель может верить или не верить, как ему заблагорассудится. Однако в распоряжении автора был черновик, который он намеревался переписать набело с множеством поправок, о чём проведали издатели, так как в предисловии книгопродавца высказано опасение, что существует подложный список, в который внесено много изменений и т. д. Замечание это, хотя читатели не обратили на него внимания, совершенно справедливо, только подложен скорее напечатанный

список; он был опубликован с совершенно излишней торопливостью, так как автор вовсе ни о чём не подозревал. Ему говорили, однако, что книгопродавец очень обеспокоен, так как заплатил порядочную сумму за свой список.

В подлинной рукописи автора не было столько пропусков, как в книге, и ему непонятно, почему некоторые из них остались незаполненными. Если бы опубликование рукописи было доверено ему, он произвёл бы кой-какие исправления в местах, не вызвавших никаких нападок; равным образом он изменил бы немногое из того, на что были сделаны, по-видимому, основательные возражения. Но, признаться откровенно, значительнейшую часть книги он оставил бы нетронутой, ибо никогда бы ему в голову не пришло, что в ней что-нибудь может дать повод к неправильному истолкованию.

В конце книги автор находит статью, озаглавленную Отрывок, появление которой в печати поразило его больше, чем всё остальное. Это весьма несовершенный набросок, с прибавлением нескольких разрозненных мыслей, который автор дал когда-то одному господину, собиравшемуся писать на какую-то очень родственную тему; поэтому автор никогда не вспоминал о нем впоследствии и весьма был изумлён, увидя его пристёгнутым к книге, совершенно вопреки задуманным им методу и плану, ибо названный отрывок являлся основой гораздо более обширного сочинения. Очень прискорбно видеть такое нелепое употребление материала.

Ещё один упрёк был сделан критиками этой книги и некоторыми другими лицами: Пётр слишком часто божится и ругается. Каждый читатель понимает, что Петру необходимо клясться и изрыгать проклятия. Божба не напечатана и только подразумевается, а одно лишь понятие клятвы, как и понятие богохульной или бесстыдной речи, не заключает в себе ничего безнравственного. Мы вправе смеяться над глупостью папистов, посылающих людей к чертям, и представлять, как они клянутся, - ничего преступного в этом нет; но непристойные слова или опасные мнения, напечатанные хотя бы не полностью, вселяют в умы читателей дурные мысли, и уж в этом автора никак нельзя обвинить. Ибо рассудительный читатель найдёт, что самые жестокие удары сатиры в его книге направлены против современного обычая изощряться в остроумии на эти темы; замечательный пример такового дан на стр. 112, а также на некоторых других, хотя иногда, может быть, в слишком вольных выражениях, извинительных лишь в силу указанных причин. Книгопродавцу было сделано через третье лицо несколько предложений изменить те места, которые, по мнению автора, этого требуют. Но книгопродавец, по-видимому, не захотел им внять, опасаясь, что изменения могут повредить продаже книги. Автор не может не заключить эту апологию следующим размышлением: если ум - благороднейший и полезнейший дар человека, то юмор - дар наиприятнейший, и когда обе эти способности соучаствуют в создании какого-либо произведения, оно непременно придётся по вкусу публике. Между тем значительная часть людей, лишённых этих способностей или не умеющих их ценить, но благодаря своему чванству, педантизму и дурным манерам представляющих собой весьма удобную мишень для стрел остроумия и иронии, считает удар слабым вследствие своей нечувствительности, а если к остроумию примешана некоторая доля насмешки, они обзывают его зубоскальством и считают, что дело сделано. Благозвучное это словечко впервые было пущено в ход молодцами из квартала Уайтфрайарс, потом перешло в лакейские и, наконец, прочно привилось у педантов, каковыми применяется к проявлениям остроумия так же кстати, как если бы я применил его к математике сэра Исаака Ньютона. Но если это зубоскальство, как они его называют, столь презренная вещь, то

откуда у них самих постоянный зуд к нему? Взять для примера хотя бы только что упомянутого критика: больно видеть, как в своих писаниях он поминутно уклоняется от темы, чтоб рассказать нам о корове, задравшей хвост; и в своём возражении на настоящее сочинение он говорит, что всё это ерунда всмятку, и другие столь же блестящие вещи. Об этих impedimenta litterarum можно сказать, что они позорят ум; и самое мудрое для таких господ держаться подальше от греха или, по крайней мере, не показываться, пока не будет уверенности, что в них нуждаются.

В заключение автор думает, что после сделанных оговорок в книге этой останется очень немногое, чего нельзя было бы извинить юному писателю. Автор писал лишь для людей умных и обладающих вкусом; и ему кажется, что он не ошибётся, если скажет, что все они на его стороне; этого достаточно, чтобы внушить ему суетное желание открыть своё имя, относительно которого свет, со всеми его мудрыми догадками, до сих пор пребывает в полном неведении, - обстоятельство, доставляющее не лишённое приятности развлечение и публике и самому автору.

До сведения автора дошло, что книгопродавец убедил нескольких господ написать пояснительные примечания; за их доброкачественность автор не может отвечать, ибо не видел ни одного из них и не желает видеть, пока они не появятся в печати; и нет ничего невероятного, что тогда он с удовольствием обнаружит десятка два мнений, никогда не приходивших ему в голову.

3 июня 1709 года.

Post-Scriptum

Почти через год после того, как были написаны эти строки, какой-то неразборчивый книгопродавец опубликовал дурацкую брошюру под заглавием: "Примечания к Сказке бочки с некоторыми сведениями об авторе", и с наглостью, которая, мне кажется, должна караться законами, позволил себе назвать некоторые имена. Автор уверяет читателей, что сочинитель брошюры совершенно не прав во всех своих догадках по этому поводу. Автор утверждает далее, что вся книга с начала до конца написана одним лицом, как это легко обнаружит каждый рассудительный читатель. Господин, вручивший рукопись книгопродавцу, - друг автора; он не позволил себе никакого самовольства, кроме пропуска нескольких мест, где теперь пробелы, помеченные desiderata. Но если кто-нибудь станет притязать хотя бы на три строки во всей книге, пусть не чинится, назовёт своё имя и предъявит доказательства; на этот случай книгопродавцу отдано распоряжение напечатать их в ближайшем издании, после чего претендент будет признан бесспорным автором.

ДОСТОПОЧТЕННОМУ ДЖОНУ ЛОРДУ СОММЕРСУ

Милорд!

Хотя автор написал обширное посвящение, однако оно обращено к принцу, которого я, по-видимому, никогда не буду иметь чести знать, особе, к тому же, насколько я могу судить, вовсе не пользующейся уважением или вниманием ни у кого из наших теперешних писателей. Так как я совершенно чужд рабской угодливости прихотям авторов, обычно свойственной книгопродавцам, то считаю актом мудрой самонадеянности посвятить эту книгу вашему сиятельству и просить ваше сиятельство взять её под свою защиту. Богу и вашему сиятельству ведомы её недостатки и достоинства, сам

же я ничего в таких делах не смыслю; но хотя бы все были столь же несведущи, нисколько не боюсь пустить книгу в продажу по этой причине. Имя вашего сиятельства на фронтисписе, прописными буквами, во всякое время обеспечит одно издание; и я не желал бы никакой другой помощи, чтобы стать олдерменом, кроме как монопольного права на Посвящения вашему сиятельству.

Мне следовало бы, на правах посвящающего, представить вашему сиятельству перечень ваших достоинств, но при этом очень не хотелось бы оскорбить вашу скромность; особенно я бы должен был прославлять вашу щедрость к людям с большими дарованиями и малыми средствами, прозрачно вам намекнув, что подразумеваю себя самого. И я уже собрался, по принятому обычаю, прочитать сотню или две посвящений, чтобы сделать оттуда выдержки в применении к вашему сиятельству, но одна случайность отвлекла меня: на обложке этой рукописи я вдруг заметил два следующих слова, написанных крупными буквами: Detur dignissimo, которые, как мне показалось, имеют какой-то важный смысл. Но, к несчастью, обнаружилось, что никто из работающих у меня авторов не знает латыни (хотя я им часто платил деньги за переводы с этого языка). Мне пришлось поэтому прибегнуть к помощи младшего священника нашего прихода, который перевёл это так: пусть будет дано достойнейшему; по толкованию священника, автор желал, чтобы его произведение посвящено было величайшему по уму, учёности, рассудительности, красноречию и мудрости гению нашей эпохи. Я зашёл к одному поэту (работающему для моей лавки) из соседнего переулка, показал ему перевод и спросил, кого, по его мнению, может подразумевать автор; после некоторого размышления он ответил, что тщеславие есть порок, к которому он питает крайнее отвращение; но, судя по содержанию надписи, полагает, что подразумеваемое лицо есть не кто иной, как он сам, и при этом крайне любезно предложил свои услуги gratis, чтобы настрочить посвящение себе самому. Я попросил его, однако, высказать ещё какую-нибудь догадку. "Отчего же? - ответил он. - Если это не я, то лорд Соммерс". Потом я отправился ещё к нескольким знакомым умникам, подвергая свою особу немалому риску и неприятностям, благодаря несметному числу тёмных винтовых лестниц, но все они в один голос указывали на ваше сиятельство и себя самих. Да будет ведомо вашему сиятельству, что этот образ действия не моё изобретение, ибо я где-то слышал афоризм, что люди, которым все предоставляют второе место, имеют несомненное право на первое.

После этого я окончательно убедился, что ваше сиятельство есть именно то лицо, которое имел в виду автор. Но, будучи очень мало знаком со стилем и формой посвящений, я поручил только что упомянутым умникам снабдить меня указаниями и материалом для панегирика доблестям вашего сиятельства.

Через два дня они принесли мне десять листов бумаги, исписанных с обеих сторон. Они поклялись, что подобрали всё, что можно было найти в характерах Сократа, Аристида, Эпаминонда, Катона, Туллия, Аттика и других людей с такими же трудными именами, которых я не могу сейчас припомнить. Однако мне сильно сдаётся, что, воспользовавшись моим невежеством, они надули меня, так как когда я стал читать собранное ими, то не обнаружил ни одного слога, который бы не был мне и каждому так же хорошо известен, как и им. Поэтому я с горечью подозреваю обман: мои авторы украли и списали от слова до слова единодушное мнение о вас современников. Так что, по-моему, зря я выкинул пятьдесят шиллингов из кармана.

Если бы, изменив заглавие, я мог воспользоваться этим самым материалом для другого посвящения (как делали лица, выше меня стоящие),

это позволило бы мне возместить мои убытки; но я дал просмотреть написанное нескольким лицам, и все они, не прочитав и трёх строчек, уверяли меня, что оно ни к кому больше не может быть применено, кроме вашего сиятельства.

В самом деле, я ожидал услышать о храбрости вашего сиятельства как полководца; о бесстрашии, с каким вы бросаетесь в брешь или взбираетесь на стену крепости; или увидеть, как ваша родословная нисходит по прямой линии от австрийского дома; или узнать об удивительном вашем искусстве рядиться и танцевать; или о ваших глубоких познаниях в алгебре, метафизике и восточных языках. Но докучать публике старым избитым рассказом о вашем уме, красноречии, учёности, мудрости, справедливости, учтивости, прямоте и уравновешенности характера во всех жизненных положениях, о вашем великом уменье распознавать достойных людей и готовности оказывать им поддержку и четырьмя десятками других общих мест, признаюсь, я слишком для этого совестлив и застенчив. Ведь нет таких добродетелей, ни в общественной, ни в частной жизни, какие при нужных обстоятельствах вы не выказали бы публично, а те немногие, что, благодаря отсутствию поводов проявить их, могли бы остаться незамеченными вашими друзьями, позаботились недавно вынести на свет ваши враги.

Конечно, было бы искренне жаль, если бы блестящий пример доблестей вашего сиятельства пропал для будущих поколений, потому что это урон и для них и для вас, но главным образом потому, что они так необходимы для украшения истории последнего царствования; и это служит мне другим основанием воздержаться от перечисления их здесь, ибо я слышал от мудрых людей, что ни один добросовестный историк не станет пользоваться посвящениями для своих характеристик, если их будут писать в принятом теперь духе.

Есть один пункт, в котором, мне кажется, нам, посвятителям, хорошо было бы изменить свои приёмы: вместо того чтобы так рассыпаться в похвалах щедрости наших патронов, нам следовало бы потратить несколько слов на восхищение их терпением. Давая сейчас вашему сиятельству такой прекрасный повод проявить его, я считаю, что это будет высшей моей похвалой. Впрочем, может быть, мне и не следует вменять терпение в большую заслугу вашему сиятельству, давно уже привыкшему выслушивать скучные речи, иногда по такому же пустому поводу; надеюсь поэтому, что вы будете снисходительны и к настоящей речи, особенно приняв во внимание, что к вам обращается со всяческим почтением и благоговением,

Милорд,
Вашего сиятельства покорнейший
и преданнейший слуга,
Книгопродавец.

КНИГОПРОДАВЕЦ ЧИТАТЕЛЮ

Вот уже шесть лет, как в мои руки попала эта рукопись, написанная, по-видимому, за год до этого, ибо в предисловии к первому сочинению автор говорит, что рассчитывал выпустить его в 1697 году, да и по некоторым намёкам, разбросанным как в этом произведении, так и во втором, видно, что они написаны около этого времени.

Что касается автора, то не могу сообщить о нём решительно ничего; однако, по заслуживающим доверия сведениям, это издание совершается без его ведома: он считает рукопись потерянной, так как дал её лицу, теперь уже

покойному, и обратно не получил. Таким образом, было ли произведение окончательно отделано автором и собирался ли он восполнить пропущенные строки, остаётся одинаково неизвестным.

Если бы я вздумал рассказать читателю, по какой случайности я стал хозяином этих бумаг, мой рассказ в наш недоверчивый век был бы сочтён чем-то вроде надувательства торгаша. Поэтому я с удовольствием избавляю и его и себя от столь ненужного беспокойства. Остаётся ещё один щекотливый вопрос: почему я не издавал рукописи раньше? Я воздерживался по двум соображениям: во-первых, имел в виду более выгодное дело, а во-вторых, питал некоторую надежду услышать об авторе и получить от него указания. Но недавно меня очень встревожило известие о подложном списке, который какой-то большой умник заново отшлифовал и приукрасил или, как выражаются наши теперешние писатели, приспособил к духу времени, что уже так удачно проделано с Дон Кихотом, Боккалини, Лабрюйером и другими писателями. Я счёл за лучшее предложить публике произведение в неискажённом виде. Если кому-нибудь угодно будет снабдить меня ключом для объяснения более трудных частей, я буду весьма признателен за одолжение и напечатаю этот ключ отдельно.

ПОСВЯТИТЕЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

ЕГО КОРОЛЕВСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ПРИНЦУ

ПОТОМСТВУ

Сэр,

Преподношу вашему высочеству плоды очень немногих часов досуга, украденных у коротких перерывов между множеством дел и обязанностей, весьма далёких от подобного рода развлечений. Это жалкий продукт урывков времени, сильно меня тяготивших в периоды долгих отсрочек сессий парламента, оскудения заграничных известий и затяжной дождливой погоды. По этой и другим причинам он не особенно заслуживает высокого покровительства вашего высочества, чьи неисчислимые добродетели в столь раннем возрасте побуждают мир смотреть на вас как на пример в будущем для всех принцев. Ибо хотя ваше высочество только что вышли из младенчества, однако весь учёный мир уже решил подчиниться вашим будущим предписаниям с нижайшей и безропотнейшей покорностью, в убеждении, что сама судьба поставила вас единственным судьёю произведений человеческого ума в наш просвещённый и благовоспитанный век. Мне кажется, что число обращающихся к вашему решению способно было бы смутить и испугать более ограниченное дарование, чем у вашего высочества: но, чтоб помешать столь замечательному суду, особа, заботам которой поручено воспитание вашего высочества (по-видимому), решила (как мне передавали) держать вас почти в полном неведении относительно наших занятий, наблюдать над которыми прирождённое и неотъемлемое право ваше.

Меня удивляет смелость этой особы, которая вопреки очевидности пытается убедить ваше высочество в том, что наш век почти вовсе безграмотен и едва ли произвёл хоть одного писателя в каком-нибудь жанре. Я прекрасно знаю, что, достигнув более зрелых лет и изучив древних писателей, ваше высочество будете настолько любознательны, что не пренебрежёте изучением авторов непосредственно предшествующего вам времени. И подумать, что этот наглец в отчёте, подготовляемом для вашего обозрения, собирается свести их к столь ничтожному числу, что мне стыдно его назвать! Гнев

закипает во мне при этой мысли, я весь горю желанием вступиться за честь и интересы нашей обширной цветущей корпорации, а также моей собственной особы, к которой, как мне известно из долгого опыта, он относился и теперь относится с особенной злобой.

Вполне возможно, что, прочтя когда-нибудь эти строки, ваше высочество вступите в спор со своим воспитателем по поводу правильности моих утверждений и прикажете ему показать вам что-нибудь из наших произведений. В ответ на это ваш воспитатель (я хорошо осведомлён о его намерениях) спросит ваше высочество: "Где же они? Что с ними сталось?" - и выдаст это за доказательство, что их никогда не было, ибо в то время их невозможно будет сыскать. Невозможно сыскать! Кто же запрятал их? Канули они в пучину вещей? Но ведь по природе своей они были достаточно легковесны, чтобы плавать на поверхности веки вечные. Значит, виноват он сам, привязав им такой тяжёлый груз, что они пошли ко дну. Неужели же они истреблены без остатка? Кто же уничтожил их? Воспользовались ли ими после принятия слабительного или же изорвали на раскурку? Кто пустил их для задницы? Но чтобы у вашего высочества не было больше никаких сомнений, кто виновник этого всеобщего разрушения, прошу вас взглянуть на большую страшную косу, которую ваш воспитатель любит постоянно носить с собой. Благоволите обратить внимание на длину, крепость, остроту и твёрдость его ногтей и зубов; присмотритесь к его ядовитому гнусному дыханию, врагу жизни и вещества, гнилому и тлетворному, - и рассудите, возможно ли для каких-либо тленных чернил и бумаги нашего поколения оказать ему приличное сопротивление. О, если бы ваше высочество решились когда-нибудь обезоружить этого узурпировавшего власть ma?tre du palais, отняв у него разрушительные орудия, и установить вашу власть hors de page!

Было бы слишком долго перечислять различные способы тирании и разрушения, какие позволил себе применить ваш воспитатель в этом случае. Его закоренелая злоба к писаниям нашего времени так велика, что из нескольких их тысяч, ежегодно производимых нашим славным городом, ни об одном не бывает слышно по прошествии нескольких месяцев. Несчастные дети! Многие варварски истребляются прежде, чем научатся просить пощады на родном языке. Иных он душит в колыбели, других запугивает до конвульсий, от которых они скоропостижно умирают; с иных сдирает кожу живьём, других разрывает на куски. Великое множество приносится в жертву Молоху, а прочие, отравленные его дыханием, чахнут от истощения сил.

Но больше всего заботит меня положение нашего цеха поэтов, от лица которых я готовлю прошение вашему высочеству, которое будет покрыто ста тридцатью шестью подписями первоклассных имён; впрочем, бессмертные произведения их носителей, вероятно, никогда не достигнут ваших очей, хотя каждый из них в настоящее время смиренно и ревностно домогается лавров и в подкрепление своих домогательств может предъявить большие, изящно изданные томы. Бессмертные творения этих знаменитых мужей ваш воспитатель, сэр, обрёк на неминуемую гибель, уверив ваше высочество, что нашей эпохе не выпало чести произвести ни единого поэта.

По нашему убеждению, бессмертие - великая и могущественная богиня; но напрасны наши приношения ей и жертвы, если воспитатель вашего высочества, узурпировавший обязанности жреца, в беспримерном своём честолюбии и жадности будет перехватывать их и пожирать.

Утверждать, будто наш век совершенно необразован и вовсе лишён писателей, мне кажется такой дерзостью и такой ложью, что я часто собираюсь доказать противоположное почти что неопровержимым образом. Впрочем, хотя число писателей громадно и произведения их несметны, они,

однако, так молниеносно исчезают со сцены, что память о них и их образ изглаживаются, прежде чем успеют запечатлеться в нас. Когда у меня впервые возникла мысль об этом обращении, я приготовил обширный список заглавий для представления его вашему высочеству в качестве бесспорного довода в мою пользу. Свежие экземпляры заглавных страниц были только что выставлены на всех воротах и углах улиц; но когда через несколько часов я вернулся с целью рассмотреть их внимательнее, все они были сорваны, а на их месте красовались новые. Я стал справляться о них у читателей и книгопродавцев, но мои расспросы не привели ни к чему: всякая память о них изгладилась среди людей, невозможно было больше узнать, где они находятся.

Меня подняли на смех как деревенщину и педанта, лишённого всякого вкуса тонкости, мало осведомлённого в текущих делах и ничего не знающего о том, что творится в лучших придворных и городских кругах. Таким образом, я могу лишь в самой общей форме заявить вашему высочеству, что мы преисполнены учёности и остроумия, но привести какие-нибудь подробности - задача слишком щекотливая для моих слабых способностей. Если бы в ветреный день я вздумал утверждать вашему высочеству, что у горизонта плывёт большое облако, похожее на медведя, в зените - другое, имеющее вид ослиной головы, а на западе - третье, с когтями дракона, и ваше высочество через несколько минут пожелали бы проверить, правду ли я говорю, то, наверное, все эти облака уже изменили бы форму и положение, появились бы новые, и вы могли бы согласиться со мной лишь в том, что на небе есть облака, но признали бы, что я грубо ошибся относительно их зоографии и топографии.

Однако ваш воспитатель, может быть, всё ещё будет упорствовать и задаст вопрос: что же сталось с громадными кипами бумаги, понадобившимися для такого количества книг? Разве можно уничтожить их целиком с такой молниеносной быстротой, как я утверждаю? Что мне ответить на столь возмутительное возражение? Расстояние между вашим высочеством и мной слишком велико для того, чтобы послать вас убедиться воочию в отхожие места, к кухонным печам, к окнам непотребных домов или к грязным фонарям. Книги, подобно своим авторам, людям, одним только путём появляются на свет, но у них есть десятки тысяч путей уйти и никогда больше не возвращаться.

С полным чистосердечием заявляю вашему высочеству, что всё, о чём я собираюсь говорить, чистейшая правда в настоящую минуту, когда я пишу. Но я ни в коем случае не могу поручиться, что, перед тем как эти строки дойдут до вас, не случится никаких переворотов. Всё же прошу вас принять их как образец нашей учёности, нашей учтивости и нашего остроумия. Итак, даю слово честного человека, что в настоящее время у нас есть в живых некий поэт, по имени Джон Драйден, чей перевод Вергилия недавно напечатан большим, прекрасно переплетённым томом in folio, и если тщательно поискать, то, насколько мне известно, его ещё можно найти. Есть и другой, по имени Наум Тейт, готовый поклясться, что настрочил для выпуска в свет кучу стихов, подлинные экземпляры которых и сам он и его издатель (если законно потребовать) ещё могут представить, так что он очень удивлён, почему людям доставляет удовольствие делать из этого такую тайну. Есть и третий, известный под именем Тома Дерфи, поэт обширных знаний, разностороннего дарования и глубочайшей учёности. Есть также некий мистер Раймер и некий мистер Деннис, глубокомысленные критики. Есть и особа, величаемая доктором Б-ли, с огромной эрудицией написавшая около тысячи страниц, в качестве полного и точного отчёта об одном удивительной важности споре

между ним и издателем. Это писатель бесконечного ума и юмора; никто не умеет шутить с большим изяществом и весёлостью. Далее, признаюсь вашему высочеству, что собственными глазами видел особу Уильяма У-на, бакалавра богословия, написавшего благороднейшим слогом внушительных размеров том против одного друга вашего воспитателя (от которого - увы! - он не может поэтому ожидать большой благосклонности), украшенный крайней учтивостью и любезностью, полный открытий, одинаково драгоценных и своей новизной и полезностью, и уснащённый блёстками такого колкого и меткого остроумия, что автор его является достойным соратником своего вышеупомянутого друга.

Зачем мне входить в дальнейшие частности, которые могли бы наполнить целый том панегириками моим собратьям-современникам? Этот акт справедливости я отложу до более объёмистого труда, в котором собираюсь написать характеристику теперешнего поколения умников нашего народа. Личности их я опишу пространно и во всех подробностях; дарование же и умственные способности в миниатюре.

А покамест осмеливаюсь преподнести вашему высочеству верное извлечение из общей сокровищницы всех искусств и наук, предназначенное вам в помощь и руководство. И я ни капельки не сомневаюсь, что ваше высочество прочтёте его так же прилежно и почерпнёте оттуда столько же полезных сведений, как и другие молодые принцы почерпнули их из множества томов, написанных в последние годы в помощь их занятиям.

Да преуспеет ваше высочество в мудрости и добродетели, достигнет зрелости и затмит своим блеском всех своих царственных предков, - такова будет каждодневная молитва.

Сэр,
Вашего высочества
преданнейшего и т. д.

Декабрь 1697

ПРЕДИСЛОВИЕ

Умников в нынешний век так много и так они проницательны, что сановники церкви и государства начинают, по-видимому, сильно опасаться, как бы эти господа не вздумали, в периоды долгого мира, выискивать на досуге слабые стороны религии и управления. Чтоб это предотвратить, в последнее время с большим усердием стали выдвигаться проекты отвлечения сил и рвения наших грозных исследователей от разбора и обсуждения столь щекотливых вопросов. В конце концов всё остановились на одном проекте, выполнение которого потребует, однако, известного времени и больших издержек. Покуда же, - благодаря ежечасно возрастающей опасности со стороны новых отрядов умников, снабжённых (как есть основание опасаться) перьями, чернилами и бумагой, каковые в течение часа могут быть обращены в памфлеты и другое наступательное оружие, годное для немедленного употребления, - признано было совершенно необходимым безотлагательно придумать какое-нибудь временное средство - впредь до окончательной разработки главного плана. С этой целью один любознательный и тонкий наблюдатель сделал несколько дней назад в одной большой комиссии следующее важное сообщение: у моряков существует обычай, когда они встречают кита, бросать ему для забавы пустую бочку и тем отвлекать от

нападения на корабль. Притча эта немедленно подверглась истолкованию: кит был объявлен Левиафаном Гоббса, забавляющимся швырянием всех систем религии и государственного строя, великое множество которых подточены, иссушены, шумны, пустопорожни, топорны и крайне неустойчивы. Таков левиафан, от которого бесстрашные умники нашего века, как говорят, заимствуют своё оружие. Корабль в опасности понять легко, ибо издавна он служит символом государства. Но разгадать смысл бочки оказалось делом трудным; после долгого обсуждения и прений было решено сохранить буквальное значение, и собрание постановило: дабы помешать оным левиафанам швыряться и забавляться государством (которое и само по себе очень склонно к качанию), их следует отвлечь от той игры Сказкой бочки. И так как мои дарования сочтены были весьма подходящими для этой цели, то я удостоен заказом на сочинение названной сказки.

Вот единственная цель опубликования нижеследующего трактата, который, надеюсь, займёт на несколько месяцев названные беспокойные умы - впредь до осуществления грандиозного плана, тайну которого разумно будет немного приоткрыть благосклонному читателю.

Мы собираемся учредить большую академию, могущую вместить девять тысяч семьсот сорок три человека, каковая цифра, по скромному подсчёту, приблизительно равна наличному количеству умников на нашем острове. Их предполагается разместить по различным школам академии, где они будут предаваться тем занятиям, к которым чувствуют наибольшую склонность. Сам учредитель в весьма скором времени опубликует свои планы, к которым я и отсылаю любопытного читателя для более подробного ознакомления; здесь же упомяну лишь о нескольких главных школах. Там предполагается, во-первых, большая школа педерастов с учителями французами и итальянцами. Далее школа грамоты, весьма просторное здание; школа зеркал; школа ругани; школа критиков; школа слюнотечения; школа езды на палочке; школа поэзии; школа искусства пускать волчки; школа хандры; игорная школа и множество других, перечислять которые было бы слишком скучно. Никто не принимается в члены этих школ без удостоверения, за подписью двух компетентных лиц, в том, что предъявитель его действительно умник.

Но вернёмся к делу. Я хорошо знаю, каким требованиям должно удовлетворять предисловие; только бы у меня хватило способностей достигнуть идеала. Трижды понуждал я воображение пуститься в область вымысла, и трижды мои попытки кончались впустую; вся моя изобретательность была истощена сочинением самого трактата. Не то у моих более удачливых собратьев, современных писателей: никогда не выпускают они предисловия или посвящения без какой-нибудь эксцентрической выходки, чтоб с самого начала поразить читателя и разжечь его любопытство к тому, что будет дальше. Так, один весьма изобретательный поэт, в погоне за новизной, сравнил себя в предисловии с палачом, а своего патрона с приговорённым к смерти преступником; вот что было insigne, recens, indictum ore alio. Когда я проходил курс этих необходимых и благородных занятий, мне посчастливилось слышать много отменных штучек в таком роде, но не стану обижать сочинителей пересадкой их сюда, ибо я заметил, что нет вещи, более нежной и хуже выдерживающей переноску, чем современные остроты. Иные вещи необыкновенно остроумны сегодня, или натощак, или в этом месте, или в восемь часов вечера, или за бутылкой, или летним утром, или сказанные г-ном Как его звать; но стоит только произвести самую ничтожную перестановку или сказать их чуточку невпопад, и они совершенно пропадают. Таким образом, у остроумия есть свои дороги и участки, от которых оно не

может отклониться ни на волос под страхом гибели. Современные остряки научились искусственно останавливать эту ртуть и связывать условиями времени, места и личности. Есть шутка, которая не может выйти за пределы Ковент-гардена, и шутка, понятная только в уголке Гайд-парка. И вот, хоть мне подчас и больно бывает при мысли, что все остроумные места, которыми я уснащу задуманное произведение, устареют и утратят соль с первой же переменой нынешней обстановки, всё же я не могу не признать справедливости такого положения вещей; в самом деле, зачем нам стараться о доставлении острот будущим поколениям, если наши предки ничего нам не оставили в этой области? Это не только моё мнение, так думают все новейшие и, следовательно, ортодоксальнейшие и утончённейшие судьи. Однако, будучи крайне озабочен, чтобы каждый образованный человек, достигший того уровня вкуса, на который рассчитано остроумие текущего августа 1697 года, мог проникнуть до самого дна всех возвышенных мыслей, заключённых в настоящем трактате, я считаю нужным установить следующее общее правило: всякий читатель, желающий до конца понять мысли автора, сделает лучше всего, если мысленно перенесётся в ту обстановку и поставит себя в то положение, в каком находился автор, когда то или иное значительное место стекало с его пера, ибо таким образом установится равновесие и точное соответствие понятий у читателя с автором. И вот, чтобы помочь прилежному читателю в таком деликатном деле, насколько это позволяет ограниченность места, вспоминаю, что самые удачные части этого трактата были сочинены в постели, на чердаке; нередко также я считал нужным (по причинам, о которых не нахожу удобным рассказывать) изощрять своё воображение голодом; и вообще вся книга, от начала и до конца, была написана во время продолжительного лечения и большого безденежья. Вследствие этого я утверждаю, что добросовестному читателю будет совершенно невозможно понять многие блестящие места, если он не соблаговолит приготовиться к преодолению встречающихся трудностей при помощи преподанных указаний. Таков главный мой постулат.

Так как я объявил себя усерднейшим почитателем всех современных форм, то боюсь, как бы какой-нибудь придирчивый умник не стал меня упрекать за то, что, написав уже столько страниц предисловия, я ещё не сделал, согласно обычаю, ни одного выпада против массы писателей, на каковую вся эта писательская масса вполне справедливо сетует. Я только что прочёл несколько сот предисловий, авторы которых с первого же слова обращаются к благосклонному читателю с жалобой на это крайнее бесчинство. У меня сохранилось несколько образцов, которые привожу со всей точностью, какую позволяет мне память.

Одно из этих предисловий начинается так:

Выступать в качестве писателя в то время, когда пресса кишит, и т. д.

Другое:

Налог на бумагу не уменьшает числа пачкунов, ежедневно отравляющих, и т. д.

Третье:

Когда каждый мальчишка, мнящий себя умником, берётся за перо, небольшая честь стоять в списках, и т. д.

Четвёртое:

Когда наблюдаешь, какая мразь наполняет прессу, и т. д.

Пятое:

Только повинуясь вашему приказанию, милостивый государь, решаюсь я выступить перед публикой; ибо кто же по менее серьёзному поводу стал бы мешаться в эту толпу бумагомарак, и т. д.

Теперь скажу два слова в свою защиту против этого упрёка. Во-первых, я далеко не согласен с тем, что многочисленность писателей причиняет вред нашему отечеству и настойчиво утверждаю обратное в различных частях настоящего сочинения. Во-вторых, для меня несколько сомнительна справедливость такого образа действий, ибо я замечаю, что многие из этих учтивых предисловий написаны не только одной и той же рукой, но и людьми, наиболее плодовитыми в своей продукции. Расскажу читателю по этому поводу сказочку:

Один скоморох собрал вокруг себя на Лестерфилдсе огромную толпу зевак. Среди прочих там находился толстый неуклюжий парень, полузадушенный толпой, который то и дело орал: "Господи, какое грязное сборище! Ради бога, добрые люди, потеснитесь немножко! Тьфу, пропасть! Кой чёрт собрал сюда эту сволочь? Вот чёртова давка! Дружочек, прибери, пожалуйста, локоть!" В конце концов один стоявший рядом ткач не выдержал: "Чтоб тебе пусто было! Ишь какое пузо отрастил! Кто, спрашивается, чёрт тебя побери, устраивает здесь давку, как не ты? Разве ты не видишь, чума тебя разрази, что своей тушей ты занимаешь место за пятерых? Для тебя одного площадь, что ли? Подтяни-ка своё брюхо, чёртов сын, и тогда, я ручаюсь, места хватит на всех".

Писатель пользуется известными привилегиями, в благодетельности которых, надеюсь, нет никаких оснований сомневаться. Так, встретив у меня непонятное место, читатель должен предположить, что под ним кроется нечто весьма полезное и глубокомысленное; а если какое-нибудь слово или предложение напечатано другим шрифтом, значит, оно непременно содержит нечто необыкновенно остроумное или возвышенное.

Что же касается свободы, с какой я позволил хвалить себя по всякому удобному и неудобному поводу, то, я убеждён, она не нуждается ни в каком оправдании, если считать достаточно авторитетной вещью множество великих примеров. Ибо следует здесь заметить, что похвала была первоначально как бы пенсией, уплачиваемой обществом; однако современные писатели, находя, что собирать её очень хлопотно и обременительно, приобрели недавно в полную собственность право распоряжаться ею; с тех пор оно принадлежит всецело нам самим. По этой причине автор, расхваливая себя самого, облекает свои притязания в определённую формулу; она обыкновенно выражается такими или подобными словами: говорю без тщеславия, - что, мне кажется, ясно доказывает правоту и справедливость этих притязаний. И я раз навсегда заявляю, что в настоящем сочинении приведённая формула подразумевается во всех подобных случаях; упоминаю об этом во избежание слишком частых её повторений.

Великое облегчение для моей совести сознавать, что столь обстоятельный и полезный трактат не содержит ни единой крупинки сатирической соли; это единственный пункт, в котором я позволил себе отклониться от прославленных отечественных образцов нашего времени. Я

заметил, что некоторые сатирики обходятся с публикой совсем как школьные учителя с шалуном-мальчуганом, разложенным на скамье для порки; сначала отчитывают за проступок, потом доказывают необходимость розги и заключают каждый период ударом. А по-моему, если я смыслю что-нибудь в людях, эти господа отлично могли бы обойтись без своих выговоров и порки, ибо во всей природе нет более загрубелой и нечувствительной вещи, чем задница публики, действуете ли вы на неё носком сапога или берёзовыми прутьями. Кроме того, большинство наших современных сатириков, по-видимому, совершают большой промах, полагая, что раз крапива жжётся, то и все другие сорные травы должны обладать таким же свойством. Этим сравнением я нисколько не хочу унизить наших достойных писателей. Ведь мифологам хорошо известно, что сорные травы стоят выше всей прочей растительности, вследствие чего первый монарх нашего острова, отличавшийся таким тонким вкусом и острым умом, поступил весьма мудро, вырвав розы из цепи ордена и посадив на их место чертополох, как более благородный цветок. На этом основании лучшие наши знатоки древностей высказывают предположение, что сатирический зуд, так распространённый в этой части нашего острова, впервые был занесён к нам из-за Твида. Пусть же процветает он здесь и благоденствует долгие годы! Пусть смотрит на презрение света с таким же спокойным и пренебрежительным равнодушием, какое свет проявляет к его уколам! Пусть не приводит писателей в уныние ни собственная тупость, ни тупость их собратьев! Но пусть они помнят, что остроумие подобно бритве, которой легче всего порезаться, когда она притупилась. Кроме того, люди, у которых зубы слишком прогнили для того, чтобы кусать, как нельзя лучше вознаграждены за этот недостаток зловонием своего дыхания.

В противоположность другим людям, я чужд зависти и не умаляю талантов, которые мне недоступны; поэтому я преисполнен почтения к обширному и блестящему цеху наших британских писателей. И я надеюсь, что этот маленький панегирик не оскорбит их ушей, особенно если принять во внимание, что он предназначается только для них. В самом деле, сама природа позаботилась о том, чтобы слава и почёт приобретались сатирой легче, чем какими-либо другими произведениями ума: побои - самое верное средство добиться от людей похвалы, как и любви. Один старый писатель задаётся вопросом, почему посвящения и другие ворохи лести вечно состоят из затасканных общих мест, без малейшего намёка на что-нибудь новое, и тем не только вызывают досаду и отвращение у читателя-христианина, но также (если не принять безотлагательных мер) распространяют по всему нашему острову губительную болезнь - летаргический сон, между тем как очень немногие сатиры не содержат чего-нибудь свеженького. Несчастные свойства лести обыкновенно приписываются недостатку выдумки у людей, занимающихся этим жанром, но я думаю, что это крайне несправедливо; дело объясняется проще и естественней. Тем для панегирика так мало, что они давно уже исчерпаны. Ведь здоровье одно и всегда было одинаково, между тем как болезней тысячи, не считая ежедневно прибавляющихся новых; так и добродетели, когда-либо украшавшие человечество, можно все по пальцам перечесть; сумасбродств же и пороков несметное множество, и время ежечасно прибавляет к куче. Таким образом, самое большее, на что способен бедный поэт, это затвердить наизусть список главных добродетелей и с величайшей щедростью оделять ими своего героя или патрона. Однако в каких бы сочетаниях он их ни преподносил, как бы ни менял свои фразы, читатель живо обнаружит, что ему подают всё ту же свинину, только под разными соусами. Ведь мы в состоянии придумать ровно столько выражений,

сколько у нас есть понятий, и когда понятия исчерпаны, та же участь неизбежно постигает словесные обороты.

Но если бы даже материал для панегирика был так же обилен, как и темы для сатиры, всё же нетрудно найти удовлетворительное объяснение, почему последняя всегда будет встречать лучший приём, чем первый. Панегирик обращён лишь к одному или нескольким лицам одновременно; поэтому он неизбежно вызывает зависть и недовольство со стороны тех, кто оказался обделённым похвалами. Сатира же, будучи направлена на всех, никем не воспринимается как оскорбление, ибо каждый смело относит её к другим и весьма мудро перекладывает свою долю тяжести на плечи ближних, достаточно широкие, чтобы выдержать её. С этой точки зрения я не раз размышлял о различии между Афинами и Англией. В аттической республике каждый гражданин и поэт пользовался привилегией и правом открыто и всенародно бранить или выводить на сцене, называя по имени, любое самое видное лицо, будь то Креон, Гипербол, Алкивиад или Демосфен. Но, с другой стороны, малейшее предосудительное слово против народа вообще немедленно подхватывалось и вменялось в вину обронившим его людям, невзирая на их положение и заслуги. В Англии же дело обстоит как раз обратно. Здесь вы можете безопасно пустить в ход всё своё красноречие против человеческого рода и говорить в глаза публике: "Все сбились с пути, нет делающего добро, нет ни одного. Мы живём в гнуснейшее время. Мошенничество и атеизм распространяются эпидемически, как сифилис. Честность покинула землю вместе с Астреей", - и множество других общих мест, в равной степени новых и красноречивых, какие только может внушить вам splendida bilis. И когда вы кончили, ваши слушатели не только не оскорблены, но горячо вас поблагодарят, как возвестителя драгоценных и полезных истин. Больше того: стоит вам только рискнуть своими лёгкими, и вы свободно можете проповедовать в Ковент-гардене против щегольства, блуда и кой-чего ещё; против чванства, лицемерия и взяточничества - в Уайтхолле; можете обрушиться на грабёж и беззаконие в капелле квартала юристов, а с кафедры городских церквей громить сколько вам угодно скупость, ханжество и лихоимство. Всё это только мячик, пускаемый то туда, то сюда, и у каждого слушателя есть ракетка, которой можно отбросить его от себя на других слушателей. Но, с другой стороны, стоит только человеку, имеющему превратное представление о природе вещей, публично обронить самый отдалённый намёк, что такой-то уморил с голода половину матросов, а другую почти отравил; что такой-то из высоких чувств любви и чести не платит никаких долгов, кроме карточных и проституткам; что такой-то схватил триппер и просаживает своё состояние; что Парис, подкупленный Юноной и Венерой, чтоб не обидеть ни одной из сторон, проспал весь процесс, восседая в судейском кресле; или что такой-то оратор произносит в сенате длинные речи, весьма глубокомысленные, мало вразумительные и совершенно не относящиеся к делу. Стоит только, говорю, кому-нибудь вдаться в подобные частности, и он должен ожидать тюрьмы за scandalum magnatum, вызова на дуэль, преследования за клевету и привлечения к суду.

Но я забыл, что распространяюсь на тему, к которой не имею никакого отношения, так как нет у меня ни дарования, ни склонности к сатире. С другой стороны, я вполне доволен теперешним положением вещей и уже несколько лет занят подготовкой материалов для Панегирика человеческому роду, к которому собирался прибавить вторую часть, под заглавием: Скромная защита поведения черни во все времена. Оба эти произведения я хотел издать в виде приложения к настоящему трактату, но, увидя, что моя записная книга наполняется гораздо медленнее, чем я ожидал, я предпочёл приберечь их до

другого случая. Вдобавок осуществлению этого намерения помешала одна домашняя неприятность, в подробности которой хотя было бы очень кстати и совершенно в современном духе посвятить благосклонного читателя, и это очень способствовало бы удлинению настоящего предисловия до принятых теперь размеров, согласно правилу, что предисловие должно быть тем больше, чем меньше самая книга, - однако я не стану больше томить нетерпеливого читателя у преддверия и, надлежаще подготовив ум его этим предварительным рассуждением, с удовольствием посвящу в высокие таинства, которые следуют дальше.

СКАЗКА БОЧКИ

РАЗДЕЛ I

ВВЕДЕНИЕ

Кто одержим честолюбием заставить толпу слушать себя, должен изо всех сил нажимать, толкаться, протискиваться, карабкаться, пока ему не удастся сколько-нибудь возвыситься над ней. Ведь в каждом собрании, битком набитом людьми, можно наблюдать такую особенность: над головами собравшихся всегда есть достаточно места; вся трудность в том, как его достичь, - ибо из массы выбраться так же нелегко, как из пекла.

Evadere ad auras
Hoc opus, hic labor est.

Чтобы помочь беде, философы испокон веков применяли, свой способ: строили воздушные замки. Но несмотря на распространённость такого рода построек и давно приобретённую ими прочную репутацию, которая сохраняется и поныне, я смиренно полагаю, что все они, не исключая даже сооружения Сократа, подвесившего себя в корзине, чтобы привольнее было предаваться умозрению, страдают двумя явными неудобствами. Во-первых, фундамент у них возводится слишком высокий, так что часто они оказываются не доступными для зрения и всегда для слуха. Во-вторых, материалы их, крайне непрочные, сильно страдают от суровой погоды, особенно в наших северо-западных областях.

Таким образом, для верного достижения указанной высокой цели остаётся, насколько я могу представить, только три способа. Весьма заботливая в этом отношении мудрость наших предков придумала, в поощрение всех предприимчивых людей, три деревянных сооружения, которыми могли бы пользоваться ораторы, желающие без помехи произносить пространные речи. Сооружения эти: кафедра, лестница и странствующий театр. Ибо, что касается перил, то, хотя они делаются из того же материала и предназначаются для того же употребления, их нельзя, однако, удостоить четвёртого места вследствие их более низкого уровня, позволяющего соседям постоянно перебивать оратора. Сама трибуна, хоть она и достаточной высоты, тоже не имеет на это права, как бы ни настаивали её защитники. Ибо, если они соблаговолят рассмотреть её первоначальное назначение, а также побочные обстоятельства и околичности, служащие этому назначению, то легко признают, что теперешняя практика в точности соответствует первоначальному замыслу, а то и другое - этимологии слова, которое на финикийском языке необыкновенно выразительно и буквально

означает - место для сна; в ходячем же употреблении под ним разумеют мягкое, обложенное подушками сиденье для отдохновения старого подагрического тела; senes ut in otia tuta recedant. Что может быть справедливее такого возмездия? Так как прежде они пространно говорили, а другие в это время спали, то теперь могут спокойно спать, пока другие говорят.

Но если бы даже невозможно было привести никаких иных доводов для исключения трибуны и перил из списка ораторских сооружений, достаточно того, что допущение таковых опрокинуло бы число, которое я решил отстаивать во что бы то ни стало, в подражание мудрому методу многих других философов и великих учёных, в своём искусстве производить подразделения, облюбовывающих одно какое-нибудь мистическое число, которое их воображение делает до такой степени священным, что, вопреки здравому смыслу, они находят для него место в каждой части природы: сводят, включают и подгоняют к нему каждый род и вид, насильственно спаривая некоторые вещи и совершенно произвольно исключая другие. Итак, среди всех прочих чисел, больше всего занимало меня, в самых возвышенных моих умозрениях, число три, всегда доставлявшее мне неизъяснимое наслаждение. Сейчас печатается (и в ближайшее время выйдет в свет) моё панегирическое рассуждение об этом числе, в котором я не только подвёл под его знамя, при помощи самых убедительных доводов, чувства и элементы, но и переманил на его сторону немало перебежчиков от двух его великих соперников семи и девяти.

Итак, первым из названных ораторских сооружений как по рангу, так и по достоинству является кафедра. Есть несколько видов кафедр на нашем острове, но я ценю только сделанные из дерева, срубленного в Sylva Caledonia и вполне пригодного для нашего климата. Чем более ветхи эти кафедры, тем лучше как в отношении передачи звука, так и других свойств, о которых речь будет впереди. Наиболее совершенной по форме и величине я считаю кафедру узенькую, с самым малым числом украшений, и особенно без балдахина (ибо по старинному правилу кафедра должна быть единственным непокрытым сосудом в каждом собрании, где ею законно пользуются); при этих условиях, благодаря своему большому сходству с позорным столбом, она всегда будет производить могущественное влияние на человеческие уши.

О лестницах мне нет надобности говорить. К чести нашего отечества, иностранцы сами отметили, что мы превосходим все народы по части устройства и применения этого сооружения. Всходящие на него ораторы доставляют удовольствие не только своим слушателям приятной речью, но и всему свету предварительным опубликованием этих речей; я рассматриваю их как изысканнейшую сокровищницу нашего британского красноречия, и мне сообщили, что достойный гражданин и книгопродавец мистер Джон Донтон с большим трудом собрал достоверную коллекцию, которую вскоре собирается издать в двенадцати томах in folio, с гравюрами на меди. Высокополезный и редкий труд, вполне достойный такой руки.

Последней разновидностью ораторских машин является странствующий театр, с искусством водружаемый sub Jove pluvio, in triviis et quadriviis. Это великий питомник первых двух, и его ораторов посылают иногда на первую, иногда на вторую машину, соответственно их заслугам, так что между всеми тремя машинами существует самое тесное и постоянное общение.

Из этого тщательного описания ясно, что для привлечения внимания публики необходимо требуется возвышенное место. Хотя это требование признаётся всеми, однако относительно причины его существует разногласие;

и мне кажется, что очень немногие философы напали на правильное естественное разрешение указанного феномена. Самое глубокое и толковое объяснение из всех, какие мне попадались до сих пор, сводится к тому, что воздух, будучи тяжёлым и, следовательно (согласно системе Эпикура), постоянно опускающимся телом, должен ещё сильнее устремляться вниз под тяжестью и давлением слов, тоже являющихся тяжёлыми и увесистыми телами, как это видно из глубокого впечатления, которое они производят и оставляют в нас; поэтому их следует пускать с должной высоты, иначе они и не достигнут цели, и не упадут с достаточной силой.

Corpoream quoque enim vocem constare fatendum est,
Et sonitam, quoniam possunt impellere sensus.

Я тем охотнее готов принять эту гипотезу, что она подкрепляется распространённым наблюдением: в разных собраниях, где выступают эти ораторы, сама природа научила слушателей стоять с открытыми и направленными параллельно горизонту ртами, так что они пересекаются перпендикулярной линией, опущенной из зенита к центру земли. При таком положении слушателей, если они стоят густой толпой, каждый уносит домой некоторую долю, и ничего или почти ничего не пропадает.

Должен признать, что расположение и архитектура наших современных театров отличаются ещё большим совершенством. Прежде всего партер, в должном соответствии с вышеописанным наблюдением, помешен ниже сцены, чтобы любая пущенная оттуда весомая материя (будь то свинец или золото) попадала прямо в пасть неким критикам (так будто бы называется эта порода), которые стоят наготове, чтобы слопать всё, что подвернётся. Далее, из внимания к дамам ложи построены полукругом и на одном уровне со сценой, ибо подмечено, что значительная доза остроумия, расточаемого для возбуждения своеобразного зуда, распространяется по определённой линии, всегда круговой. Слезливые чувства и жиденькие мысли, по крайней своей легковесности, мягко поднимаются к средней области зала, где застывают и замораживаются ледяными умами тамошних завсегдатаев. Галиматья и шутовство, от природы воздушные и лёгкие, поднимаются на самый верх и, наверное, терялись бы под крышей, если бы благоразумный архитектор не устроил для них с большой предусмотрительностью четвёртый ярус, называемый двенадцатипенсовой галереей, и не заселил его подходящей публикой, жадно подхватывающей их на лету.

Предложенная здесь физико-логическая схема ораторских вместилищ или машин содержит великую тайну, являясь некоторым прообразом, знаком, эмблемой, тенью, символом, составляя аналогию обширной республике писателей и приёмам, при помощи которых им приходится возноситься на известную высоту над низшими людьми. Кафедра знаменует собой писания наших современных великобританских святых, одухотворённые и очищенные от грязи и грубости внешних чувств и человеческого разума. Материал её, как уже было сказано, - гнилое дерево, по двум соображениям: во-первых, гнилое дерево обладает свойством светиться в темноте; во-вторых, поры его полны червей, что служит двояким прообразом, поскольку имеет отношение к двум главным свойствам оратора и двоякой судьбе, постигающей его произведения.

Лестница является вполне подходящим символом политических интриг и поэзии, которым такое внушительное число писателей обязано своей славой. Политических интриг, потому что . . . . (Пропуск в рукописи.) . . . . поэзии, потому что ораторы этого рода заканчивают свою речь пением;

потому что, когда они медленно взбираются по ступенькам, судьба низвергает их в петлю задолго до достижения ими вершины; и наконец потому, что высокое звание поэта достигается заимствованием чужой собственности и смешением моего с твоим.

Образом странствующего театра охватываются все произведения, предназначенные для потехи и услаждения смертных, как-то: Шестипенсовые остроты, Вестминстерские проказы, Забавные рассказы, Универсальный весельчак и т. п., при помощи которых писатели с Граб-стрит и для Граб-стрит одержали в последние годы такую блестящую победу над временем, обрезали ему крылья, остригли ногти, выпилили зубы, перевернули его песочные часы, притупили косу, выдернули из сапог гвозди. К этому именно классу я позволяю отнести и настоящий трактат, будучи недавно удостоен чести избрания в члены столь славного братства.

Мне небезызвестны многочисленные нападки, которым в последние годы стала подвергаться продукция братства Граб-стрит, и постоянное обыкновение двух младших новоиспечённых обществ осмеивать наше братство и входящих в него писателей, как недостойных занимать место в республике остроумия и учёности. Собственная совесть без труда подскажет им, кого я имею в виду. Да и публика не такая уж невнимательная зрительница, чтобы не заметить постоянных усилий Грешемского и Виллльского обществ создать себе имя и репутацию на развалинах нашей славы. При нашей чувствительности и справедливости мы ещё больше огорчаемся, когда видим в поведении этих обществ не только несправедливость, но также неблагодарность, непочтительность и бесчеловечность. В самом деле, как может публика и сами они (не говоря уже о том, что наши протоколы чрезвычайно обстоятельны и ясны в этом отношении) забыть, что оба эти общества суть питомники не только нашей посадки, но и нашей поливки? Мне сообщают, что оба наши соперника недавно задумали объединить свои силы и вызвать нас помериться с ними весом и числом выпускаемых книг. В ответ на этот вызов я почтительно предлагаю (с разрешения нашего президента) два возражения. Первое: мы утверждаем, что их предложение похоже на предложение Архимеда относительно менее трудного дела: оно практически неосуществимо; в самом деле, где им найти достаточно поместительные для наших книг весы и где сыскать математика, способного их сосчитать? Второе: мы готовы принять вызов, но с условием, чтобы было назначено третье незаинтересованное лицо и его беспристрастному суждению предоставлено было решить, какому обществу по справедливости принадлежит каждая книга, каждый трактат и памфлет. Богу ведомо, как этот вопрос в настоящее время далёк от определённости. Мы готовы составить каталог нескольких тысяч книг, на которые наше братство имеет самые бесспорные права, однако мятежная кучка новомодных писателей самым бессовестным образом приписывает их нашим врагам. По этим соображениям, мы считаем совершенно несовместимым с нашим благоразумием предоставить решение самим авторам, тем более что происки и козни наших противников вызвали широкое дезертирство в наших рядах и большая часть членов нашего общества уже перебежала на сторону врага; даже наши ближайшие друзья начинают держаться поодаль, словно бы стыдясь знаться с нами.

Вот всё, что я уполномочен сказать на столь неблагодарную и прискорбную тему, ибо мы вовсе не хотим разжигать спор, продолжение которого может оказаться роковым для интересов обеих сторон, и нам было бы, напротив, гораздо желательнее по-дружески уладить наши разногласия. С своей стороны, мы настолько уступчивы, что готовы принять с

распростёртыми объятиями обоих блудных сыновей, когда бы они ни надумали вернуться от своей шелухи и блудниц, - мне кажется, что это самое подходящее название для занятий, которыми они в настоящее время увлечены. Подобно снисходительному отцу мы по-прежнему их любим и шлём им своё благословение.

Но величайший удар прежнему благожелательному отношению публики к писаниям нашего общества (если не считать, что нет ничего вечного под луной) нанесён был верхоглядством большинства нынешних читателей, которых никакими средствами невозможно убедить заглядывать под поверхность и оболочку вещей. Между тем мудрость - лисица, которую, после долгой охоты, нужно напоследок с большими усилиями доставать из норы; она - сыр, который тем лучше, чем толще, проще и грубее его корка, и для тонкого нёба самое лучшее в нём - черви; она - сладкий напиток, который тем вкуснее, чем больше вы отпиваете. Мудрость - курица, к кудахтанью которой мы должны прислушаться, потому что оно сопровождается яйцом; наконец, она - орех, который надо выбирать осмотрительно, иначе он может стоить вам зуба и вознаградить вас лишь червяком. В соответствии с этими важными истинами мои мудрые собратья всегда любили вывозить свои поучения и измышления в закрытых повозках образов и басен; но так как они украшали их, пожалуй, заботливее и диковиннее, чем нужно, то с их повозками случилось то же, что обыкновенно случается со слишком хитро расписанными и раззолоченными каретами: они так ослепляют глаза прохожих и так поражают их воображение внешним блеском, что те забывают посмотреть на сидящего внутри владельца. Некоторым утешением в несчастье служит нам то, что мы разделяем его с Пифагором, Эзопом, Сократом и другими нашими предшественниками.

Однако чтобы впредь ни публика, ни мы не страдали от таких недоразумений, я внял настойчивым просьбам друзей и принялся за полное и кропотливое исследование главнейших произведений нашего общества, которые, помимо красивой внешности, способной привлекать поверхностных читателей, таят в тёмной своей глубине законченнейшие и утончённейшие системы всех наук и искусств. Я не сомневаюсь, что мне удастся вскрыть эти богатства путём раскручивания или разматывания, извлечь при помощи выкачивания или обнажить при помощи надреза.

Великий этот труд был предпринят несколько лет тому назад одним из наиболее выдающихся членов нашего общества. Он начал с Истории Рейнеке-Лиса, но не дожил до выхода в свет своего исследования, и смерть помешала ему продолжить столь полезное начинание, что весьма прискорбно, так как сделанное им открытие, которым он поделился с друзьями, получило теперь всеобщее признание: я думаю, никто из учёных не станет оспаривать, что эта знаменитая История является полным сводом политических знаний и откровением, или, вернее, апокалипсисом, всех государственных тайн. Но я двинул предпринятый труд гораздо дальше: мной уже закончены примечания к нескольким дюжинам таких произведений. Некоторыми из своих наблюдений я поделюсь с беспристрастным читателем, насколько это необходимо для вывода, к которому я стремлюсь.

Первой вещью, с которой я имел дело, является Мальчик-с-пальчик: автор его - пифагорейский философ. Этот тёмный трактат содержит целую систему метемпсихозы и излагает странствование души по всем её поприщам.

Дальше идёт Доктор Фауст, написанный Артефием, автором bonae notae и адептом. Он выпустил это сочинение на девятьсот восемьдесят четвёртом году своей жизни. Писатель этот следует всё время путём реинкрудации или via humida, и бракосочетание Фауста и Елены прозрачно

освещает ферментацию мужского и женского дракона.

Виттингтон и его кошка - произведение таинственного рабби Иегуды Ганасси, содержащее защиту Гемары и иерусалимской Мишны и доказательство её превосходства над Мишной вавилонской вопреки общепринятому мнению.

Лань и пантера. Это шедевр знаменитого ныне живущего писателя, в котором он даёт сводку выдержек из шестнадцати тысяч схоластиков от Скотуса до Беллярмина.

Томми Поте. Другое произведение, приписываемое тому же автору и являющееся дополнением первого.

Набитый дурак, cum appendice. Этот трактат блещет огромной эрудицией и может быть назван великим образцом и источником всех доводов, которые приводятся во Франции и Англии в справедливую защиту современной учёности и остроумия против заносчивости, чванства и невежества древних. Неизвестный автор так полно исчерпал предмет, что всё написанное с тех пор по поводу этого спора, как это легко обнаружит проницательный читатель, есть почти сплошное повторение. Извлечение из этого трактата недавно было опубликовано одним достойным членом нашего общества.

Приведённых образчиков, я думаю, достаточно, чтобы дать просвещённому читателю представление о характере всего произведения, которому посвящены теперь все мои мысли и занятия, и если смерть не помешает мне окончательно подготовить его к печати, я буду считать, что жалкий остаток несчастной жизни нашёл благое употребление. Правда, труд этот почти непосилен для пера, изношенного до сердцевины на службе государству, когда им столько было написано за и против папистских заговоров, мучных бочек, билля об отводе, пассивного повиновения, предложений жизни и имущества, прерогатив, собственности, свободы совести и писем к другу; непосилен для ума и совести, изношенных и истрёпанных в постоянном вращении; для головы, пробитой в сотне мест недоброжелателями из враждебных партий, и для тела, истощённого плохо вылеченными венерическими болезнями, которыми я обязан доверчивому отношению к сводням и коновалам, оказавшимся (как обнаружилось впоследствии) заклятыми моими и правительства врагами, выместившими свою партийную злобу на моём носе и моих ногах. Девяносто одну брошюру написал я при трёх царствованиях к услугам тридцати шести политических группировок. Однако, видя, что государство не нуждается больше во мне и в моих чернилах, я добровольно удаляюсь проливать их на более подходящие философу размышления, несказанно удовлетворённый безупречностью всей долгой жизни моей.

Но вернёмся к делу. Приведённых выше образцов, я уверен, достаточно, чтобы обелить в глазах беспристрастного читателя остальные произведения нашего общества от распространяемой, ясное дело, завистью и невежеством клеветы, будто нет от них людям никакой пользы и добра и годны они только на то, чтобы развлекать остроумием и слогом; ибо этих последних качеств, мне кажется, ещё не оспаривал у нас самый крайний недоброжелатель. И вот на всём протяжении настоящего трактата я, как в отношении обоих названных качеств, так и в более глубоком и сокровенном смысле, наиближайшим образом следовал самым прославленным образцам. И чтобы все требования были выполнены, я, после долгих размышлений и с великим напряжением ума, добился в заглавии моего трактата (под каким я намерен пустить его в обращение при дворе и в городе) точного соответствия со своеобразной манерой нашего общества.

Признаюсь, я не поскупился на заглавия, ибо заметил всё возрастающую склонность к их усложнению среди писателей, к которым я питаю величайшее уважение. И действительно, ничего нет неразумного в том, чтобы книги, дети мозга, бывали окрещены несколькими именами, подобно детям знатных особ. Наш знаменитый Драйден пошёл ещё дальше, попробовав ввести также многочисленных крёстных отцов, что является значительным усовершенствованием по весьма понятной причине. Жаль, что это удивительное изобретение не привилось лучше и не распространилось с тех пор путём всеобщего подражания, - ведь пример подан таким высоким авторитетом. Сам я не щадил сил на поддержку столь полезного начинания. Однако с приглашением крёстного отца сопряжены большие расходы, что, можете себе представить, совсем вылетело у меня из головы. В чём тут было дело, не могу сказать наверное; однако, после того как с величайшим трудом и крайним напряжением мысли удалось мне раздробить свой трактат на сорок разделов и я обратился к сорока знакомым лордам с просьбой удостоить меня чести быть крёстными отцами, все они прислали мне вежливый отказ, сочтя выступление в этой роли несовместимым со своей совестью.

РАЗДЕЛ II

СКАЗКА БОЧКИ

Жил когда-то человек, у которого было трое сыновей от одной жены, родившихся одновременно, так что даже повивальная бабка не могла сказать наверное, кто из них старший. Отец умер, когда они были ещё очень молоды; на смертном ложе, подозвав к себе юношей, он сказал так:

Сыновья! Так как не нажил я никакого имения и ничего не получил по наследству, то долго раздумывал, что бы хорошее завещать вам. Наконец, с большими хлопотами и затратами удалось мне справить каждому из вас по новому кафтану (вот они). Знайте же, что у кафтанов этих есть два замечательных свойства. Первое: если вы будете носить их бережно, они сохранятся свежими и исправными в течение всей вашей жизни. Второе: они сами собой будут удлиняться и расширяться соответственно вашему росту, так что всегда будут вам впору. Позвольте же мне перед смертью взглянуть, как они сидят на вас. Так, отлично! Прошу вас, дети, носите их опрятно и почаще чистите. Вы найдёте в моём завещании (вот оно) подробнейшие наставления, как носить кафтаны и держать их в порядке; соблюдайте же эти наставления в точности, если хотите избежать наказаний, положенных мной за малейшее их нарушение или несоблюдение; всё ваше будущее благополучие зависит от этого. В своём завещании я распорядился также, чтобы вы по-братски и по-дружески жили вместе в одном доме; если вы меня ослушаетесь, не будет вам счастья на свете.

Тут, гласит предание, добрый отец умер, и три сына пошли сообща искать себе счастья.

Не буду докучать вам рассказом о приключениях, выпавших на их долю в первые семь лет, скажу только, что они свято соблюдали отцовское завещание и держали кафтаны в отличном порядке; посетили разные страны, выдержали схватку со множеством великанов и одолели несколько драконов.

Достигнув возраста, когда им можно было показываться в свете, приехали они в город и стали волочиться за дамами, особенно за тремя, бывшими в то время в большой славе: герцогиней d'Argent, madame de Grands Titres и графиней d'Orgueil. При первом своём появлении трое наших

искателей приключений встретили очень дурной приём. Они быстро смекнули, чем это вызвано, и немедленно начали делать успехи в тонком городском обхождении: писали, зубоскалили, подбирали рифмы, пели; говорили, ничего не высказывая; пили, дрались, распутничали, спали, ругались и нюхали табак; ходили в театры на первые представления; слонялись по кондитерским, учинили драку с городской стражей, ночевали на улице и заражались дурными болезнями; обсчитывали извозчиков, должали лавочникам и спали с их жёнами; избивали до смерти судебных приставов, спускали с лестницы скрипачей; обедали у Локета, бездельничали у Билля; говорили о гостиных, в которых никогда не бывали; обедали с лордами, которых в глаза не видели; шептали на ухо герцогине, которой никогда не сказали ни слова; выдавали каракули своей прачки за любовные записки знатных дам; то и дело приезжали прямо из дворца, где их никто не видел; бывали на утреннем приёме короля sub dio; выучивали наизусть список пэров в одном обществе и болтали о них как о коротких знакомых - в другом. А больше всего любили бывать в собраниях сенаторов, которые безгласны в палате, но шумят в кофейнях, где пережёвывают по вечерам политические темы, окружённые тесным кольцом учеников, жадно подбирающих роняемые ими крохи. Трое братьев приобрели ещё сорок таких же высоких качеств, перечислять которые было бы скучно, и в результате стали вполне заслуженно пользоваться репутацией самых благовоспитанных людей в городе. Но даже всего этого оказалось недостаточно, и вышеупомянутые дамы по-прежнему оставались непреклонны. Чтобы пролить свет на лежавшее тут препятствие, я должен, с любезного разрешения читателя и злоупотребляя его терпением, остановиться на некоторых важных обстоятельствах, недостаточно разъяснённых писателями нашей эпохи.

Около этого времени возникла секта, учение которой распространилось очень широко, особенно в высшем свете и среди модников. Приверженцы её поклонялись некоему идолу, который, согласно учению, ежедневно создаёт людей при помощи особых механических приёмов. Этого идола они ставили в самом верхнем этаже дома, на алтаре в три фута вышиной. Там восседал он на плоскости в позе персидского шаха, подогнув под себя ноги. Эмблемой этого бога был гусь; вследствие чего некоторые учёные выводят его происхождение от Юпитера Капитолийского. По левую руку от алтаря как бы разверзался ад, который поглощал создаваемых идолом животных. Для предотвращения этого несчастья некоторые жрецы время от времени бросали туда куски неодушевлённой материи или вещества, а иногда и целые уже оживлённые члены, которые эта ужасная пасть ненасытно пожирала, так что страшно было смотреть. Гусь также почитался как подчинённое божество или Deus minorum gentium, на алтарь которого приносилась в жертву та тварь, что постоянно питается человеческой кровью и повсюду пользуется большим почётом, так как является любимым лакомым блюдом египетского cercopithecus'a. Миллионы этих животных жестоко истреблялись ежедневно, чтоб утолить голод прожорливого божества. Главный идол почитался также изобретателем ярда и иголки, в качестве ли бога моряков или по причине неких других таинственных свойств, - вопрос этот не получил ещё достаточного освещения.

У почитателей этого божества был также свой символ веры, основывавшийся, по-видимому, на следующих основных догматах. Они считали вселенную огромным платьем, облекающим каждую вещь. Так, платье земли - воздух; платье воздуха - звёзды; платье звёзд - первый двигатель. Взгляните на шар земной, и вы убедитесь, что это полный нарядный костюм. Что такое то, что иные называют сушей, как не изящный кафтан с зелёной оторочкой? Что такое море как не жилет из волнистого

муара? Обратитесь к отдельным творениям природы, и вы увидите, какой искусной портнихой была она, наряжая щёголей из растительного царства. Посмотрите, какой щегольской парик украшает верхушку бука, какой изящный камзол из белого атласа носит берёза! Наконец, что такое сам человек как не микрокафтан или, вернее, полный костюм со всей отделкой? Что касается человеческого тела, то тут не может быть никаких споров. Но исследуйте также все душевные качества: вы найдёте, что все они по порядку составляют части полного туалета. Возьмём несколько примеров. Разве религия не плащ, честность не пара сапог, изношенных в грязи, самолюбие не сюртук, тщеславие не рубашка и совесть не пара штанов, которые хотя и прикрывают похоть и срамоту, однако легко спускаются к услугам той и другой?

Исходя из такого допущения и рассуждая последовательно, мы необходимо придём к выводу, что те сущности, которые мы неточно называем платьями, в действительности являются наиболее утончёнными видами животных и даже больше - разумными тварями или людьми. Ведь разве не ясно, что они живут, движутся, говорят и совершают все прочие отправления человека? Разве красота, ум, представительная наружность и хорошие манеры не неотъемлемые их свойства? Словом, мы только и видим, что их, только их и слышим. Разве не они гуляют по улицам, наполняют парламенты, кофейни, театры и публичные дома? И правда, эти живые существа, по невежеству называемые платьями или одеждой, получают различные наименования, смотря по тому, из чего они состоят. Так, сочетание золотой цепи, красной мантии, белого жезла и большой лошади называется лорд-мэром; сочетание в определённом порядке горностая и других мехов величается нами судьёй, а подходящее соединение батиста с чёрным атласом титулуется епископом.

Другие последователи этой секты, принимая основные её догматы, ещё больше изощрили некоторые второстепенные пункты. Так, они утверждали, что человек есть животное, состоящее из двух платьев - природного и небесного, под которыми подразумевали тело и душу: душа - верхняя одежда, тело - нижняя, причём последняя - ex traduce, но первая творится и облекается ежедневно. Они доказывали это при помощи Писания, так как в них мы живём и движемся и существуем, а также при помощи философии, потому что они все во всём и все в каждой части. Кроме того, говорили они, разделите эти две одежды, и вы обнаружите, что тело есть лишь бесчувственный отвратительный труп. Из всего этого явствует, что верхняя одежда необходимо должна быть душой.

С этой системой религиозных догматов связывались разные второстепенные теории, встречавшие в городе весьма благожелательный приём. Так, например, тамошние учёные следующим образом толковали душевные способности: вышивка - неистощимое остроумие; золотая бахрома - приятное обхождение; золотые галуны - находчивый ответ; большой парик - юмор, густо напудренный кафтан - балагурство. Умелое применение этих способностей требовало, однако, крайней изощрённости и деликатности, а также своевременности и строгого соблюдения требований моды.

С большим трудом, при помощи учёных изысканий, удалось мне извлечь из древних авторов этот краткий очерк философской и богословской системы, являющейся, по-видимому, плодом весьма своеобразного склада мысли и в корне отличной от всех других систем, древних и новых. И я пустился в эти изыскания не столько для развлечения читателя или удовлетворения его любознательности, сколько желая пролить свет на некоторые подробности этой повести: я хочу, чтобы, зная умонастроение и взгляды столь отдалённой эпохи, читатель лучше понял великие события,

которые проистекли из них. Поэтому советую благосклонному читателю с величайшим вниманием многократно перечитать всё написанное мной на эту тему. Теперь же, заканчивая своё отступление, я заботливо подбираю главную нить моей повести и продолжаю.

Итак, эти взгляды и практическое их применение были настолько распространены в изысканных придворных и городских кругах, что трое наших братьев - искателей приключений - совсем растерялись, попав в очень щекотливое положение. С одной стороны, три названные нами дамы, за которыми они ухаживали, были отъявленными модницами и гнушались всего, что хоть на волосок отклонялось от требований последней моды. С другой стороны, завещание отца было совершенно недвусмысленно и, под страхом величайших наказаний, запрещало прибавлять к кафтанам или убавлять от них хотя бы нитку без прямого на то предписания. Правда, завещанные отцом кафтаны были из прекрасного сукна и сшиты так ладно, что положительно казались сделанными из цельных кусков, но в то же время были очень просты и с самыми малыми украшениями или вовсе без украшений. И вот случилось, что не пробыли братья и месяца в городе, как вошли в моду большие аксельбанты; немедленно все стали щеголять в аксельбантах; без пышных аксельбантов нельзя было проникнуть в дамские будуары. У этого парня нет души!- восклицала одна, - где его аксельбант? Три брата на горьком опыте скоро убедились, какой недостаток в их туалете; каждое их появление на улице вызывало насмешки и оскорбления. Приходили они в театр, капельдинер посылал их на галёрку; кликали лодку, - лодочник отвечал: Мой ялик только для господ; хотели распить в Розе бутылочку, - слуга кричал: Здесь пива не подают, любезные! Делали визит к даме, лакей встречал их на пороге словами: Передайте мне ваше поручение. В этом бедственном положении братья немедленно обратились к отцовскому завещанию, читали его вдоль и поперёк, но об аксельбантах не нашли ни слова. Что было делать? Как выйти из затруднения? И повиновение было необходимо, и аксельбантов до смерти хотелось. После долгих размышлений один из братьев, который был начитаннее двух других, заявил, что придумал выход. Действительно, сказал он, в завещании нет никакого упоминания об аксельбантах totidem verbis, но я осмеливаюсь высказать предположение, что мы можем найти их там inclusive или totidem syllabis. Это различение тотчас же было одобрено, и братья снова принялись внимательно перечитывать завещание. Но несчастная их звезда подстроила так, что первого слога не оказалось во всей бумаге. Неудача не смутила, однако, того из братьев, что придумал первую увёртку. Братья, сказал он, не теряйте надежды; хотя мы не находим то, чего ищем, ни totidem verbis, ни totidem syllabis, но ручаюсь, что мы разыщем нужное нам слово tertio modo или totidem litteris. Эта замечательная мысль тоже была встречена горячим одобрением, и братья ещё раз принялись за работу. В самое короткое время они выискали А, С, Е, Л, Ь, Б, А, Н, Т. Но их положительно преследовала враждебная планета: буква К ни разу не встречалась во всём завещании. Затруднение казалось непреодолимым! Но находчивый брат (мы вскоре придумаем для него имя) при помощи весьма веских доводов, с завещанием в руке, доказал, что К - новая незаконная буква, неизвестная в просвещённые времена и отсутствующая в древних рукописях. Правда, сказал он, слово calendae писалось иногда в Q. V. C. через К, но ошибочно, потому что в лучших списках всегда стоит С. Вследствие этого большая ошибка писать аксельбант с К, и в будущем он примет меры к тому, чтобы эта буква была выброшена. После этого все затруднения исчезли: аксельбанты были явно дозволены jure paterno, и три наших кавалера со спокойной совестью стали важно

разгуливать с такими же огромными развевающимися аксельбантами на кафтанах, как у самых записных модников. Но человеческое счастье непрочно; недолговечными оказались и тогдашние моды, от которых это счастье всецело зависит. Аксельбанты отжили своё время, и мы должны теперь представить, как они постепенно вышли из моды. Дело в том, что приехал из Парижа один вельможа с пятьюдесятью ярдами золотых галунов на кафтане, нашитых по последней придворной моде. Через два дня все нарядились в кафтаны, сверху донизу обшитые золотым галуном; кто осмеливался показываться в обществе, не украсив себя золотым галуном, тот вызывал скандал и встречал дурной приём у женщин. Что было делать трём нашим рыцарям в столь важных обстоятельствах? Они уже допустили большую натяжку относительно аксельбантов; обратившись к завещанию, братья нашли лишь altum silentium. Аксельбанты были внешним, болтающимся, несущественным привеском, галуны же казались слишком серьёзным изменением, чтобы произвести его без достаточного полномочия; они aliquo modo essentiae adhaerere, и ношение их требовало поэтому прямого предписания. К счастью, как раз в это время упомянутый учёный брат прочёл Диалектику Аристотеля и особенно его удивительный трактат об истолковании, научающий нас искусству находить для каждой вещи любое значение, кроме правильного; так поступают комментаторы Откровений, которые объясняют пророков, не понимая ни одного слова текста. Братья, сказал он, да будет вам известно, что duo sunt genera завещаний: устные и письменные.

Что в этом письменном завещании, лежащем перед нами, нет предписания или упоминания о золотых галунах, conceditur, но si idem affirmetur de nuncupatorio, negatur, ибо, если вы помните, братья, мы слышали, когда были маленькими, как кто-то сказал, что он слышал, как слуга моего отца сказал, что он слышал, как отец сказал, что он советует сыновьям завести золотые галуны на кафтанах, как только средства позволят нам купить их.

- Ей-богу, это правда!- воскликнул другой брат. - Как же, прекрасно помню!- отозвался третий. Без дальнейших споров обзавелись они широчайшими галунами в приходе и стали разгуливать нарядные, как лорды.

Вскоре после этого вошёл в большую моду очень изящный атлас огненного цвета для подкладки, и тотчас же один купец принёс нашим кавалерам образчик. Не понравится ли вашей милости (сказал он)? Милорд Клиффорд и сэр Джон Уолтер вчера только взяли себе на подкладку из этого куска; берут нарасхват, и завтра к десяти часам утра у меня не останется даже лоскутка на подушечку для булавок жене. Тут братья снова уткнулись в завещание, находя, что теперешний случай тоже требует прямого предписания, так как подкладка считалась ортодоксальными писателями сущностью кафтана. Долго искали, но ничего не могли найти, кроме коротенького совета отца остерегаться огня и тушить свечи перед отходом ко сну. Совет этот, хотя и очень подходил к делу и сильно укреплял сложившееся у братьев убеждение, всё же не обладал всей категоричностью прямого предписания; тогда, чтобы положить конец дальнейшим сомнениям и устранить в будущем поводы для соблазна, учёный брат заявил следующее: "Помнится, читал я в завещаниях об особых приписках, являющихся их составной частью; всё, что содержится в этих приписках, имеет такую же силу, как и само завещание. И вот, внимательно осмотрев завещание нашего отца, я не могу признать его полным вследствие отсутствия в нём такого рода приписки. Поэтому я и хочу прикрепить её поискуснее в подобающем месте: приписка эта давно у меня, она составлена псарём моего дедушки, и в ней, к счастью, очень обстоятельно говорится как раз об атласе огненного цвета".

Оба других брата тотчас с ним согласились; кусок старого пергамента по всем правилам искусства был приклеен к завещанию; атлас куплен и пришит к кафтанам в качестве подкладки.

В следующую зиму один актёр, подкупленный цехом бахромщиков, играл свою роль в новой комедии, весь по крытый серебряной бахромой, после чего, согласно похвальному обычаю, бахрома эта вошла в моду. Когда братья обратились за советом к завещанию, они, к великому своему изумлению, нашли там слова: а также строжайше запрещаю поименованным трём сыновьям моим носить какую-либо серебряную бахрому как на указанных кафтанах, так и кругом них и т. д.; далее следовал перечень наказаний в случае ослушания: он слишком велик для того, чтобы приводить его здесь. Однако по прошествии некоторого времени брат, выдававшийся своей начитанностью и весьма искусный по части критики, нашёл у некоего писателя, которого называть не захотел, что стоящее в завещании слово бахрома значит также метла и, несомненно, должно быть истолковано здесь в таком смысле. С этим не согласился один из остальных братьев, потому что, по его скромному мнению, эпитет серебряный едва ли мог быть применён к метле; но в ответ ему было заявлено, что эпитет этот следует понимать в мифологическом и аллегорическом смысле. Однако скептик не унимался и спросил, зачем отцу понадобилось запрещать им носить метлу на кафтанах, - предостережение ненужное и нелепое; его резко оборвали за столь непочтительное отношение к тайне, которая, несомненно, весьма полезна и многозначительна, но не следует чересчур о ней умствовать и со слишком большим любопытством совать в неё нос. Словом, отцовский авторитет в то время уже настолько поколебался, что эта выдумка была принята как законное дозволение увешать себя серебряной бахромой с головы до пят.

Через некоторое время возродилась старинная, давно забытая мода на вышитые индийские фигурки мужчин, женщин и детей. Тут им не было надобности обращаться к завещанию. Братья отлично помнили, какое отвращение питал всегда их отец к этой моде; завещание содержало даже несколько специальных оговорок, в которых он выражал своё крайнее порицание и грозил сыновьям вечным проклятием, если они вздумают носить упомянутые фигурки. Невзирая на это, через несколько дней они разрядились как первейшие городские модники. Затруднения же разрешили, говоря, что теперешние фигурки вовсе не те самые, что носили когда-то, и которые подразумеваются в завещании. Кроме того, братья носили их не в том смысле, в какой они были запрещены отцом, но следуя похвальному и весьма полезному для общества обычаю. Таким образом, по мнению братьев, эти строгие оговорки завещания требовали некоторого смягчения и благожелательного толкования; их следовало понимать cum grano salis.

Но так как моды в те времена менялись беспрестанно, то учёному брату надоело искать дальнейшие увёртки и разрешать возникающие одно за другим противоречия. Решив во что бы то ни стало следовать светским модам, братья обсудили положение вещей и единогласно постановили запереть отцовское завещание в крепкий ящик, привезённый из Греции или Италии (я забыл, откуда именно), и больше не беспокоить себя обращением к нему, а только ссылаться на его авторитет, когда они сочтут нужным. Вследствие этого, когда вскоре широко распространилась мода носить бесчисленное количество шнурков, в большинстве случаев с серебряными наконечниками, учёный брат заявил ex cathedra, что шнурки вполне согласуются с jure paterno, как все они хорошо помнят. Правда, мода в своих требованиях шла немного дальше прямых предписаний завещания, однако в качестве полномочных наследников своего отца они вправе сочинять и прибавлять некоторые

оговорки на общее благо, хотя бы их и невозможно было вывести totidem verbis из буквы завещания, так как иначе multa absurda sequerentur. Это заявление было признано каноническим, и в следующее воскресенье братья пришли в церковь, с головы до пят покрытые шнурками.

Столь часто упоминаемый учёный брат прослыл с тех пор знатоком во всех такого рода вопросах; поэтому, когда дела его пошатнулись, он удостоился милости быть приглашённым в дом к одному вельможе учить его детей. Спустя некоторое время вельможа умер, и учёный брат, набивший руку на отцовском завещании, ухитрился смастерить дарственную запись, отказывающую этот дом ему и его наследникам. Тотчас же он вступил во владение, выгнал детей покойника и вместо них поселил своих братьев.

РАЗДЕЛ III

ОТСТУПЛЕНИЕ КАСАТЕЛЬНО КРИТИКОВ

Хотя до сих пор я всячески старался точнейшим образом соблюдать в своих произведениях правила и методы, преподанные примером наших знаменитых современников, но несчастная слабость памяти привела меня к одной ошибке, из которой я должен теперь же выпутаться, чтобы подобающим образом продолжать рассказ. Со стыдом сознаюсь, что сделал непростительное упущение, зайдя уже так далеко и ни разу не обратившись к милостивым государям критикам с укоризненными, просительными или задабривающими речами. Чтобы несколько загладить этот прискорбный промах, почтительно позволяю себе преподнести им краткую характеристику их природы и их искусства, где я исследую происхождение и генеалогию слова в общепринятом его значении и даю самый беглый обзор состояния критики в древности и теперь.

Словом критик, столь употребительным в разговорах нашего времени, некогда обозначались три весьма различных рода смертных, насколько я могу судить по книгам и памфлетам древних авторов. Так назывались прежде всего люди, придумавшие и изложившие для себя и для публики правила, при помощи которых вдумчивый читатель способен судить о литературных произведениях, образовать свой вкус для правильного распознавания возвышенного и прекрасного и отличать подлинную красоту содержания или формы от бездарного обезьяньего подражания ей. При чтении книг такие критики отмечали ошибки и недочёты, пошлость, непристойность, глупость и нелепость с предосторожностями человека, проходящего утром по улицам Эдинбурга и прилежно разглядывающего грязь на дороге вовсе не потому, что его интересует цвет и состав навозной кучи и хочется определить её количество, поваляться в ней или попробовать её на вкус, а лишь с целью обойти её так, чтобы не замараться. Такие люди, по-видимому, впадали в большое заблуждение, понимая слово критик в буквальном смысле и считая, что главнейшей его обязанностью является похвала и воздаяние должного и что критик, читающий книгу только с целью обругать её и подвергнуть порицанию, такой же варвар, как судья, принимающий решение вешать без разбора всех, кого ему доведётся судить.

Далее, словом критик обозначали тех, кто возрождал древнюю литературу, очищал её от червей, плесени могил и пыли рукописей.

Но вот уже несколько веков, как обе эти породы совершенно вымерли, и, кроме того, рассуждать о них вовсе не входит в мои намерения.

Третьим и благороднейшим видом является истинный критик, род

которого гораздо древнее, чем предыдущих. Каждый истинный критик - полубог от рождения, происходящий по прямой линии от небесного племени Мома и Гибриды, которые родили Зоила, который родил Тигеллия, который родил Ипрочая старших, которые родили Бентли, Раймера, Уоттона, Перро и Денниса, которые родили Ипрочая младших.

От этих Критиков республика просвещения получала спокон веков столько благодеяний, что благодарные почитатели приписали им небесное происхождение, подобно Геркулесу, Тезею, Персею и другим великим благодетелям человечества. Но даже добродетель героев не была пощажена злыми языками. Этим полубогам, прославившимся победами над столькими великанами, драконами и разбойниками, был брошен упрёк, что сами они причинили больше вреда человечеству, чем любое, из поверженных ими чудовищ; таким образом, для завершения своих благодеяний им бы следовало, по истреблении всех прочих паразитов, с такой же решимостью расправиться и с собой, - поступил же так с большим благородством Геркулес, заслужив себе вследствие этого больше храмов и приношений, чем прославленнейшие из его собратьев. Вот почему, мне кажется, возникла мысль, что великое будет благо для просвещения, если каждый истинный критик тотчас по окончании взятой на себя работы примет яд, накинет на шею верёвку или бросится в пропасть с приличной высоты и если ничьи притязания на столь почётное звание ни в коем случае не будут удовлетворяться до завершения этой операции.

Из этого небесного происхождения критики к тесного её родства с героической добродетелью легко вывести, в чём назначение всамделишного древнего истинного критика. Он должен странствовать по обширному книжному царству; преследовать и гнать встречающиеся там чудовищные глупости, извлекать на свет скрытые ошибки, как Какуса из пещеры; умножать их, как головы Гидры, и сгребать в кучу, как навоз авгиевых конюшен. Или же прогонять особую породу опасных птиц, имеющих дурную наклонность объедать лучшие ветви древа познания, подобно тому, как стимфалийские птицы истребляли плоды.

Эти рассуждения приводят к точному определению истинного критика: истинный критик есть искатель и собиратель писательских промахов. Бесспорность этого определения станет ясной при помощи следующего довода: если исследовать все виды произведений, которыми эта древняя секта удостоила мир, из общего их направления и характера сразу обнаружится, что мысли их авторов устремляются исключительно на ошибки, промахи, недосмотры и оплошности других писателей. Их воображение до такой степени поглощено и наполнено этими чужими недостатками, что, с чем бы они ни имели дело, в их собственные писания всегда просачивается квинтэссенция дурных качеств, и в целом они кажутся лишь экстрактом того, что послужило материалом для их критики.

Рассмотрев таким образом происхождение и занятия критика, в самом общепринятом и благородном смысле этого слова, перехожу к опровержению возражений тех, кто ссылается на молчание древних писателей; таким способом будто бы можно доказать, что практикуемый сейчас и мной описанный метод критики насквозь современный и что, следовательно, критика Великобритании и Франции не вправе притязать на столь древнее и знатное происхождение, какое я им приписал. Но если я ясно покажу, напротив, что описание личности и назначения истинного критика, данное древнейшими писателями, согласно с предложенным мной определением, то возражение, построенное на умолчании авторов, тотчас же рушится.

Признаюсь, я сам долго разделял это общее заблуждение и никогда бы

не освободился от него без помощи благородных наших современников, назидательные сочинения которых я неутомимо перечитываю днём и ночью для усовершенствования своего ума и на благо родной страны. С великим усердием произвели они полезные разыскания слабых сторон древних и представили нам объёмистый их перечень. Кроме того, они неопровержимо доказали, что лучшее из доставшегося нам от древности сочинено и произведено на свет значительно позже и что все величайшие открытия, приписываемые древним в области искусства и природы, совершены также несравненным гением нашего времени. Отсюда ясно видно, как невелики действительные заслуги древних и как слепы и неосновательны восторги, расточаемые им книжными червями, на своё несчастье, весьма мало осведомлёнными о теперешнем положении вещей. Зрело обсудив предмет и учтя существенные свойства человеческой природы, я пришёл к выводу, что, наверное, все эти древние живо сознавали свои многочисленные несовершенства и по примеру своих учителей, новых писателей, старались в своих произведениях смягчить или развлечь придирчивого читателя при помощи панегирика или сатиры на истинных критиков. Но я как раз весьма сведущ по части избитых приёмов этих двух литературных жанров, благодаря долгому и плодотворному изучению предисловий и прологов; поэтому я решил, не откладывая, попробовать, могу ли я открыть следы того и другого при помощи прилежного чтения самых древних писателей, особенно тех, что повествуют о самых отдалённых эпохах. К крайнему своему изумлению, я нашёл, что, хотя все они, руководясь страхом или надеждой, дают при случае подробные описания истинного критика, но касаются этой темы с крайней осторожностью, облекая её в покровы мифологии или иероглифов. Этим, я думаю, объясняется, почему поверхностные читатели считают молчание писателей доводом против древности истинного критика, хотя образы этих писателей так удачны и выведены так естественно, что трудно понять, как могли их проглядеть читатели с современным зрением и вкусом. Из огромного числа таких образов приведу несколько, в полной уверенности, что они положат конец всяким спорам по этому поводу.

Замечательно, что все древние писатели, трактуя иносказательно этот предмет, прибегали обыкновенно к одной и той же аллегории, меняя лишь изложение, соответственно своим склонностям или особенностям своего ума. Так, прежде всего Павсаний держится того мнения, что совершенством своим литературное искусство всецело обязано институту критиков; а то, что он подразумевает не иных каких-нибудь, а только истинных критиков, достаточно ясно, мне кажется, из следующего описания. Это, по его словам, порода людей, любящих лакомиться наростами и излишествами книг; заметив это, писатели по собственному почину стали из предосторожности обрезывать в своих произведениях слишком пышные, гнилые, сухие, хилые и чересчур разросшиеся ветви. Но всё это он весьма искусно прикрывает следующей аллегорией: Жители города Навплии в Арголиде научились от ослов искусству подрезать виноградные кусты, заметив, что они растут лучше и дают лучшие ягоды, когда их объедает осёл. Геродот, прибегая к той же аллегории, говорит, однако, гораздо яснее, называя вещи почти что своими именами. Он имел смелость обвинить истинных критиков в невежестве и злобе; в самом деле, Геродот как нельзя более ясно говорит, что в западной части Ливии водятся рогатые ослы. Это сведение Геродота дополняет Ктесий, рассказывая о таких же животных в Индии. Тогда как у всех остальных ослов, говорит он, нет желчи, эти рогачи наделены ею в таком изобилии, что мясо их несъедобно по причине крайней горечи.

Причина, почему древние писатели говорили об этом предмете только

образно и аллегорически, заключается в том, что они не смели открыто нападать на столь могущественную и грозную корпорацию, какую представляли в те времена критики. Самый голос критиков способен был повергнуть в трепет легион авторов, от ужаса ронявших перья. Так, Геродот красочно рассказывает нам в другом месте, что большая армия скифов была обращена в паническое бегство рёвом осла. Некоторые глубокомысленные филологи строят на этом догадку, что великое благоговение и почтение британских писателей к истинному критику унаследованы нами от наших скифских предков. Словом, страх был таким всеобщим, что с течением времени писатели, желавшие выразить более свободно свои чувства по отношению к истинным критикам различных эпох, принуждены были отказаться от прежней аллегории, как слишком приближающейся к прототипу, и придумать вместо неё другие, более осторожные и туманные.

Так, Диодор, касаясь того же предмета, решается сказать лишь, что на горах Геликона растёт сорная трава, у цветов которой такой пагубный запах, что каждый понюхавший их отравляется. Лукреций даёт точно такие же сведения:

Est etiam in magnis Heliconis montibus arbor,
Floris odore hominem taetro consueta necare. Lib. 6

Но Ктесий, которого мы только что цитировали, проявил гораздо большую смелость. Истинные критики его времени обращались с ним крайне сурово, поэтому он не мог удержаться от того, чтобы хоть раз не отомстить по-свойски всему этому племени. Намерения его так прозрачны, что я удивляюсь, как могли их проглядеть люди, отрицающие древнее происхождение истинных критиков. В самом деле, под предлогом описания разных диковинных животных Индии, он говорит следующие замечательные слова: Среди других пород здесь водятся змеи беззубые и, следовательно, неспособные кусать; но их блевотина (которую они извергают очень часто), куда бы она ни попала, повсюду вызывает гниение и порчу. Змей этих обыкновенно находят в горах, где залегают драгоценные камни, и они часто выпускают ядовитую жидкость; у каждого, кто напьётся ею, вылезают носом мозги.

Был у древних ещё один род критиков, отличавшийся от предыдущего не по существу, а только по росту или по степени развития. С виду люди эти казались новичками или учениками первых, хотя вследствие деятельности иного характера их часто выделяют в самостоятельную группу. Обычным занятием этих практикантов было постоянное посещение театров и вынюхивание худших частей спектакля, которые они обязаны были тщательно отмечать и давать о них точный отчёт своим наставникам. Остервенившись, подобно волчатам, на этих мелких охотах, они с возрастом приобретали такое проворство и силу, что могли бросаться и на более крупную дичь. Ведь давно уже замечено, что истинный критик как древности, так и нового времени, подобно проститутке и олдермену, никогда не меняет своего , звания и своей природы; седобородый критик, наверное, был в своё время критиком желторотым, он лишь усовершенствовал и обогатил с возрастом юношеские дарования; его можно уподобить конопле, которая, по утверждению натуралистов, годится для удушения уже в семенах. Мне кажется, мы обязаны изобретением или, по крайней мере, усовершенствованием прологов именно этим юным специалистам, которых Теренций так часто с похвалой поминает под именем Malevoli.

Нет никакого сомнения в том, что институт истинных критиков был

совершенно необходим для республики наук и искусств. Ибо все человеческие дела, по-видимому, можно разделить так, как их делил Фемистокл и его друзья: один пиликает на скрипке, другой обращает маленькие деревни в большие города, а кто не умеет ни того, ни другого, того нужно попросту вышвырнуть вон со света. Желание избежать подобной кары послужило, несомненно, первым толчком к появлению на свет племени критиков, а также дало повод их тайным хулителям пустить клевету, будто истинный критик есть нечто вроде ремесленника, которому обзаведение нужными инструментами обходится так же дёшево, как портному, и будто существует большое сходство между орудиями и способностями обоих: ад портного есть прообраз записной книжки критика, а его остроумие и учёность играют роль утюга; чтобы составился законченный учёный, требуется, по крайней мере, столько критиков, сколько нужно портных, чтобы получился человек; наконец, они не уступают друг другу в храбрости, и оружие их почти одинаково. Многое можно возразить на эти возмутительные инсинуации, и я категорически утверждаю, что все эти уподобления совершенная ложь; напротив, для того чтобы вырваться из лап критиков, надо выложить куда больше наличными, чем спасаясь от любой другой корпорации. Как первый богач, желая стать истинным нищим, должен отдать за эту честь всё до последнего гроша, так и звание истинного критика достаётся претендующему ценой всех его добрых душевных качеств, и сделку можно было бы назвать невыгодной, если бы речь шла о менее важном приобретении.

Приведя подробные доказательства древности критики и описав её первоначальное положение, займусь теперь нынешним состоянием этой державы и покажу, как мало оно отличается от прежнего. Некий автор, все произведения которого потеряны много веков тому назад, говоря о критиках в восьмой главе пятой книги, называет их сочинения зеркалом образованности. Я понимаю эти слова в буквальном смысле, то есть считаю, что, по мнению нашего автора, всякий стремящийся к совершенству писатель должен смотреться в книги критиков, как в зеркало, и исправлять по ним свои произведения. Но если принять во внимание, что зеркала древних делались из меди и sine Mercurio, то можно будет тотчас же применить эти особенности к двум главным свойствам современного истинного критика и заключить отсюда, что тут всё осталось и навсегда останется без перемен. Ибо медь есть эмблема долговечности и, если её искусно отполировать, будет отбрасывать отражения от своей поверхности без помощи подложенной изнутри ртути. На прочих талантах критика не стоит подробно останавливаться, так как все они заключаются в названных и легко могут быть из них выведены. Приведу в заключение три правила, которые могут послужить и характеристикой современного истинного критика, позволяющей отличить его от самозванца, и прекрасным руководством для достойных умов, посвящающих себя столь полезному и почётному искусству.

Первое: в противоположность всякой иной умственной деятельности, критика бывает самой правильной и удачной, когда она результат первого впечатления критика. Так охотники считают первый прицел самым верным, и дело редко обходится без промаха, если они не ограничиваются одним выстрелом.

Второе: истинных критиков узнают по их манере увиваться вокруг самых благородных писателей, к которым они . влекутся инстинктивно, как крыса к старому сыру или оса к сочному плоду. Так и король, выезжая верхом, наверняка оказывается самым грязным всадником всей кавалькады, потому что увивающиеся за ним царедворцы сильнее всех забрызгивают его грязью.

Третье: истинный критик, читая книгу, подобен собаке у стола

пирующих, все помыслы которой устремлены на бросаемые объедки и которая поэтому тем больше рычит, чем меньше костей в кушаньях.

Думаю, что покровители мои, современные истинные критики, удовлетворятся этим моим обращением к ним и сочтут себя вполне вознаграждёнными за молчание, которое я до тех пор хранил по отношению к ним и, вероятно, буду хранить впредь. Надеюсь, я оказал всему их легиону такие услуги, что встречу великодушное и нежное обращение их рук. Ободрённый этими упованиями, смело берусь за продолжение так счастливо начатых приключений.

РАЗДЕЛ IV

СКАЗКА БОЧКИ

С большими усилиями и старанием довёл я читателя до периода, когда ему придётся услышать о великих переворотах. Не успел наш учений брат, так часто упоминавшийся в этом рассказе, обжиться в собственном доме, как начал задирать нос и страшно важничать; поэтому, если благосклонный читатель, по великому своему беспристрастию, не соблаговолит несколько возвысить свои представления, боюсь, он с трудом узнает героя нашей повести при встрече с ним: настолько переменились его поведение, костюм и манеры.

Прежде всего он пожелал поставить своих братьев в известность, что он - старший и поэтому единственный наследник отца. Больше того, через некоторое время запретил им звать его братом и потребовал, чтобы его величали господин Пётр; потом - отец Пётр и даже милостивый государь Пётр. Вскоре он увидел, что для поддержания этого величия нужны более крупные средства, чем те, что были в его распоряжении; после долгих размышлений решил он стать прожектёром и мастером на все руки и так преуспел на этом поприще, что много знаменитых открытий, проектов и машин, которые теперь в таком ходу повсюду, всецело обязано своим возникновением изобретательности господина Петра. Приведу главнейшие из них на основании лучших сведений, какие мне удалось собрать, не заботясь о соблюдении хронологического порядка, потому что, насколько мне известно, среди учёных нет полного согласия на этот счёт.

Льщу себя надеждой, что после перевода этого трактата на иностранные языки (без тщеславия могу утверждать, что он вполне заслуживает этой чести вследствие трудов, положенных мной на собирание материала, точности повествования и великой общественной назидательности предмета) достойные члены разных европейских академий, особенно французской и итальянской, благосклонно примут мою скромную лепту для развития человеческого знания. Оповещаю также преподобных отцов восточных миссионеров, что исключительно в их интересах я употреблял такие слова и обороты, которые легче поддаются переводу на восточные языки, особенно на китайский. Итак, продолжаю рассказ, удовлетворённый мыслью о неисчислимых выгодах, которые пожнут от моих трудов все обитатели земного шара.

Первым предприятием господина Петра была покупка обширного материка, по слухам, недавно открытого в terra australis incognita. Этот кусок земли он приобрёл за бесценок у открывших его людей (хотя есть скептики, сомневающиеся, что те когда-нибудь были там) и затем по частям перепродал разным предпринимателям, которые отправились туда вместе с колонистами, но все погибли в пути от кораблекрушения. После этого господин Пётр снова

продал упомянутый материк другим покупателям, потом снова, и снова, и снова, всё с такой же выгодой.

Вторым его изобретением, заслуживающим упоминания, было радикальное средство от глистов, особенно тех, что водятся в селезёнке. Пациенту воспрещалось в течение трёх ночей принимать какую-либо пищу после ужина; в постели он должен был непременно лежать на одном боку, а когда устанет, - перевернуться на другой; он должен был также смотреть обоими глазами на один и тот же предмет и ни в каком случае, без настоятельной нужды, не пускать ветров сверху и снизу одновременно. При тщательном соблюдении этих предписаний глисты незаметно выйдут при помощи испарины, поднявшись через мозг.

Третьим изобретением было учреждение шептальни для блага всех, и особенно людей, подверженных ипохондрии или страдающих коликами, подобно, например, соглядатаям, врачам, повивальным бабкам, мелким политикам, рассорившимся друзьям, поэтам, декламирующим собственные стихи, счастливым или отчаявшимся любовникам, сводням, членам тайного совета, пажам, тунеядцам и шутам, - словом, всем подверженным опасности лопнуть от изобилия ветров. В этой шептальне так ловко помещалась ослиная голова, что больной легко мог приблизить свой рот к любому её уху; если он держал его в таком положении некоторое время, то благодаря особой силе, свойственной ослиным ушам, получал немедленно облегчение посредством отрыжки, испарины или рвоты.

Другим весьма благодетельным проектом господина Петра было страхование трубок, мучениц современной страсти к курению; сборников стихов, теней, ... и рек, чтобы охранить их от повреждений со стороны огня. Отсюда ясно, что наши дружеские общества есть лишь копии с этого оригинала; впрочем, и те и другие были весьма выгодны как для предпринимателей, так равно и для публики.

Господин Пётр считался также изобретателем марионеток и диковинок, великая польза которых настолько обще-признана, что мне нет надобности вдаваться в подробности. Но особенно он прославился открытием знаменитого универсального рассола. Заметив, что наш обыкновенный рассол, употребляемый домашними хозяйками, годится только для сохранения мяса битых животных и некоторых овощей, Пётр, не щадя трудов и затрат, изобрёл рассол, годный для домов, садов, городов, мужчин, женщин, детей и скота; всё это он мог сохранять в нём в такой же неприкосновенности, как насекомых в янтаре. На вкус, на запах и на вид рассол этот казался совершенно таким же, как и тот, в котором мы обычно храним мясо, масло и селёдки, и часто с большим успехом применялся для этой цели, но благодаря многим своим превосходным качествам в корне отличался от обыкновенного рассола, Пётр клал в него щепотку особого порошка пимперлимпимп, после чего успех его действия был обеспечен. Операция производилась при помощи окропления в определённые фазы луны. Если рассолом окроплялся дом, то окропление вполне охраняло его от пауков, крыс и хорьков; если окроплялась собака, это оберегало её от коросты, бешенства и голода. Рассол Петра был также верным средством против лишаёв, вшей и паршей у детей и никогда не мешал исполнению окропляемым его обязанностей ни в постели, ни за столом.

Но из всех своих диковинок больше всего дорожил Пётр одной породой быков, в силу счастливой случайности оказавшихся прямыми потомками тех, что охраняли когда-то золотое руно. Впрочем, некоторые знатоки, внимательно их осматривавшие, сомневались в совершенной чистокровности породы, потому что быки утратили некоторые из качеств своих предков и

приобрели совершенно необыкновенные новые, чуждого происхождения. Предание говорит, что у колхидских быков были медные ноги, но от дурных ли пастбищ, от прелюбодеяния ли и примеси чужой крови, от слабости ли предков, ухудшившей качество семени, или же от естественного за столь продолжительный период времени упадка, благодаря которому вообще вся природа выродилась за последние грешные столетия, - словом, от той или иной причины быки господина Петра, несомненно, сильно сдали, и ржавчина времени превратила благородный металл их ног в обыкновенный свинец. Зато они в неприкосновенности сохранили свойственный их предкам страшный рёв, а также способность извергать из ноздрей пламя; впрочем, некоторые клеветники уверяли, что это простой фокус и совсем не так страшно, как кажется; всё объясняется пищей этих быков, которых обыкновенно кормят петардами и хлопушками. Однако были у них две особенности, которые резко их отличали от быков Ясона и которых я не встречал в таком сочетании ни в одном описании других чудовищ, кроме как у Горация:

Varias inducere plumas,

и

Atrum desinit in piscem.

Действительно, у них были рыбьи хвосты, но при случае они могли летать быстрее любой птицы. Пётр пользовался этими быками для самых различных целей. Иногда заставлял их реветь, чтобы напугать расшалившихся детей и утихомирить их. Иногда посылал их с важными поручениями. И удивительнее всего - трезвый читатель, пожалуй, даже не поверит - то, что через все поколения перешёл к ним от благородных предков, хранителей золотого руна, некий appetitus sensibilis - быки обнаруживали такую алчность к золоту, что, когда Пётр посылал их куда-нибудь, хотя бы только с простым приветствием, они принимались реветь, плевать, рыгать, мочиться, пердеть, пускать огонь и не переставали шуметь, пока им не бросали кусочек золота; зато потом, pulveris exigui jactu, становились спокойными и смирными, как ягнята. Словом, вследствие ли тайного потакания и поощрения их хозяина или от собственной жадности к золоту, а может быть, от обеих этих причин разом быки Петра стали какими-то навязчивыми и наглыми попрошайками, и где им отказывали в милостыне, начинали такую музыку, что женщины преждевременно выкидывали, а у детей делался родимчик и они до сих пор обыкновенно называют привидения и домовых буками. Наконец, быки так всем опостылели, кругом, что некоторые господа с северо-запада спустили на них свору добрых английских бульдогов, и те здорово искусали попрошаек - наверное, и до сих пор бока у них болят.

Нужно упомянуть ещё об одном весьма необычайном I-проекте господина Петра, показывающем, насколько это 1 был искусный и находчивый человек. Как только какого-нибудь мошенника из Ньюгета приговаривали к повешению, Пётр предлагал выхлопотать ему, за определённую сумму, помилование, и когда бедняге удавалось наскрести денег и послать Петру, он получал в ответ от его сиятельства бумагу следующего содержания:

Всем мэрам, шерифам, тюремщикам, полицейским приставам, палачам и т. д. Получив известие, что имярек, приговорённый к смерти,

находится в настоящее время в вашей власти или во власти подчинённых вам, желаем и приказываем вам по получении сего освободить упомянутого заключённого, за какое бы преступление он ни был осуждён: убийство, содомию, изнасилование, святотатство, кровосмешение, предательство, богохульство и т. д. Эта бумага будет служить вам достаточным полномочием. И если вы ослушаетесь, да проклянёт бог вас и род ваш во веки веков. Шлём вам наилучшие пожелания.

Смиреннейший слуга слуг Ваших император Пётр.

Доверившиеся этой бумаге несчастные теряли и жизнь и деньги.

Прошу все, кому учёные наши потомки поручат комментировать этот глубокомысленный трактат, подходить с крайней осторожностью к некоторым тёмным пунктам, ибо, не принадлежа к vere aderti, легко сделать опрометчивые и поспешные заключения; особенно в мистических местах, куда, ради краткости, включены arcana, подлежащие расшифровке в процессе комментирования. Я убеждён, что все будущие сыновья Искусства будут благословлять мою память за столь приятное и полезное предуведомление.

Легко себе представить, какой огромный успех в обществе имели все вышеперечисленные замечательные открытия; но уверяю читателя, что я привёл самое ничтожное их число; моим намерением было изложить лишь наиболее заслуживающие подражания и дающие наиболее выпуклое представление о находчивости и остроумии изобретателя. Поэтому неудивительно, что господин Пётр в короткое время баснословно разбогател. Но, увы, наш прожектёр так жестоко натрудил себе мозги, что в заключение они пришли в расстройство и по малейшему поводу начинали ходить кругом. Словом, от спеси, прожектёрства и плутней бедный Пётр совсем с ума спятил и стал предаваться самым диким фантазиям. В припадках безумия (как это обычно случается с людьми, у которых спесь повреждает рассудок) он называл себя всемогущим богом и подчас даже повелителем вселенной. Я видел его (рассказывает автор этой повести, в трёх старых высоких шляпах, напяленных одна на другую, с огромной связкой ключей за поясом и удочкой в руке. В таком наряде он показывался и, если кто-нибудь подходил к нему поздороваться и подавал руку, Пётр с большим изяществом, подобно хорошо выдрессированной болонке, протягивал свою ногу, а на отказ гостя принять эту любезность задирал ногу до самого его носа и награждал основательной зуботычиной; с тех пор эта зуботычина стала называться приветствием. Если кто проходил мимо, не отвесив ему поклона, Пётр, отличавшийся большой силой лёгких, сдувал с невежи шляпу в грязь. Тем временем всё у него в доме пошло вверх дном, и братьям его приходилось туго. Первой его бутадой по отношению к ним было вытолкать в одно прекрасное утро за дверь их жён, а заодно и свою собственную; на место же их велел привести с улицы первых встречных потаскушек. Вскоре после этого Пётр заколотил дверь в погреб и не давал братьям ни капли вина к еде. Обедая однажды у одного именитого горожанина, Пётр слушал, как тот, по примеру его братьев, усердно расхваливал говяжий филей. Говядина, говорил умный горожанин, царь всех кушаний. Она содержит в себе квинтэссенцию куропатки, перепёлки, оленины, фазана, пудинга с изюмом и паштета. Когда Пётр вернулся домой, ему пришло на ум воспользоваться этим рассуждением, приложив его, за отсутствием филея, к чёрному хлебу. Хлеб, дорогие братья, сказал он, есть главная поддержка жизни; в нём содержится квинтэссенция говядины, баранины, телятины, оленины, куропатки, пудинга с изюмом и паштета; в довершение всего туда подмешано должное количество воды, жёсткость которой в свою очередь смягчена закваской или дрожжами, вследствие чего

она превращается в полезную перебродившую жидкость, разлитую по всей массе хлеба. В строгом соответствии с этим рассуждением на другой день к обеду с большой торжественностью подан был каравай хлеба. Пожалуйста, братья, сказал Пётр, кушайте, не стесняйтесь; это великолепная баранина; или постойте: я уже почал и сам положу вам. С этими словами он с большой важностью взял нож и вилку, отрезал два больших ломтя от каравая и положил братьям на тарелки. Старший брат, не сразу проникнув в намерения господина Петра, начал весьма вежливо допытываться смысла этой мистерии. Почтительнейше осмеливаюсь заметить вашей милости, сказал он, тут должно быть какое-то недоразумение. - О, да ты большой забавник!- вскричал Пётр. Выкладывай-ка свою шутку, у тебя ведь голова всегда полна шуточками. - Нисколько, ваша милость! Если слух меня не обманывает, вашему сиятельству угодно было сейчас обронить словечко о баранине, и я от всего сердца был бы рад увидеть её. - Что ты мелешь?- воскликнул Пётр, прикидываясь крайне удивлённым. Ровнёхонько ничего не понимаю. Тут вмешался младший брат - с целью внести ясность в положение. Мне кажется, ваша милость, сказал он, брат мой голоден и хочет барашка, которого ваше сиятельство обещали нам к обеду. - Что это за дурачество? Или вы оба с ума сошли, или очень вам сегодня весело, - а вы знаете, веселья я не люблю. Если тебе, капризнику, не нравится твой кусок, я отрежу другой, хотя, по-моему, я положил тебе самую лакомую часть лопатки. - Неужели, ваша милость, воскликнул первый брат, это по-вашему лопатка барашка? - Прошу вас, сударь, оборвал его Пётр, кушайте, что вам положено, и прекратите, пожалуйста, ваши дерзости, так как я сейчас совсем не расположен терпеть их. Тут младший брат, выведенный из себя напускной серьёзностью Петра, не выдержал: Чёрт возьми, сударь? Право же, для моих глаз, пальцев, зубов и носа это только корка хлеба! Вмешался и другой брат: Никогда в жизни не видел я куска баранины, до такой степени похожего на ломоть двенадцатипенсового хлеба. - Послушайте, господа, в бешенстве закричал Пётр, вы просто слепые, непроходимо глупые, упрямые щенки; вот вам один простой довод, который убедит вас в этом; ей-же-ей, это самый настоящий добротный, натуральный барашек, не хуже, чем с рынка Леден-Холл; чёрт вас побери совсем, если вы посмеете думать иначе. Такое громовое доказательство не допускало дальнейших возражений; маловеры поспешили загладить свой промах. В самом деле, сказал первый, по более зрелом размышлении... - Да, да, перебил второй, тщательно всё взвесив и обдумав, я нахожу, что ваше сиятельство вполне правы. - Вот то-то же! сказал Пётр. Эй, любезный, налей-ка мне кружку красного вина! От всего сердца выпью за вас. Очень обрадовавшись, что Пётр так скоро успокоился, братья почтительно его поблагодарили и сказали, что сами с удовольствием выпили бы за его здоровье. - Отчего же, сказал Пётр. Я никому не отказываю в разумных просьбах. Вино в умеренном количестве подкрепляет. Вот вам по стакану. Это натуральный виноградный сок, а не бурда от ваших проклятых кабатчиков. Произнеся это, он снова положил братьям по большой сухой корке, приглашая их выпить не церемонясь, так как вреда от этого не будет. В этом щекотливом положении братья лишь пристально посмотрели на господина Петра да переглянулись между собой; увидя, какой оборот приняло дело, они решили не вступать больше в пререкания и предоставить Петру делать что ему вздумается: он явно был в припадке безумия, и продолжать с ним спор или укорять его значило бы сделать его в сто раз более несговорчивым.

Я счёл нужным так обстоятельно изложить это важное событие, потому что оно послужило главной причиной знаменитого великого разрыва, происшедшего вскоре между братьями, после которого они так и не

примирились. Но об этом разрыве я буду говорить подробно в одном из дальнейших разделов.

Следует заметить, что господин Пётр, даже в минуты просветления, был крайне невоздержан на язык, упрям и самоуверен и скорее проспорил бы до смерти, чем согласился бы признать в чём-нибудь свою неправоту. Кроме того, он обладал отвратительной привычкой говорить заведомую чудовищную ложь по всякому поводу и при этом не только клялся, что говорит правду, но посылал к чёрту всякого, кто выражал малейшее сомнение в его правдивости. Однажды он поклялся, будто у него есть корова, которая даёт столько молока зараз, что им можно наполнить три тысячи церквей и - что ещё более удивительно - молоко это никогда не киснет. Другой раз Пётр рассказывал, будто ему достался от отца старый указательный столб, в котором столько гвоздей и дерева, что из него можно построить шестнадцать больших военных кораблей. Когда однажды зашла речь о китайских тележках, настолько лёгких, что они могли идти на парусах по горам, Пётр пренебрежительно воскликнул: Эка невидаль! Что же тут удивительного? Я собственными глазами видел, как большой каменный дом сделал по морю и по суше (правда, с остановками в пути, чтобы подкрепиться) около двух тысяч германских лиг! Всего замечательнее, что Пётр уснащал эти рассказы отчаянными клятвами, будто ни разу в своей жизни он не солгал. После каждого слова он приговаривал: Ей-богу, господа, говорю вам святую правду. А всех, кто не поверит мне, чёрт будет жарить до скончания века!

Словом, поведение Петра стало таким скандальным, что все соседи иначе не называли его как мошенником. Братья долго терпели дурное обращение, но наконец оно им надоело, и они решили покинуть Петра. Однако сначала обратились к нему с почтительной просьбой выдать им копию отцовского завещания, которое давным-давно лежало заброшенное. Вместо того чтобы исполнить законную просьбу, Пётр обозвал их сукиными сынами, мерзавцами, предателями - в общем, самыми последними словами, какие только мог припомнить. Но однажды, когда он отлучился из дому из-за своих проектов, братья воспользовались случаем, отыскали завещание и сняли с него copia vera; они убедились при этом, как грубо были обмануты: отец сделал их наследниками в равной доле и строго наказал владеть сообща всем, что они наживут. В исполнение отцовской воли они первым делом взломали дверь погреба и основательно выпили, чтоб ублажить себя и приободриться. Переписывая завещание, они нашли там запрещение развратничать, разводиться и содержать наложниц, после чего тотчас же спровадили своих сожительниц и вернули жён. В разгар этих событий вдруг входит стряпчий из Ньюгета с целью выхлопотать у господина Петра помилование для одного вора, которого завтра должны были повесить. Но братья сказали ему, что только простофиля может просить помилования у человека, гораздо больше заслуживающего виселицы, чем его клиент; и открыли все проделки мошенника в тех самых словах, как они были сейчас мною изложены, посоветовав стряпчему побудить своего друга обратиться за помилованием к королю. Среди этой суматохи и волнения является Пётр со взводом драгун. Проведав, что у него в доме неладно, он вместе со своей шайкой разразился потоками непристойной брани и проклятий, которых нет большой надобности приводить здесь, и пинками вытолкал братьев за дверь; с тех пор он не пускает их к себе на порог.

РАЗДЕЛ V

ОТСТУПЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РОДЕ

Мы, удостоенные чести называться современными писателями, никогда не могли бы лелеять сладкую мысль о бессмертии и неувядаемой славе, если бы не были убеждены в великой пользе наших стараний для общего блага человечества. Таково, о вселенная, смелое притязание твоего секретаря; оно

. . . . Quemvis perferre laborem
Suadet, et inducit noctes vigilare serenas.

С этой целью несколько времени тому назад разъял я на части, с невероятными усилиями и искусством, труп человеческого естества и прочёл цикл назидательных лекций о разных частях его как содержащих, так и содержащихся, пока этот труп не провонял до такой степени, что нельзя было его дольше держать. Тогда я, не жалея средств, привёл все кости в строгий порядок и расположил их в должной симметрии, так что могу сейчас показать полный скелет всем любопытным как из господ, так и из прочих. Но чтобы не делать посреди отступления дальнейших отступлений, по примеру некоторых писателей, вставляющих одно отступление в другое, как коробка в коробку, скажу лишь, что при тщательном вскрытии человеческого естества я совершил одно необыкновенное, новое и важное открытие, а именно: есть только два способа работать на благо человечества - наставлять его и развлекать. И в упомянутых своих лекциях (которые, может быть, когда-нибудь появятся в свет, если мне удастся уговорить какого-нибудь доброго друга украсть у меня их список или кто-нибудь из моих почитателей слишком навязчиво станет упрашивать меня издать их) я доказал далее, что при теперешнем умонастроении человечества ему гораздо нужнее развлечения, чем наставления, ибо самые распространённые его болезни привередливость, равнодушие и сонливость, между тем как наставлять нечему, ибо обширная область ума и учёности в настоящее время почти вся исследована. Тем не менее, памятуя одно доброе старое правило, я пытался держаться на высоте и на всём протяжении настоящего божественного трактата искусно перемешиваю слой полезного со слоем приятного.

Когда я размышляю, до какой степени современные наши знаменитости затмили слабенький, еле мерцающий свет древних, совсем вытеснив последних из светского обихода, так что самый цвет изысканнейших умов нашего города серьёзно спорит, существовали ли вообще древние или нет, - проблема, которая, наверно, будет авторитетно разрешена плодотворными усидчивыми и кропотливыми трудами достойного представителя современной науки, д-ра Бентли; когда, повторяю, я размышляю обо всём этом, то мне бывает искренно жаль, что никому из наших современных учёных не пришло до сих пор в голову дать в небольшом портативном томе универсальную систему всего, что нужно знать, предполагать, воображать и делать в жизни. Не могу, однако, умолчать, что такая попытка была недавно предпринята одним великим философом с острова Бразиль. То, что он предлагает, изложено в форме весьма любопытного рецепта Nostrum, который после безвременной его кончины был мною найден в бумагах покойного. Рецепт этот я и преподношу современным учёным из великой любви к ним, не сомневаюсь, что когда-нибудь он явится поощрением для человека предприимчивого.

Возьмите исправные красивые, хорошо переплетённые в телячью кожу и с тиснением на корешке, издания всевозможных современных сводов разных наук и искусств на любых языках. Перегоните всё это в balneo Mariae,

подлив туда квинтэссенции мака Q. S. с тремя пинтами Леты, которую можно достать в аптеке. Отцедите тщательно нечистоты и caput mortuum и выпарьте всё летучее. Сохраните только первый отстой, который снова перегоните семнадцать раз, пока не останется только две драхмы. Держите этот остаток в герметически закупоренном стеклянном флаконе в течение двадцати одного дня. После этого приступите к вашему универсальному трактату, принимая каждое утро натощак (предварительно взболтав флакон) по три капли этого эликсира; принимать следует носом, при помощи сильного всасывания. В четырнадцать минут эликсир распространится по всему мозгу (если только у вас есть таковой), и ваша голова тотчас же наполнится бесчисленным множеством сводок, перечней, компендиев, извлечений, собраний, медулей, всяческих эксцерптов, флорилегий и т. п., располагающихся в отличном порядке и легко переносимых на бумагу.

Должен признаться, что лишь благодаря этому секретному средству я, неспособный к наукам, решился на такую смелую попытку, никем ещё не предпринимавшуюся, за исключением одного писателя, по имени Гомер; но и у него, человека, в общем, не без способностей и даже довольно даровитого для древних, обнаружил я множество грубых ошибок, непростительных для его праха, если таковой сохранился. Правда, нас уверяют, будто его произведение задумано было как полный свод всех человеческих, божественных, политических и механических знаний, однако очевидно, что некоторых знаний он вовсе даже не касается, остальные же излагает крайне несовершенно. Так, прежде всего сведения Гомера об opus magnum крайне скудны и недостаточны, хотя ученики и выдают его за великого каббалиста; по-видимому, он лишь крайне поверхностно читал Сендивогиуса, Беме и Теомагическую антропософию. Он допускает также крайне грубую ошибку относительно sphaera pyroplastica - промах совершенно непростительный, и (да позволит мне читатель это суровое осуждение) vix crederem autorem hunc unquam audivisse ignis vocem. Не менее значительны ошибки Гомера в разных частях механики. В самом деле, прочтя его произведения с величайшим вниманием, так свойственным современным учёным, я не мог открыть там ни малейшего указания на устройство такой полезной вещи, как подставка для огарков. За отсутствием её мы бы и до сих пор блуждали во тьме, не приди нам на помощь современные учёные. Но я приберёг ещё более крупный промах, в котором повинен этот писатель; я имею в виду его грубое невежество относительно законов нашего государства, а также относительно учения и обрядов английской церкви. Действительно, огромное упущение, за которое и Гомеру и всем древним справедливо достаётся от моего достойного и глубокомысленного друга, господина Уоттона, бакалавра богословия, в его несравненном трактате О древней и современной образованности - книге, которой нельзя нахвалиться, с какой стороны к ней ни подойдёшь: блестящая игра ума и потоки остроумия, полезнейшие и величайшие открытия о мухах и слюне, тщательно выработанное красноречие! Не могу не выразить публично своей благодарности этому писателю за большую помощь и поддержку, оказанные мне его несравненным произведением при писании этого трактата.

Однако, кроме отмеченных упущений, пытливый читатель найдёт у Гомера ещё немало недостатков, которые, впрочем, нельзя ставить в вину автору. Ведь каждая ветвь знания так пышно разрослась с тех пор, особенно за последние три года, что он, конечно, не мог быть посвящён в современные открытия в той мере, как уверяют его защитники. Мы охотно признаём его изобретателем компаса, пороха и кровообращения; но пусть его поклонники укажут мне где-нибудь в его произведениях подробное описание сплина; и разве не предоставил он всецело нам самим создавать искусство политических

склок? Что может быть ошибочнее и неудовлетворительнее его длинного рассуждения о чае? А что касается его метода вызывать слюнотечение без ртути, так прославленного в последнее время, то, на основании собственного опыта и знаний, думаю, что на него полагаться нельзя.

Вот для того-то, чтобы восполнить столь важные недостатки, я и решил, после долгих упрашиваний, взяться за перо; и смею уверить рассудительного читателя, мной не будет упущено ничего, что может оказаться полезным в разных жизненных положениях. Я уверен, что включил в своё произведение и исчерпал всё, до чего может подняться или опуститься человеческое воображение. Особенно рекомендую вниманию учёных некоторые открытия, никому ещё не приходившие в голову; из множества их назову следующие: моё новое пособие для недоучек или искусство стать глубоко учёным при помощи поверхностного чтения; замечательное усовершенствование мышеловок; универсальное правило рассуждать, или каждый сам кузнец своего счастья и весьма полезное приспособление для ловли сов. Всё это любознательный читатель найдёт подробно изложенным в различных частях этой книги.

Считаю себя обязанным как можно ярче подчеркнуть красоты и совершенства моих писаний, - ведь теперь в большом обычае у излюбленнейших и виднейших писателей нашего утончённого и просвещённого века смягчать дурное расположение придирчивого читателя и приходить на помощь читателю благосклонному. К тому же в последнее время было выпущено несколько произведений, в стихах и в прозе, в которых - ставлю тысячу против одного - никто не обнаружил бы ни малейших следов возвышенного и прекрасного, если бы авторы, движимые любовью и участием к публике, не дали нам обстоятельных указаний на этот счёт. Касаясь себя самого, не могу не признать, что всё только что сказанное мной удобнее было бы поместить в предисловии, тем более что этого требует и мода, которая обыкновенно направляет такие вещи туда. Но разрешите мне воспользоваться почётной привилегией выступать на литературное поприще последним. На правах самого свежеиспечённого современного писателя я притязаю на деспотическую власть над всеми писателями, выступавшими до меня, и решительно протестую против пагубного обычая обращать предисловие в меню книги. Мне всегда казалось, что содержатели балаганов и всякого рода фокусники совершают большую оплошность, прибивая над входом большую вывеску с натуральным изображением совершаемых ими чудес и широковещательной надписью; благодаря этому обычаю у меня уцелело немало трехпенсовых монет, так как моё любопытство получало полное удовлетворение и я никогда не заходил внутрь, несмотря на настойчивые зазывания оратора, пускающего в ход самые испытанные фигуры риторики: Сударь, честное слово, мы сейчас начинаем! Именно такова судьба теперешних предисловий, посланий, предуведомлений, введений, пролегомен и обращений к читателю. Приём этот сначала действовал великолепно; наш великий Драйден широко им пользовался, с невероятным успехом. Он сам часто признавался мне по секрету, что мир никогда бы не догадался об его замечательном даровании, если бы он не твердил о нём в своих предисловиях так упорно, что нельзя было больше ни сомневаться в этом, ни забыть об этом. Может быть, он и прав; однако я очень боюсь, как бы его наставления не просветили читателей в некоторых отношениях больше, чем он сам того желал: больно смотреть, с каким ленивым пренебрежением множество зевающих читателей нашего времени перелистывает сейчас сорок или пятьдесят страниц (средняя длина предисловий и посвящений современных писателей), точно они написаны по-латыни. Впрочем, с другой стороны,

невозможно отрицать, что весьма многие не читают ничего другого: это самый верный путь сделаться критиком или остроумным человеком. Мне кажется, что на эти две группы можно разбить всех вообще современных читателей. Сам я, должен признаться, принадлежу к первой группе - не читаю предисловий; поэтому, разделяя свойственную нашим современникам наклонность распространяться о красотах собственного творчества и щеголять самыми удачными его частями, я счёл более подходящим сделать это в самом произведении, тем более что, как всякий понимает, это сильно увеличивает толщину книги, - обстоятельство, которым ни в коем случае не должен пренебрегать опытный писатель.

Это длинное непрошеное отступление и огульное незаслуженное осуждение, а также усердное и искусное выставление напоказ моих собственных совершенств и чужих недостатков, с полным беспристрастием и к себе и к другим, есть лишь моя почтительная дань принятому у наших новейших писателей обычаю. Исполнив свой долг, возобновляю прерванный рассказ, к великому удовлетворению и читателя и автора.

РАЗДЕЛ VI

СКАЗКА БОЧКИ

Мы покинули господина Петра тотчас после его открытого разрыва с братьями. Оба они навсегда были изгнаны из его дома и пущены по свету сиротами беспризорными. Печальные обстоятельства эти делают их подходящим предметом для сострадательного пера; сцены бедствий всегда дают богатый материал для всевозможных приключений. Тут-то и сказывается разница между поведением великодушного писателя и обыкновенного друга. Последний крепко привязан к вам во времена благоденствия, но, как только счастье вам изменило, вдруг мгновенно поворачивается к вам спиной. Великодушный писатель, наоборот, отыскивает своего героя в навозной куче, извлекает оттуда, после ряда перипетий возводит на трон и потом скрывается, не дожидаясь благодарности за свои труды. Так и я поселил господина Петра в великолепном доме, пожаловал его титулом и дал денег вволю. Теперь я на время его покину и, движимый чувством милосердия, поспешу на помощь к его братьям, попавшим в беду. Но я ни на минуту не буду забывать об обязанностях историка, следующего по пятам за правдой, что бы ни случилось и куда бы она ни завела меня.

Изгнанники, тесно связанные несчастьем и общей участью, поселились вместе и стали на досуге размышлять о бесчисленных невзгодах и неприятностях своей прошлой жизни. Не сразу могли они сообразить, какой проступок навлёк на них все эти бедствия. Наконец, поломав голову, вспомнили о копии отцовского завещания, которую им посчастливилось раздобыть. Тотчас же они достали её и твёрдо порешили между собой исправить все допущенные ошибки и принять в будущем все меры к строжайшему исполнению отцовских предписаний. Большая часть завещания (читатель, наверное, ещё не забыл этого) состояла из ряда замечательных правил, как следует носить кафтаны. Прочтя завещание и тщательно сравнив, пункт за пунктом, наставления с практикой, братья были поражены: чудовищные очевидные нарушения открывались на каждом шагу. Тогда они решили немедленно приступить к переделке кафтанов по указаниям отца.

Здесь уместно остановить нетерпеливого читателя, которому всегда хочется поскорее узнать, чем кончилось приключение, прежде чем мы,

писатели, подготовили его должным образом к развязке. Надо заметить, что братья начали к этому времени различаться особыми именами. Один пожелал называться Мартином, а другой выбрал себе имя Джек. Под тиранической властью брата Петра оба они жили в большой дружбе и согласии, как и свойственно товарищам по несчастью. В несчастье, как и в темноте, все цвета кажутся одинаковыми. Но едва братья стали жить самостоятельно и поступать по своей воле, как тотчас обнаружилось резкое различие их характеров. Теперешнее положение дел скоро дало им случай убедиться в этом"

Но здесь строгий читатель может справедливо упрекнуть меня в короткой памяти - недостатке, которому необходимо подвержены все современные писатели. Ведь память - способность души направляться на прошлое; следовательно, в наш славный век она вовсе не нужна учёным, которые имеют дело только с вымыслом и высасывают всё из пальца или, самое большее, оплодотворяют свои мысли столкновением друг с другом. Вследствие этого мы считаем вполне справедливым смотреть на свою большую забывчивость как на неопровержимое доказательство большого ума. Если бы я был человеком методичным, мне следовало бы уже на пятьдесят страниц раньше сообщить читателю о прихоти господина Петра нацеплять на кафтан всевозможные модные украшения - он и братьев убедил следовать своему примеру; при этом украшения, вышедшие из моды, никогда не снимались, так что в заключение получился самый шутовской наряд, какой только можно представить. Украшения были налеплены так густо, что ко времени разрыва между братьями не было видно ни одной нитки наследственных кафтанов, сверху донизу увешанных галунами, лентами, бахромой, кружевами и шнурками (я имею в виду только шнурки с серебряными наконечниками, потому что остальные мало-помалу оборвались). Это существенное обстоятельство, о котором я забыл упомянуть в своё время, к счастью, пришлось здесь весьма к месту, потому что два брата как раз собрались реформировать свою одежду по отцовским предписаниям, приведя её в первоначальный вид.

Братья дружно принялись за это великое дело, поглядывая то на свои кафтаны, то на завещание. Мартин первый приложил руку; в один приём сорвал он целую горсть шнурков, после чего та же участь постигла сотню ярдов бахромы. Но после этих энергичных движений он приостановился. Он прекрасно понимал, что ему предстоит немало потрудиться. Однако, когда первый порыв прошёл, его рвение начало остывать, и он решил в дальнейшем действовать осмотрительнее; и был прав, так как чуть не продырявил кафтан, срывая шнурки с серебряными наконечниками (как уже было отмечено выше), которые добросовестный портной пришил двойным швом, чтобы они не отвалились. Поэтому, решив убрать с кафтана кучу золотых галунов, он стал их осторожно отпарывать, тщательно выдёргивая из сукна все торчавшие нитки, что потребовало немало времени. Потом Мартин взялся за вышитые индийские фигурки мужчин, женщин и детей; по отношению к этим фигуркам, как уже известно читателю, отцовское завещание высказывалось необыкновенно ясно и сурово; поэтому он с большой ловкостью и тщательностью их выпорол или сделал неузнаваемыми. Что касается остальных украшений, то в тех случаях, когда видно было, что они пришиты слишком прочно и сорвать их невозможно, не повреждая сукна, или когда они прикрывали дыры в кафтане, получившиеся от постоянной возни с ним портных, Мартин благоразумно оставлял их в покое, решив ни в коем случае не допускать порчи кафтана; по его мнению, это больше всего соответствовало духу и смыслу отцовского завещания. Вот самые точные, какие мне удалось собрать, сведения о поведении Мартина во время этого великого переворота.

Но братец его Джек, необыкновенные приключения которого займут большую часть остающихся страниц этой книги, подошёл к делу с другими мыслями и совершенно иными чувствами. Память об оскорблениях, нанесённых господином Петром, наполняла Джека ненавистью и злобой, которые влияли на него гораздо больше, чем уважение к отцовским приказаниям, которые имели для него в лучшем случае второстепенное и подчинённое значение. Для смеси обуревавших его чувств Джек придумал весьма подходящее название: стал величать её рвением, - пожалуй, самое выразительное слово, какое когда-либо создавал язык. Думаю, что я исчерпывающе доказал это в своём великолепном аналитическом рассуждении, где мной дан истори-тео-физи-логический разбор рвения и показано, как оно сначала из понятия превратилось в слово и как потом в одно жаркое лето созрело в весьма осязательную сущность. Произведение это составляет три больших фолианта, и в самом непродолжительном времени я собираюсь выпустить его по подписке, как принято в новейшее время, в твёрдой надежде, что благородное английское дворянство, уже вошедшее во вкус моего творчества, окажет мне всяческую поддержку.

Итак, брат Джек, переполненный до краёв этим чудесным рвением, с негодованием размышлял о тирании Петра; флегматичность Мартина совсем взбесила его, и свои решения он начал с отборной брани: Как! Мошенник запирал от нас вино, выгнал вон наших жён, обирал нас, навязывал нам дрянные хлебные корки под видом баранины, вытолкал нас в шею, и мы должны одеваться по модам такой сволочи! Все вокруг кричат, что это негодяй и мерзавец! Разъярившись и воспламенившись до самой последней степени, - самое подходящее настроение, чтоб приступить к реформации, - он тотчас же принялся за работу и в три минуты успел натворить больше, чем Мартин за много часов. Ибо надо вам знать, любезный читатель, что ничем нельзя так разодолжить рвения, как давши ему что-нибудь рвать; и Джек, без памяти любивший это своё качество, обрадовался удобному случаю дать ему полную волю. Неудивительно, что, отхватывая чересчур торопливо кусок золотого галуна, он разорвал весь свой кафтан сверху донизу, и так как не отличался большим искусством по части штопания, то мог только заметать прореху бечёвкой и рогожной иглой. Но ещё гораздо хуже вышло (не могу рассказывать об этом без слёз), когда он перешёл к вышивкам. Парень от природы неуклюжий и нрава нетерпеливого, как взглянул Джек на миллионы стежков, распутывание которых требовало ловкой руки и хладнокровия, сразу в бешенстве оторвал целый кусок, вместе с сукном, и швырнул его на улицу в сточную канаву, завопив: Милый брат Мартин, ради бога делай, как я: снимай, рви, тащи, кромсай, сдирай всю эту гадость, чтобы у нас было как можно меньше сходства с треклятым Петром! За сто фунтов не стану я носить ни одной вещицы, которая может внушить соседям подозрение, что я в родстве с таким негодяем! Однако Мартин был тогда в самом спокойном и благодушном настроении и стал упрашивать брата из любви к нему не портить кафтана, потому что другого такого ему никогда не достать. Он указал Джеку на то, что в своих поступках им следует руководиться не злобой на Петра, но предписаниями отцовского завещания. Не нужно забывать, что Пётр всё же их брат, несмотря на все его обиды и несправедливости; поэтому они должны всячески остерегаться брать мерилом добра и зла только противоположность ему во всех отношениях. Правда, завещание их доброго батюшки отличается большой точностью во всём, что касается ношения кафтанов, но не менее строго предписывает оно братьям блюсти между собою дружбу, согласие и любовь. Следовательно, если вообще позволительно какое-либо нарушение отцовской воли, то, конечно, скорее в сторону

укрепления согласия, чем усугубления вражды.

Мартин собирался продолжать и дальше с такой же рассудительностью и, несомненно, оставил бы нам великолепное поучение, весьма способное содействовать душевному и телесному покою моего читателя (истинной цели этики), но тут терпение Джека лопнуло. И как в схоластических диспутах ничто так не раздражает желчь защищающего тезис, как напускное педантическое спокойствие оппонента, - диспутанты по большей части похожи на две неодинаково нагруженные чашки весов, где тяжесть одной увеличивает лёгкость другой и подбрасывает её вверх, пока она не стукнется о коромысло, - так и здесь веские доводы Мартина лишь увеличивали легкомыслие Джека, заставляя его выходить из себя и обрушиваться на сдержанность брата. Словом, невозмутимость Мартина приводила Джека в бешенство. Больше всего раздражало его то, что кафтан брата был аккуратно приведён в состояние невинности, тогда как его собственный в одних местах был разорван в клочья, в других же, избежавших его свирепых когтей, украшения Петра сохранились в неприкосновенности, так что Джек смотрел пьяным франтом, потрёпанным драчунами, или новым постояльцем Ньюгета, отказавшимся дать тюремщикам и товарищам на чай, или пойманным вором, отданным на милость лавочниц, или сводней в старой бархатной юбке, попавшей в цепкие руки толпы. Покрытый лоскутьями, галунами, прорехами и бахромой, несчастный Джек похож был теперь на любого их этих типов или на всех их вместе. Он был бы очень доволен, если бы его кафтан находился в том же состоянии, что и кафтан Мартина, но ещё с бесконечно большим удовольствием увидел бы он кафтан Мартина в таких же лохмотьях, как собственный. Но так как ни того, ни другого в действительности не было, то Джек решил придать всему делу другой оборот, обратив печальную необходимость в высокую добродетель. И вот он пустил в ход все лисьи доводы, какие только мог придумать, чтоб, по его выражению, образумить Мартина, то есть убедить брата обкорнать свой кафтан и разорвать его в клочки. Увы, всё красноречие Джека пропало даром! Что ему, бедняге, оставалось делать, как не обрушиться на брата с потоками ругани, задыхаясь от раздражения, злобы и желания перечить ему? Короче говоря, с этих пор загорелась между братьями смертельная вражда. Джек немедленно переселился на новую квартиру, и через несколько дней пронёсся упорный слух, что он совсем спятил. Вскоре он стал показываться на улице, подтвердив слух самыми дикими причудами, какие когда-либо рождались в больном мозгу.

С этих пор уличные мальчишки стали давать ему разные прозвища. Его обзывали то Джеком Лысым, то Джеком с фонарём, то Голландцем Джеком, то Французом Гугом, то Нищим Томом, то Шумным Северным Джеком. Под одним из этих прозвищ, или под некоторыми, или под всеми (предоставляю решать учёному читателю) он положил начало самой прославленной и самой эпидемической секте эолистов, которые чтут память знаменитого Джека как своего главы и основателя. Теперь я собираюсь осчастливить мир подробным повествованием об их происхождении и учении.

Melloeo contingens cuncta lepore.

РАЗДЕЛ VII

ОТСТУПЛЕНИЕ В ПОХВАЛУ ОТСТУПЛЕНИЙ

Мне приходилось слышать об Илиаде, заключённой в ореховой скорлупе, но гораздо чаще я видел ореховую скорлупу в Илиаде. Нет сомнения, что человечество получило величайшие выгоды от обоих сочетаний, но какому из них мир обязан больше, это задача, решение которой предоставляю пытливым умам: она вполне достойна тщательного исследования. Изобретением последнего просвещённое общество, мне кажется, обязано главным образом современной большой моде на отступления: ведь новейшие усовершенствования в области знания идут параллельно усовершенствованиям нашей национальной кухни, которые, по мнению гастрономов, выражаются в разнообразии составных частей, входящих в супы, ольи, фрикасе и рагу.

Правда, есть угрюмые, ворчливые, плохо воспитанные люди, которые относятся презрительно к этим утончённым нововведениям; что же касается сравнения с кухней, то они хотя и допускают тут некоторое сходство, но осмеливаются утверждать, что самый пример свидетельствует о порче и вырождении нашего вкуса. Они говорят нам, что обычай смешения пятидесяти веществ в одном блюде появился в угоду развращённому и пресыщенному аппетиту и болезненному организму; и если мы видим человека, вылавливающего в олье голову и мозги гуся, дикой утки или вальдшнепа, то это верный признак, что его желудок не способен переварить более существенную пищу. Они утверждают далее, что отступления в книге подобны иностранным войскам в государстве, которые наводят на мысль, что у населения не хватает собственной храбрости и силы; войска эти часто порабощают туземцев или загоняют их в самые бесплодные углы.

Но что бы ни говорили эти высокомерные блюстители нравов, ясно, что общество писателей быстро уменьшилось бы до ничтожного числа, если бы они были связаны тяжёлым ограничением не выходить за пределы своей темы. Понятно, если бы у нас дело обстояло так же, как у греков и римлян, когда знание лежало ещё в колыбели, нуждаясь в том, чтобы его растили, кормили и одевали вымыслом, нам было бы нетрудно писать толстые книги о чём угодно, допуская лишь небольшие уклонения от темы, с целью развития или разъяснения главной мысли. Но с наукой вышло так, как с многочисленной армией, расквартированной в плодородной стране. В течение нескольких дней она питается плодами земли, на которой стоит, а потом, истребив их, посылает за фуражом за много миль, не делая различия между друзьями и врагами. Тем временем окрестные опустошённые и вытоптанные поля становятся голыми и сухими и производят лишь облака пыли.

Таким образом, положение дел у нас по сравнению с древними в корне изменилось, и перемена эта не укрылась от острого взгляда современников; вот почему наш просвещённый век изобрёл более краткий и верный способ стать учёным и остроумным, не утомляя себя чтением и размышлением. В настоящее время существует два усовершенствованных способа пользоваться книгами: либо поступать по отношению к ним, как некоторые поступают по отношению к вельможам: затвердить их титулы и потом хвастать знакомством с ними; либо - и это лучший, более основательный и приличный способ - подробно изучать оглавление, которым вся книга управляется, как рыба хвостом. Ведь для того чтобы войти во дворец знания по парадной лестнице, требуется много времени и формальностей; поэтому, кто спешит и мало считается с этикетом, тот довольствуется чёрным ходом. И в самом деле, вся армия наук движется таким форсированным маршем, что одолеть её легче всего при нападении с тыла. Так, врачи определяют состояние всего тела через исследование того, что выходит сзади; так, читатели ловят знания, бросая свой ум на зады книг, вроде того, как мальчишки ловят воробьёв, посыпая им

соли на хвост; так человеческую жизнь лучше всего оценивать по правилам мудреца: взирай на конец; так, мы овладеваем знаниями, как Геркулес овладел своими быками, идя по их следам задом наперёд. Так, старые науки распутываются подобно старым чулкам, начиная со ступни.

Вдобавок армия наук построена в последнее время, при помощи строгой военной дисциплины, такими сомкнутыми рядами, что смотр её может быть произведён с молниеносной быстротой. Этим великим благодеянием мы всецело обязаны системам и извлечениям, над которыми современные отцы знания, подобно расчётливым ростовщикам, потрудились в поте лица для облегчения нас, детей своих. Ведь труд есть семя лени, и нашему благородному веку выпал счастливый удел собирать плоды.

Так как способ достигать возвышенной мудрости и учёности весьма усовершенствовался и разработан во всех подробностях, то число писателей должно соответственно увеличиться до такой степени, что им никак не обойтись без постоянных столкновений друг с другом. Кроме того, подсчитано, что к настоящему времени в природе не осталось достаточного количества нового материала для заполнения книги нормальной величины по какому угодно предмету. Я слышал это от одного очень искусного счётчика, представившего мне точное доказательство по всем правилам арифметики.

Сказанное мной, может быть, вызовет возражение со стороны всех, кто отстаивает бесконечность материи и, следовательно, не допускает, чтобы какой-нибудь вид её мог истощиться. В ответ на это исследуем благороднейшую отрасль современного остроумия или изобретательности, насаженную и взращённую в наш счастливый век и принёсшую самые обильные и пышные плоды. Правда, и древние оставили нам несколько образцов в таком же роде, однако, насколько мне известно, они не были переведены или собраны вместе для современного употребления. Таким образом, к чести нашей, мы можем утверждать, что мы изобрели этот жанр и мы же довели его до совершенства. Я имею в виду прославленный талант передовых современных умов черпать поразительные, приятные и удачные уподобления и намёки из сферы срамных частей обоих полов, а также из свойственных им отправлений. И точно, наблюдая, как мало успеха имеет выдумка, если она не проводится по этим каналам, я не раз думал, что счастливое дарование нашей эпохи и нашего отечества было пророчески изображено в одном образном древнем описании индийских пигмеев, которые ростом были не больше двух футов, sed quorum pudenda crassa et ad talos usque pertingentia. Мне было очень любопытно ближе познакомиться с новейшими произведениями, в которых красоты этого рода блистают особенно ярко. И хотя оказалось, что жила эта течёт обильной струёй и пущены в ход все доступные человеку средства, чтобы растянуть её, расширить и держать открытой, по способу скифов, у которых было в обычае надувать при помощи особого прибора детородные части кобыл, чтобы те давали больше молока, однако я очень боюсь, что она иссякает и никакой надежды на её оживление нет. Таким образом, если не будут открыты новые залежи остроумия, нам и здесь придётся довольствоваться повторениями, как и во всех других областях.

Это бесспорное доказательство, что нашим передовым умам нельзя рассчитывать на бесконечность материи, как на неиссякаемый источник тем. Что же нам остаётся в таком случае в качестве последнего прибежища, как не пространные оглавления и краткие компендиумы? Нужно набирать побольше цитат, располагая их в алфавитном порядке. Если для этой цели нет надобности советоваться с авторами, зато крайне необходимо обращаться к критикам, комментаторам и словарям. Особенно же полезно знаться с

собирателями блестящих изречений, цветов красноречия и замечательных мыслей, которых иногда называют ситами и решётами знаний, хотя остаётся неясным, имеют ли они дело с перлами или с мукой, и поэтому, ценить ли нам больше то, что проходит сквозь них, или же то, что в них остаётся.

При помощи этих методов можно в несколько недель изготовить писателя, способного справляться с самыми глубокими и всеобъемлющими темами. Неважно что голова у него пустая, - была бы полна записная книжка. Не придирайтесь к таким мелочам, как метод, слог, грамматика и выдумка, и предоставьте ему право списывать у других и делать отступления от своей темы каждый раз, когда он сочтёт это удобным. Ничего больше ему и не потребуется для изготовления книги, которая будет иметь очень приятный вид на полке книгопродавца, где и будет храниться в чистоте и опрятности веки вечные, украшенная изящно написанным на ярлычке заглавием. Никогда её не засалят и не захватают грязные руки студентов, и не грозит ей опасность быть прикованной крепкими цепями к столу сумрачной библиотеки; но когда придёт положенный срок, она счастливо погрузится в огонь чистилища, чтобы вознестись потом на небеса. Без этих поблажек разве могли бы когда-нибудь мы, нынешние писатели, выпустить в свет свои сочинения, понадерганные из стольких тысяч разнородных голов? Не будь их, какого богатого и поучительного развлечения лишился бы учёный мир, а сами мы навсегда погрузились бы в бесславное забвение, как самые заурядные смертные!

Эти основные истины исполняют меня надеждой дожить до дня, тогда корпорация писателей затмит все братские корпорации. Великий дар наш наряду со многими другими унаследован нами от наших предков скифов, у которых было такое изобилие перьев, что греческое красноречие могло выразить его только в следующих словах: В далёких северных областях почти невозможно путешествовать - до такой степени воздух там наполнен перьями.

Необходимость этого отступления служит достаточным извинением его длины, и я выбрал для него самое подходящее место, какое только мог найти. Если основательный читатель укажет более удобное, я даю право перенести его в какой угодно угол, а сам с большим рвением возвращаюсь к более важному делу.

РАЗДЕЛ VIII

СКАЗКА БОЧКИ

Учёные эолисты утверждают, что первопричиной всех вещей является ветер, что из этого начала создана была вселенная и в него же в заключение должна перейти, и что то самое дыхание, которое зажгло и раздуло пламя природы, в положенный срок задует его.

Quod procul a nobis flectat fortuna gubernans.

Это и подразумевают адепты под своей anima mundi, иными словами, духом, дыханием или ветром мира; проверьте всю эту систему на отдельных явлениях природы, и вы убедитесь, что она неопровержима. В самом деле, как бы вы ни назвали forma informans человека: spiritus, animus, afflatus или anima, что всё это, как не различные наименования ветра? Ветер есть господствующее начало каждого состава, и в ветер всё превращается при своём разрушении. Далее; что такое сама жизнь, как не дыхание наших

ноздрей, согласно общепринятому выражению? Поэтому справедливо подмечено натуралистами, что в некоторых неудобоназываемых мистериях ветер оказывает существенную подмогу и даёт повод к таким удачным эпитетам, как turgidus и inflatus, приложимым и к извергающим и к воспринимающим органам.

Из материалов, собранных мной в древних летописях, явствует, что круг учения эолистов делится на тридцать два пункта, подробное изложение которых было бы слишком скучно. Однако несколько важнейших положений, вытекающих из этого учения, ни в коем случае невозможно обойти молчанием. Особенное значение имеет следующее: так как ветру принадлежит господствующая роль как в составе, так и в отправлениях каждого сложного тела, то превосходство должно принадлежать тем существам, в которых это первоначало участвует наиболее изобильно; следовательно, человек является наиболее совершенным из всех творений, как наделённый, по великой благости философов, тремя различными anima, или ветрами, к которым мудрые эолисты с большой щедростью прибавили четвёртую, не менее необходимую и украшающую человека, чем остальные три, и при помощи этого quartum principium приравняли их к числу стран света, что дало повод знаменитому каббалисту Бомбасту поместить человеческое тело в должное положение по отношению к четырём основным точкам горизонта.

Рассуждая последовательно, они утверждают далее, что человек приносит с собой на свет некоторую частицу, или крупинку ветра, которая может быть названа quinta essentia, извлекаемая из четырёх прочих. Эта квинтэссенция очень полезна при всех житейских обстоятельствах, применяется во всех искусствах и науках и может быть удивительно усовершенствована и распространена при помощи особых методов воспитания. Как только эта частица ветра в достаточной степени раздута, её нельзя скаредно прятать, глушить или держать под спудом, а, напротив, следует щедро расточать человечеству. По этим и другим столь же веским основаниям мудрые эолисты утверждают, что дар отрыжки есть благороднейшая способность разумного существа. Для усовершенствования этого искусства и лучшего употребления его на пользу человечества они применяют разные способы. В некоторые времена года вы можете видеть большие сборища их жрецов, стоящие против вихря с широко разинутыми ртами. В другое время вы видите целые сотни эолистов, выстроившихся в круг, причём каждый вооружён мехами, вставленными в зад соседа, при помощи которых они надувают друг друга, пока все не примут форму и величину пивных бочек; по этой причине они с большой меткостью называют обыкновенно свои тела сосудами. Достаточно наполнившись при помощи этой и подобных ей операций, они тотчас удаляются и для общественного блага разгружают добрую часть своего прибытка в челюсти учеников. Должно заметить, что всякое знание слагается, по их мнению, из того же первоначала, так как, во-первых, общепризнано и бесспорно, что знание надмевает, а во-вторых, они доказывают это при помощи следующего силлогизма: слова только ветер; знание же не что иное, как слова; следовательно, знание есть не что иное, как ветер. По этой причине их философы преподают в школах все свои положения и мнения при помощи отрыжки, в каковом искусстве добились они изумительного красноречия и невероятного разнообразия. Но первые мудрецы эолистов славятся главным образом выразительностью своей мимики, которая самым недвусмысленным образом показывает, в какой мере или степени дух всколыхнул их внутреннюю массу. В самом деле, после некоторых схваток, причинив предварительно своим неистовством и буйством

как бы землетрясение в микрокосме мудреца, ветер и пары выходят вон, судорожно искривляя рот, раздувая щёки, страшно выкатывая глаза. При таких обстоятельствах все их отрыжки считаются священными, особенно самые кислые, и с безграничным благоговением поглощаются преданными им сухопарыми святошами. А так как дыхание нашей жизни в ноздрях наших, то, желая разодолжить своих поклонников, они переправляют отборнейшие, назидательнейшие и живительнейшие отрыжки через этот проводник, придавая им особенно густой привкус.

Их боги - четыре ветра, которым они поклоняются как духам, проникающим и оживляющим вселенную; лишь от этих богов, строго говоря, проистекает всякое вдохновение. Однако главным из них, которому они воздают наибольшие почести, является всемогущий Норд, древнее божество, высоко почитавшееся также жителями Мегалополиса в Греции: omnium deorum Boream maxime celebrant. Хотя божество это вездесуще, однако, по мнению самых глубокомысленных эолистов, есть у него также своё особенное жилище или (выражаясь точнее) coelum empyraeum, где он царит безраздельно. Этот эмпирей расположен в одной хорошо известной древним грекам области, которую они называли ??????, или страна мрака. Хотя по этому поводу было много споров, однако, несомненно, что утончённейшие эолисты ведут своё происхождение из страны того же названия, и оттуда же наиболее ревностные из их жречества приносили во все времена самое высокое своё вдохновение, черпая его собственными руками из главного источника в особые пузыри и опорожняя их потом среди своих приверженцев всех наций, которые ежедневно разевали, разевают и будут разевать рты, чтобы с жадностью поглощать божественную пищу.

Таинства их и обряды совершаются следующим образом. Учёным хорошо известно, что изобретательные люди прежних времён придумали способ переносить и сохранять ветры в кадках или бочонках, что оказывает большую подмогу при дальних морских путешествиях. Ужасно жаль утраты столь полезного искусства, впрочем не упоминаемого Панцироллусом, - не понимаю, как он мог совершить такой большой промах. Это изобретение приписывалось самому Эолу, по имени которого называется вся секта. В память своего основателя эолисты и до сих пор сохраняют большое число упомянутых бочек: они расставлены по одной в их храмах, с вышибленным верхним днищем. В такую бочку по праздничным дням входит жрец, предварительно должным образом приготовившись по описанному выше способу; от его зада ко дну бочки проводится замаскированная труба, по которой ему притекает добавочное вдохновение из одной северной расщелины или щели. И вот вы видите, как он тотчас же раздувается до величины и формы своего сосуда. В таком положении он мечет на своих слушателей целые бури, по мере того как дух снизу развязывает ему язык; так как вещания эти исходят ex adytis et penetralibus, то свершаются не без великого труда и схваток. Вырываясь наружу, ветер оказывает на лицо жреца такое же действие, как на поверхность моря: сначала оно чернеет, потом хмурится и наконец обливается пеной. Именно в этом виде священный эолист оделяет пророческими отрыжками своих задыхающихся учеников; при этом одни из них жадно разевают рты, чтобы не проворонить священного дыхания, другие же несмолкаемыми гимнами прославляют ветры и, мягко раскачиваясь в такт своему гудению, изображают нежное веяние умиротворённых богов.

На основании этого обычая жрецов некоторые авторы утверждают, будто эолисты весьма древнего происхождения. В самом деле, только что описанное мной откровение их тайн в точности совпадает с откровениями

других древних оракулов. Вдохновение последних тоже ведь шло от некоторых подземных притоков ветра, вызывало те же мучительные схватки у жреца и имело то же влияние на народ. Правда, оракулы эти часто управлялись и руководились жрицами, органы которых удобнее расположены для доступа упомянутых пророческих вихрей: входя и поднимаясь по более ёмким каналам, вихри эти причиняли по пути своеобразный зуд, сопровождающийся телесным возбуждением, которое при помощи умелых приёмов легко превращалось в духовный экстаз. Эта глубокомысленная гипотеза находит себе дальнейшее подтверждение в обычае поручать жреческие обязанности женщинам, до сих пор удержавшемся у наиболее утончённых групп наших современных эолистов, которым угодно принимать вдохновение через вышеупомянутые каналы, подобно тому как их предки принимали его от сивилл.

Когда человеческий дух пришпорит и разнуздает свои мысли, он уже не способен остановиться, а естественно устремляется от одной крайности к другой, от высокого к низкому, от добра к злу; в первоначальном полёте воображения он обыкновенно уносится к совершеннейшим и возвышеннейшим идеям, но, занесясь в такие области, откуда уже невозможно различить границы, отделяющие высоту от глубины, он, в том же порыве и держась того же курса, падает стремглав вниз на самое дно пропасти подобно путешественнику, взявшему дорогу на восток и приезжающему на запад, или подобно прямой линии, которая при бесконечном продолжении переходит в круг. Зло ли, заложенное в нашем естестве, склоняет нас находить у каждой светлой мысли тёмную изнанку; разум ли наш так устроен, что, размышляя о совокупности вещей, может, подобно солнцу, освещать только одну половину шара, неизбежно оставляя другую половину в тени и во мраке; воображение ли, взлетев к возвышеннейшему и прекраснейшему, оскудевает, истощается, устаёт и, подобно мёртвой райской птице, камнем падает наземь; или же по какой другой, упущенной мной среди всех этих метафизических догадок, причине - во всяком случае, положение, доставившее мне столько хлопот, совершенно правильно, именно: если самые некультурные народы поднимаются тем или иным способом до идеи бога или верховного существа, то они редко забывают дать своим страхам пищу в виде мрачных понятий, которые, за недостатком лучшего применения, вполне удовлетворительно служат им дьяволом. Это движение их мысли как нельзя более естественно. В самом деле, с людьми, воображение которых занеслось слишком высоко, бывает так же, как и с теми, которые вскарабкались на слишком большую крутизну: чем больше они упиваются созерцанием находящихся наверху предметов, тем больше устрашает их мрачное зрелище разверзающейся под ними пропасти. Таким образом, выбирая себе дьявола, человек всегда действует одним и тем же способом: останавливается на каком-нибудь действительном или воображаемом существе, составляющем диаметральную противоположность выдуманного им бога. Так и секта эолистов обзавелась двумя злобными существами, к которым питает страх, отвращение и ненависть; между этими существами и богами эолистов идёт извечная вражда. Первое из этих существ Хамелеон, заклятый враг вдохновения, который бесцеремонно пожирает большие порции вдохновения, посылаемого им богом, не возвращая ни кусочка его путём отрыжки. Второе - огромное страшное чудовище, по имени Муленаван; четырьмя мощными руками оно ведёт неустанный бой со всеми божествами эолистов, ловко увёртываясь от их ударов и отплачивая им с лихвой.

Обзаведясь, таким образом, богами и дьяволами, знаменитая секта эолистов до сих пор блистательно подвизается на свете, и нет никакого

сомнения, что одной из главных её ветвей является просвещённая лапландская нация. Было бы поэтому несправедливо не сделать здесь о ней почётного упоминания, тем более что она тесно связана общностью интересов и наклонностей со своими братьями-эолистами, живущими среди нас: лапландцы не только покупают себе ветры оптом от тех же самых купцов, но и продают их в розницу по той же цене и в той же упаковке мелким покупателям.

Была ли изложенная здесь система целиком сочинена Джеком или, как думают некоторые писатели, списана им с дельфийского оригинала с небольшими добавлениями и исправлениями, соответственно времени и обстоятельствам, не могу сказать наверное. Знаю только, что Джек, во всяком случае, переделал её по-новому, придав ей тот вид и форму, в каких она здесь описана.

Давно искал я случая воздать должное обществу людей, к которым питаю особенное почтение; я тем более обязан был сделать это, что их мнения и образ действия были выставлены в совершенно искажённом виде и обесславлены злобой или невежеством их противников. Ибо, по-моему, нет более высокого и благородного поступка, чем искоренение предрассудков и изображение вещей в самом истинном и выгодном свете; и я смело беру на себя эту задачу, не преследуя никакой корысти, а лишь исполняя требования совести, чести и справедливости.

РАЗДЕЛ IX

ОТСТУПЛЕНИЕ КАСАТЕЛЬНО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, ПОЛЬЗЫ И УСПЕХОВ БЕЗУМИЯ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Заслуженная репутация славной секты ничуть не роняется оттого, что возникновением и уставом своим секта эта обязана такому учредителю, как описанный мной Джек - человек, у которого зашёл ум за разум и мозги свихнулись, каковое состояние мы считаем обыкновенно болезнью и называем её безумием или умопомешательством. В самом деле, если мы рассмотрим величайшие деяния, совершённые в истории отдельными личностями, например основание новых государств силою оружия, развитие новых философских систем, создание и распространение новых религий, то найдём, что виновниками всего этого были люди, здравый смысл которых сильно потерпел от пищи, воспитания, преобладания какой-нибудь наклонности, а также под влиянием особенного воздуха и климата. Кроме того, в некоторых человеческих душах заложено горючее вещество, легко воспламеняющееся при случайном соприкосновении с некоторыми обстоятельствами, с виду хотя и ничтожными, однако часто разрастающимися в крупные события. Великие перевороты не всегда производятся сильными руками: иногда достаточно бывает счастливого случая и подходящего момента; и неважно, где был зажжён огонь, лишь бы дым от него поднялся до мозга. Верхняя область человека подобна средней области атмосферы: питающая её материя бывает самого различного происхождения, однако в конце концов производит одинаковое вещество и одинаковое действие. С земли поднимаются туманы, с моря - испарения, от навозных куч - удушливые газы и от огня - дым; однако облака все одинаковы по составу и приводят к одинаковым следствиям; густой дух, выходящий из нужника, даёт такие же

доброкачественные и полезные пары, как и фимиам, возносящийся над алтарём. Полагаю, что все с этим согласны; но отсюда же вытекает, что как небо даёт дождь, лишь когда помрачено и обложено тучами, так и человеческий рассудок, пребывающий в мозгу, должен быть помрачен и отягчён парами, поднимающимися от низших способностей, чтобы оросить воображение и оплодотворить его, И хотя пары эти (как уже было сказано) столь же различного происхождения, как и те, что сгущаются на небе, однако производимые ими урожаи различаются между собой по роду и степени лишь в зависимости от почвы, на которую падает влага. Приведу два примера для доказательства и пояснения сказанного.

Один могущественный государь собрал большую армию, наполнил сундуки несметными сокровищами, снарядил непобедимый флот, ни словом не обмолвившись о своих намерениях ни первым своим министрам, ни самым близким фаворитам. Весь мир пришёл в беспокойство: соседние венценосцы с трепетом ждали, в какую сторону разразится гроза; мелкие политиканы строили глубокомысленные предположения. Одни думали, что он составил план вселенской монархии; другие, после долгих размышлений, заключили, что дело идёт о низложении папы и введении реформатской религии, которую этот государь сам раньше исповедовал. Третьи, ещё более проницательные, посылали его в Азию - сокрушить турок и отвоевать Палестину. В разгаре всех этих планов и приготовлений один государственный хирург, определив по симптомам природу болезни, попытался её вылечить: одним ударом произвёл операцию, вскрыл опухоль и выпустил пары; после этого ничто не препятствовало полному выздоровлению государя, если бы по несчастной случайности он не умер во время операции. Читатель, наверное, сгорает от любопытства узнать, откуда же поднялись эти пары, так долго державшие мир в напряжённом ожидании? Какое тайное колесо, какая скрытая пружина могли пустить в ход такую удивительную машину? Впоследствии обнаружилось, что весь этот сложный аппарат управлялся одной находившейся вдали женщиной, глаза которой вызвали у бедного государя известного рода опухоль; не дожидаясь, пока нарыв прорвёт, женщина эта скрылась во вражескую страну. Что было делать несчастному в столь щекотливых обстоятельствах? Напрасно прибегал он к рекомендованному поэтом испытанному лекарству: corpora quaeque; ибо

Idque petit corpus mens unde est saucia amore;
Unde feritur, eo tendit, gestitque coire.

Все успокоительные средства оказались безрезультатными; накопившееся семя бурлило и пылало; разгорелось, обратилось в желчь, поднялось по спинному каналу и бросилось в мозг. Та самая причина, под влиянием которой буян бьёт окна у обманувшей его потаскушки, естественно побуждает могущественного государя собирать огромные армии и думать лишь об осадах, сражениях и победах.

. . . . teterrima belli Causa.

Другой пример нашёл я у одного очень древнего писателя. Некий могущественный король в течение свыше тридцати лет забавлялся тем, что брал и терял города; разбивал неприятельские армии и сам бывал бит; выгонял государей из их владений; пугал детей, так что те роняли из рук куски хлеба; жёг, опустошал, грабил, устраивал драгонады, избивал подданных и чужеземцев, друзей и врагов, мужчин и женщин. Говорят, философы всех

стран долго ломали голову, какими физическими, моральными и политическими причинами следует объяснить возникновение столь странного феномена. Наконец, пар или дух, оживлявший мозг героя, в своём непрестанном круговращении забрался в ту область человеческого тела, что так славится производством так называемой zibeta occidentalis, и сгустился там в опухоль, вследствие чего народы получили на некоторое время передышку. Вот какое важное значение имеет место, где собираются упомянутые пары; - и сколь несущественно, откуда они происходят, те самые пары, которые при движении кверху завоёвывают государства, опускаясь к заднему проходу, разрешаются фистулой.

Рассмотрим теперь великих создателей новых философских систем и будем искать, пока не найдём, из какого душевного свойства рождается у смертного наклонность с таким горячим рвением предлагать новые системы относительно вещей, которые по общему признанию непознаваемы; из какого семени вырастает названная наклонность и какому свойству человеческой природы эти великие новаторы обязаны многочисленностью своих учеников. Ведь несомненно, что виднейшие из них, как в древности, так и в новое время, большей частью принимались их противниками, да, пожалуй, и всеми, исключая своих приверженцев, за людей свихнувшихся, находящихся не в своём уме, поскольку в повседневных своих речах и поступках они совсем не считались с пошлыми предписаниями непросвещённого разума и во всём похожи были на теперешних общепризнанных последователей своих из Академии нового Бедлама (заслуги и принципы которых будут разобраны мной в своём месте). Такими были Эпикур, Диоген, Аполлоний, Лукреций, Парацельс, Декарт и другие; если бы они сейчас были на свете, то оказались бы крепко связанными, разлучёнными со своими последователями и подверглись бы в наш неразборчивый век явной опасности кровопускания, плетей, цепей, темниц и соломенной подстилки. В самом деле, может ли человек в здравом уме и твёрдой памяти когда-нибудь забрать себе в голову, будто он в силах перекроить понятия всего человечества по длине, ширине и высоте своих собственных? Между тем таково именно скромное и почтительное притязание всех новаторов в царстве разума. Эпикур робко надеялся, что после непрестанных столкновений остроконечного и гладкого, лёгкого и тяжёлого, круглого и угловатого все человеческие мнения рано или поздно объединятся, благодаря еле заметным clinamina, в понятия атомов и пустоты, как эти последние объединились при возникновении всех вещей. Картезий рассчитывал дожить до той поры, когда мнения всех философов, подобно звёздам меньшей величины в его фантастической системе, будут подхвачены и вовлечены в выдуманный им вихрь. И вот желал бы я знать, как можно объяснить подобные фантазии некоторых людей без помощи моего феномена паров, поднимающихся от низших способностей, застилающих мозг и выделяющихся оттуда в виде теорий, для которых бедность нашего родного языка не придумала ещё иных названий, кроме безумия или умопомешательства? Выскажем теперь своё предположение, каким образом случается, что ни один из этих изобретателей новых систем не терпел недостатка в беззаветно преданных учениках. Причину этого, мне кажется, открыть не трудно: в гармонии человеческого рассудка есть некая особая струна, которая бывает настроена у многих индивидов совершенно одинаково. Подтяните её поискуснее и тихонько ударьте по ней; если по счастливой случайности вы находитесь в это время среди созвучных вам людей, тотчас же, в силу тайной неодолимой симпатии, они вам откликнутся. Этим одним обстоятельством и объясняется всё искусство или вся удача в данном деле; ибо если вам случится коснуться своей струны в присутствии людей, настроенных

выше или ниже вашего тона, то они не только не согласятся с вашим учением, но крепко вас свяжут, назовут сумасшедшим и посадят на хлеб и воду. Таким образом, задача весьма деликатная применять этот благородный талант с разбором: вовремя и в должной обстановке. Цицерон очень хорошо это понимал, когда писал одному другу в Англию, предостерегая его, между прочим, против плутней наших возниц (которые, по-видимому, в то время были такими же отъявленными мошенниками, как и сейчас), следующие замечательные слова: Est quod gaudeas te in ista loca venisse, ubi aliquid sapere viderere. Ибо, говоря начистоту, мы совершаем фатальный промах, неудачно выбирая себе компанию, в которой слывём дураками, тогда как в другой компании могли бы стяжать репутацию философов. Я очень просил бы некоторых добрых моих знакомых хорошенько это запомнить как весьма своевременное предупреждение.

Такую роковую ошибку действительно совершил мой достойнейший и остроумнейший друг, мистер Уоттон - человек, как бы предназначенный для великих замыслов и великих дел, если судить по его идеями его внешности. Право, никто ещё не выступал на общественном поприще с более подходящими для проповедника новой религии телесными и душевными качествами. О, если бы его счастливые дарования, так неудачно применённые к суетной философии, направились по более подходящим для них путям грёз и видений, на которых открывается такой широкий простор для судорожных корч души и лица! Никогда бы низкий и падкий на клевету свет не посмел сказать, что с ним творится неладное, что ум его помутился; а теперь даже его неблагодарные братья, поклонники современности, шепчутся о постигшей его беде так громко, что слова их доносятся до чердака, на котором я пишу эти строки.

Наконец, кому угодно будет заглянуть в источники исступления, откуда во все века непрестанно лились такие изобильные струи, тот обнаружит, что родник так же мутен и грязен, как и поток. Этот отстой паров, который свет называет бешенством, действует так сильно, что без его помощи мир не только лишился бы двух великих благодеяний: философских систем и насильственных захватов, но всё человечество обречено было бы несчастной участи иметь одну и ту же веру относительно вещей, недоступных нашему восприятию. После того как мной был выставлен постулат, что происхождение паров не имеет существенного значения, а важно лишь, какие уголки рассудка они поражают и заволакивают или какова природа мозга, к которому они поднимаются, перехожу теперь к чрезвычайно деликатному и тонкому пункту, - хочу обстоятельно показать взыскательному и любопытному читателю, каким образом одни и те же пары могут производить столь разнообразные действия в различных мозгах и создавать такие индивидуальности, как Александра Великого, Иоанна Лейденского и господина Декарта. Это самое абстрактное рассуждение, в какое я когда-либо пускался, и требует величайшего напряжения умственных способностей; поэтому я прошу читателя уделить мне всё своё внимание: ведь я собираюсь распутать очень туго затянутый узел.

В человеческой природе содержится некоторый . . . . . . Hic multa . . . . desiderantur . . . . Вот, по-моему, самое ясное решение этого вопроса.

Выпутавшись с таким трудом из этого лабиринта, читатель, я уверен, согласится со следующим моим заключением: если современные мыслители считают безумием потрясение или помрачение мозга под действием некоторых паров, поднимающихся от низших способностей, в таком случае это безумие породило все великие перевороты в государственном строе,

философии и религии. В самом деле, в своём естественном положении и спокойном состоянии мозг располагает своего владельца проводить жизнь в установленных формах, нисколько не помышляя о подчинении масс своей власти, своим мнениям и своим химерам; и чем больше человек лепит свой ум в соответствии с выработанными людьми понятиями, тем менее у него склонности вербовать приверженцев своих собственных теорий, ибо это открывает ему глаза на ограниченность его сил и убеждает в тупом невежестве толпы. Но если у кого-нибудь фантазия оседлала разум, если воображение вступило в драку с внешними чувствами, а бедный здравый смысл выставлен за двери, то такой фантазёр сам делается своим первым прозелитом; а когда это совершилось, то уже нетрудно привлечь других, ибо извне действует не менее могущественная иллюзия, чем изнутри. Ведь гнусавая пророческая речь и химерические видения являются для уха и для глаза тем же, чем щекотка для осязания. Больше всего ценим мы в жизни те удовольствия и развлечения, которые морочат и обманывают наши чувства. В самом деле, если мы разберём, что обыкновенно понимается под счастьем как в отношении ума, так и в отношении чувств, то найдём, что все его свойства и признаки можно охватить следующим коротеньким определением: быть счастливым значит вечно находиться в состоянии человека, ловко околпаченного. Так, во-первых, что касается ума, то всякому очевидны огромные преимущества вымысла над правдой. Нам не нужно далеко ходить за объяснениями: ведь воображение может создавать такие роскошные зрелища и производить такие удивительные перевороты, каких никогда не осуществить самому счастливому стечению естественных обстоятельств. И людей нельзя слишком порицать за подобный выбор, если принять во внимание, что спор тут идёт лишь между воспоминанием и выдумкой, поэтому вопрос ставится только так: нельзя ли считать то, что находится в нашем воображении, таким же реально существующим, как и то, что запечатлено в нашей памяти? Мы с полным правом можем ответить утвердительно, к великому преимуществу воображения, поскольку оно признаётся как бы маткой вещей, тогда как память есть не более чем их могила. Далее, если мы исследуем, насколько правильно наше определение счастья по отношению к чувствам, то оно окажется удивительно подходящим. Какими тусклыми и пресными кажутся нам предметы, если их не облекает наряд иллюзии! Как неказисто всё, что мы видим в зеркале природы! Так что, если не прибегать к помощи искусственных средств, вроде фальшивого освещения, отражённых лучей, лака и мишуры, то все радости и развлечения смертных станут крайне однообразными. Если бы свет серьёзно поразмыслил над этим, - хотя у меня есть основание думать, что он едва ли это сделает, - он перестал бы считать проявлением высочайшей мудрости искусство вскрывать недостатки и выставлять напоказ слабости - занятие, по-моему, ни дать ни взять такое же, как срывание маски, что всегда считалось неприличным - и в обществе и на маскарадах.

Поскольку легковерие является более спокойным душевным состоянием, чем любопытство, постольку мудрость, вращающаяся на поверхности, предпочтительнее мнимой философии, которая проникает в глубину вещей и возвращается с важным открытием, что ничего путного там нет. Два чувства, к которым прежде всего обращаются предметы, суть зрение и осязание. Чувства эти никогда не идут дальше цвета, формы, величины и других качеств, помещённых природой или искусством на поверхности тел; потом является разум - с инструментами для разрезывания, вскрытия, прокалывания, раздробления - и услужливо предлагает доказать, что вещи внутри совсем не такие, как снаружи. Всё это я считаю последней степенью

извращения природы, один из вечных законов которой предписывает носить наилучшие украшения сверху. Вот почему, чтобы избавить на будущее время людей от всей этой разорительной анатомии, считаю своим долгом уведомить читателя, что в подобных своих выводах разум совершенно прав и что у большинства телесных сущностей, попадавшихся мне под руку, наружность несравненно привлекательнее того, что у них внутри. Несколько недавних наблюдений ещё больше укрепили меня в этом убеждении. На прошлой неделе я видел женщину с содранной кожей, и вы не можете себе представить, до какой степени её наружность от этого проиграла. Вчера я распорядился, чтобы в моём присутствии обнажили труп одного франта, и был крайне удивлён, убедившись, сколько недостатков, о коих я и не подозревал, скрывается под богатым и нарядным костюмом. Потом я велел вскрыть его мозг, сердце к селезёнку я с каждой операцией убеждался, что по мере углубления внутрь недостатки всё больше умножаются как по числу, так и по величине; отсюда я сделал справедливое умозаключение, что тот философ или прожектёр, которому удастся открыть способ запаивать и замазывать трещины и изъяны природы, окажет человечеству гораздо большую услугу и научит нас более полезному искусству, чем так высоко ценимое в настоящее время искусство вскрывать эти изъяны и выставлять их напоказ. (Есть же такие люди, которые считают анатомию конечной целью медицины!) Поэтому человек, поставленный судьбою и обстоятельствами в благоприятное положение для того, чтобы наслаждаться плодами этого благородного искусства; человек, способный вместе с Эпикуром довольствоваться представлениями, основанными на отражениях и образах, идущих от поверхности вещей к нашим чувствам, - такой человек подобен истинному мудрецу, снимающему с природы сливки, предоставляя философии и разуму лакать жидкое пойло. Это и есть высший предел утончённого блаженства, называемый состоянием человека ловко околпаченного; благостно-спокойное состояние дурака среди плутов.

Но вернёмся к безумию. Соответственно развитой мною выше системе, ясно, что каждый его вид проистекает от избытка паров. И если некоторые роды бешенства удваивают силу мышц, то есть и другие виды, повышающие энергию, деятельность и живость мозга. Обыкновенно эти деятельные духи, завладев мозгом, уподобляются тем, что водятся в других обширных и пустых жилищах: от нечего делать они либо исчезают, унося с собой часть дома, а если остаются - то разбирают его целиком и по кускам вышвыривают в окна. Это мистическое подобие двух главных ветвей безумия, которое иные философы, не вникнув в дело так глубоко, как я, ошибочно объясняют двумя разными причинами, слишком поспешно приписывая первую ветвь недостатку, а вторую - избытку.

Из приведённых мной соображений, мне кажется, ясно вытекает, что всё искусство и ловкость состоит главным образом в том, чтобы найти применение избытку паров, осмотрительно выбрав для этого подходящий момент; при этих условиях они, несомненно, принесут обществу всестороннюю и капитальную пользу. Так один человек, прыгнувший в пропасть, в подходящий для этого момент, становится героем и объявляется спасителем отечества, а другой, совершивший такой же прыжок не вовремя, клеймится безумцем, и это клеймо навсегда остаётся на его памяти. Таково тонкое различие между гибелью Курция, имя которого нас учат произносить с уважением и любовью, и Эмпедокла, которого мы поминаем с ненавистью и презрением. Точно так же обыкновенно считается, что старший Брут только притворялся безумцем и сумасшедшим ради общественного блага. В сущности, он страдал не чем иным, как избытком всё тех же паров, которые

долгое время использовал не по назначению; римляне называли это ingenium par negotiis, что (если перевести как можно точнее) означало род бешенства, попадающего в свою стихию, только когда вы обращаете его на государственные дела.

По всем этим и многим другим, столь же веским, но менее любопытным основаниям, я с удовольствием пользуюсь настоящим случаем, которого давно уже искал, чтобы сделать сэру Э-ду С-ру, сэру К-ру М-ву, сэру Дж-ну Б-зу, эсквайру Дж-ну Г-у и другим патриотам одно весьма благородное предложение, именно: внести билль о назначении над Бедламом и соседними местами особых инспекторов, снабжённых полномочиями требовать к себе лиц, бумаги и протоколы, исследовать достоинства и способности всех питомцев и наставников этого учреждения и наблюдать с величайшей тщательностью за разными их наклонностями и поведением. Этим способом, после должного различения и целесообразного применения их дарований, могут быть созданы замечательные орудия для исполнения различных государственных должностей. . . . . .гражданских и военных, для чего нужно только пользоваться скромно предлагаемыми мной методами. И я надеюсь, что благосклонный читатель отнесётся сочувственно к усердным моим стараниям в этом важном деле, приняв во внимание всегдашнее моё уважение к почтенному бедламскому обществу, коего я одно время имел счастье состоять недостойным членом.

Нет ли в этом заведении питомца, который бы рвал в клочки соломенную подстилку, ругался и богохульствовал, грыз железную решётку с пеной у рта и выплёскивал свой ночной горшок в физиономию зрителей? Пусть достопочтенные господа инспекторы дадут ему драгунский полк и пошлют во Фландрию вместе с прочими. Нет ли там другого питомца, который бы трещал без умолку, брызгал слюнями и кипятился всё в одном тоне, не расчленяя своей речи на фразы и периоды? Какие замечательные дарования гибнут здесь! Немедленно снабдите его зелёной папкой с бумагами, суньте ему в карман три пенса и отправьте в Вестминстер-Холл. Есть там и третий, сосредоточенно вымеряющий свою конуру, человек проницательный и глубокомысленный, хотя и обречённый на пребывание в темноте, вследствие чего, как у Моисея, ecce cornuta erat ejus facies. Он прохаживается чинным шагом, степенно и церемонно выпрашивает у вас монетку; много говорит о трудных временах, налогах и вавилонской блуднице; запирает деревянное окошечко своей камеры аккуратно в восемь часов; видит во сне пожары, ограбление лавок, придворных заказчиков и привилегированные места. Какую же великолепную фигуру составят все эти выдающиеся качества, если их обладатель будет послан в Сити к своим собратьям? Взгляните на четвёртого, погружённого в беседу с самим собой и по временам грызущего ногти; на лице его застыло выражение деловитости и озабоченности, иногда он начинает носиться по камере, вперив глаза в бумагу, которую держит в руках; он времени зря не теряет, немного туг на ухо, сильно близорук и начисто лишён памяти; он вечно спешит, завален делами и неподражаем в искусстве с важной миной шептать на ухо пустяки; обожает междометия и любит откладывать неотложные дела; так охоч давать своё слово каждому, что никогда его не держит; позабыл значение самых обыкновенных слов, хотя отлично помнит их звучание; очень подвержен поносу - вследствие чего ему то и дело надо отлучаться. Если вы подойдёте к его решётке в минуту, когда он бывает благодушен: Сударь, обращается он к вам, подайте пенс, а я спою вам песенку; только прежде подайте пенс. (Отсюда распространённая поговорка и ещё более распространённый обычай: выбросить деньги за песенку.) Чем не описание полной системы придворного искусства во всех его разветвлениях?

И такие богатые задатки пропадают даром, не находя должного применения! Подойдите теперь к отверстию другой камеры, предварительно закрыв нос, и вы увидите угрюмого, мрачного, грязного и неопрятного человека, копающегося в своём кале и полощущегося в своей моче. Лучшая часть его пищи - вещество, извлечённое из собственных экскрементов, которые, испаряясь, совершают непрерывный круговорот и в заключение возвращаются в первоначальное состояние. Цвет лица его грязно-жёлтый, жиденькая бородёнка точь-в-точь как его пища, когда она впервые из него извергается; он похож на тех насекомых, которые, родившись в навозе и будучи им вскормлены, заимствуют у него цвет и запах. Питомец этого отделения очень скуп на слова, но зато очень щедро угощает своим дыханием; он протягивает руку за подаянием и, получив его, тотчас же возвращается к прежним занятиям. Разве не удивительно, что общество Варвик-Лейна приложило так мало стараний для приобретения столь полезного члена, который, если судить по этой его деятельности, мог бы стать величайшим украшением знаменитой корпорации? Другой питомец пыжится перед вами, фыркает, таращит на вас глаза и весьма благосклонно протягивает вам руку для поцелуя. Смотритель просит вас не пугаться этого профессора, уверяя, что он не причинит никакого вреда; ему одному разрешено выходить в переднюю, и местный оратор разъясняет вам, что эта напыщенная персона - портной, который так заважничал, что ума лишился. Этот выдающийся учёный украшен ещё множеством редких качеств, но сейчас я не буду о них распространяться . . . . Насторожите ваши уши . . . . Я совсем попал впросак, если бы оказалось, что его тогдашние манеры и вид не были совершенно естественны и персона эта не чувствовала себя в родной стихии.

Не стану подробно распространяться о том, какое огромное число щёголей, скрипачей, поэтов и политиков приобрёл бы свет при помощи предложенной мной реформы. Я вижу здесь не только чистый барыш для государства, дающего работу стольким людям, таланты и познания которых, если позволительно так выразиться, нынче зарыты или, во всяком случае, применены неудачно; гораздо существеннее огромная выгода от этого дела для общества: ведь все эти люди отличились бы и достигли высокого совершенства в различных своих искусствах, что, мне кажется, ясно уже из сказанного мною, но станет ещё более очевидно при помощи следующего простого довода. Я сам, автор этих важных истин, обладаю пылким воображением, которое нелегко обуздать и которое очень склонно понести разум, а из долгого опыта мне известно, что это весьма легковесный всадник и сбросить его нетрудно. Поэтому мои друзья на меня не полагаются и никогда не пускают одного, не взяв торжественного обещания изливать свои умозрения, тем или другим способом, на общее благо человечества; хотя благосклонный, любезный и беспристрастный читатель, исполненный современной доброты и снисходительности, обычно связанных с его должностью, пожалуй, с трудом этому поверит.

РАЗДЕЛ X

СКАЗКА БОЧКИ

Отменная вежливость, установившаяся в последние годы между племенем писателей и племенем читателей, служит неопровержимым доказательством крайней утончённости нашего века. Не появляется почти ни

одной комедии, ни одного памфлета, ни одного стихотворения без предисловия, наполненного благодарностями публике за одобрение и благосклонный приём оказанный бог ведает где, когда, как и кем. В уважение к столь похвальному обычаю приношу здесь мою нижайшую благодарность его величеству и обеим палатам парламента; членам высокого королевского тайного совета, достопочтенным судьям, духовенству, дворянству и всем землевладельцам нашего отечества; но преимущественно достойным моим собратьям и приятелям из кофейни Билля, Грешемского колледжа, Варвик-Лейна, Мурфилдса, Скотланд-Ярда, Вестминстер-Холла и Гилд-Холла; словом, всем жителям Великобритании, состоящим при дворе, при церкви, в армии, городе или деревне, за единогласный великодушный приём, оказанный этому несравненному трактату. С величайшей благодарностью принимаю это одобрение и доброе мнение и, по мере скромных моих способностей, буду пользоваться всяким случаем вернуть им долг.

Я счастлив также, что мне даровано судьбой жить в столь счастливое для книгопродавцев и авторов время; могу смело утверждать, что в наши дни это две единственные группы людей в Англии, довольных своей участью. Спросите любого автора, как было принято его последнее произведение, и вы услышите ответ: Не плохо, он благодарен своей звезде, публика была очень благосклонна, у него нет ни малейшего повода жаловаться; а ведь, чёрт побери, он написал эту вещь в одну неделю, по кусочкам, урывками, в промежутках между неотложными делами. Сто против одного, что вы найдёте то же самое в предисловии, к которому он отсылает вас; за остальными же сведениями предлагает обратиться к книгопродавцу. Вы идёте к последнему как покупатель и задаёте тот же самый вопрос: Благодарение богу, раздаётся вам в ответ, вещь раскупается великолепно; он уже печатает второе издание, в лавке осталось всего три экземпляра. - Сбавьте немного цену. - Сэр, мы столкуемся; в надежде на ваши будущие заказы делаю вам какую хотите скидку. Присылайте мне, пожалуйста, побольше своих знакомых: из уважения к вам, я и им отпущу по той же цене.

Мне кажется, ещё не было достаточно исследовано, каким причинам и каким случайностям публика обязана большинством замечательных произведений, которые ежечасно выпускаются в свет для её развлечения. Дождливой погоде, ночному кутежу, припадку хандры, лечебному режиму, скучному воскресному дню, проигрышу в кости, длинному счёту портного, тощему кошельку, голове, одурманенной партийной склокой, чрезмерной жаре, запору, недостатку книг или справедливому презрению к науке? Не будь этих поводов и подобных им других, которые слишком долго перечислять (особенно благоразумного забвения принять внутрь серу), боюсь, как бы число авторов и печатных произведений не сократилось настолько, что на них жалко было бы смотреть. В подтверждение этого мнения послушайте, что говорит один знаменитый философ Троглодит: Несомненно, что в состав человеческой природы подмешано несколько крупинок глупости, и мы можем либо прятать их внутрь, либо выставлять наружу: другого выбора у нас нет. Не нужно долго гадать, чем обыкновенно определяется этот выбор, стоит лишь вспомнить, что с человеческими способностями дело обстоит так же, как с жидкостями: самые лёгкие всегда всплывают на поверхность.

Есть на нашем славном острове Британии жалкий писака, весьма плодовитый, нрав которого, наверное, известен читателю. Он занимается пагубным родом сочинительства, называемым вторыми частями, которые обыкновенно выпускаются от имени автора первой части. Ясно предвижу, что, не успею я положить перо, как этот ловкач мигом подхватит его и поступит со

мной так же бесчеловечно, как поступил с доктором Б-ом, Л'Эст-ем и многими другими, которых не стану называть здесь. Молю поэтому великого выправителя сёдел и друга человечества доктора Бентли оказать мне справедливость и поддержку и отнестись с самой современной отзывчивостью к этой жалобе на большую обиду; и если случится, что по грехам моим на меня будет надета по недоразумению ослиная сбруя в виде второй части, пусть он соблаговолит тотчас же публично снять с меня эту обузу и спрятать её у себя дома, пока настоящая скотина не сочтёт нужным обратиться за ней.

Я же публично здесь заявляю о своём решении исчерпать в этой книге полностью весь накопленный мной за много лет материал. Раз уж мой фонтан открылся, я с радостью выолью его до последней капли на общее благо всего человечества и на пользу моей дорогой родины в особенности. Гости мои многочисленны, и, как радушный хозяин, я выкладываю им всё своё угощение; не в моих обычаях прятать остатки в буфет: что останется после гостей, будет отдано бедным, а кости можно будет бросить собакам под стол, пусть и те погложут. По-моему, поступать таким образом благороднее, чем вызывать у гостей тошноту, угощая их на другой день жалкими объедками.

Если читатель оценит по достоинству силу сказанного мной в предыдущем разделе, то, я убеждён, во всех его мнениях и понятиях произойдёт поразительный переворот, и он будет гораздо лучше подготовлен к восприятию и прочувствованию заключительной части этого чудесного трактата. Читателей можно разделить на три класса: на поверхностных, невежественных и просвещённых, и я с великим удовольствием приспособил своё перо к склонностям и пользе каждого из них. Поверхностный читатель найдёт у меня обильный материал для смеха, который очищает грудь и лёгкие, является превосходным средством против хандры и самым безвредным из всех мочегонных. Невежественный читатель (а различие между ним и поверхностным читателем крайне тонко) почувствует большую склонность вытаращить глаза, что весьма для глаз полезно, особенно если они больные, кроме того, это очень приподымает и оживляет дух и служит прекрасным потогонным. Но читатель подлинно просвещённый, ради блага которого я преимущественно бодрствую, когда другие спят, и сплю, когда другие бодрствуют, найдёт здесь достаточно материала для умозрений на весь остаток своей жизни. Было бы крайне желательно, и я скромно предлагаю здесь в виде опыта, чтобы каждый христианский государь отобрал в своих владениях по семи самых прославленных учёных и наглухо запер их на семь лет в семи комнатах с приказанием написать семь обширных комментариев на моё всеобъемлющее рассуждение. Осмелюсь утверждать, что, какие бы различия ни обнаружились в их догадках, все они без малейшей натяжки могут быть выведены из текста. Я убедительно прошу, чтобы к исполнению столь полезного предложения (если это будет угодно их величествам) было приступлено как можно скорее, потому что мне очень хочется ещё до того, как я покину этот мир, насладиться счастьем, которое нам, мистическим писателям, обыкновенно выпадает, когда мы уже лежим в гробу, - оттого ли, что слава, будучи плодом, привитым к человеческому телу, не может расти, а тем более созревать, пока ствол не посажен в землю; оттого ли, что эта слава - хищная птица, которая летит лишь на трупный запах; или наконец оттого, что ей кажется, будто труба её звучит всего лучше и громче, когда раздаётся с могильного холма и подкрепляется эхом пустого склепа.

Действительно, республике тёмных авторов, после изобретения ими великолепного средства - смерти, чрезвычайно повезло по части стяжания богатой и громкой репутации. Ведь ночь - мать всех вещей, и потому мудрые философы считают, что книга тем полезнее, чем она темнее. По той же

причине подлинно просветлённые (иными словами самые тёмные из всех) нашли несметное число комментаторов, и те, вооружённые своим схоластическим повивальным искусством, помогли им разрешиться мнениями, которых сами авторы никогда, может быть, и не зачинали, что, однако, не мешает справедливо считать этих авторов их законными отцами. Ведь их слова подобны брошенному наудачу семени, которое, падая на плодородную почву, даёт гораздо больший урожай, чем надеялся или воображал сеятель.

Итак, для содействия успеху столь полезного произведения, позволю себе бросить здесь несколько намёков, что окажет большую помощь возвышенным умам, которым будет поручено составление универсального комментария к этому выдающемуся трактату. Во-первых, я вложил глубочайшую тайну в число 0, помноженное на семь и делённое на девять. Следовательно, если набожный брат розового креста горячо и с живой верой помолится шестьдесят три утра подряд, а потом переставит во втором и пятом разделе некоторые буквы и слоги, соответственно преподанным правилам, ему, несомненно, откроется полный рецепт opus magnum. Наконец, кто возьмёт на себя труд сосчитать, сколько раз повторяется в настоящем трактате каждая буква, и точно определит разность между всеми этими числами, уясняя себе истинную естественную причину для каждой такой разности, тот с избытком будет вознаграждён за свой труд полученными в результате открытиями. Но ему следует остерегаться Bytus'a и Sige и тщательно помнить о свойствах Acamoth'a, a cujus lacrymis humecta prodit substantia, a risu lucida, a tristitia solida et a timore mobilis по этому поводу Eugenius Philalethes допустил непростительную ошибку.

РАЗДЕЛ XI

СКАЗКА БОЧКИ

После этих долгих блужданий в сторону я с удовольствием возвращаюсь к своему рассказу и буду впредь идти с ним нога в ногу до самого конца путешествия, разве только по дороге мне откроется очень уж красивый пейзаж. Хотя в настоящее время я не предвижу и не ожидаю таких вещей, однако, если что-нибудь подобное случится, я наперёд прошу читателя любезно сопровождать меня и позволить мне вести его по всем извилинам боковой дорожки. Ибо с писанием книг дело обстоит так же, как с путешествиями: если человек спешит домой (чего о себе не могу сказать, так как нигде нет у меня так мало дела, как дома) и если его лошадь утомилась от долгой езды и дурных дорог или попросту она кляча, я без обиняков советую ему взять самый прямой и самый проторённый путь, как бы ни был он грязен. Но, конечно, мы должны признать такого ездока плохим спутником: на каждом шагу обдаёт он грязью и себя и своих товарищей; все помыслы, желания и разговоры путешественников направлены лишь на то, как бы поскорее доехать; и при каждых брызгах, при каждой луже и при каждом ухабе они от всего сердца посылают друг друга к чёрту.

Иное дело, когда путешественник и его лошадь свежи и бодры, когда кошелёк его полон и когда перед ним целый день: он выбирает дорогу почище и поудобнее, занимает своих спутников приятными разговорами и пользуется первым случаем, чтобы увлечь их к лежащим по пути красивым пейзажам, созданным искусством или природой или обоими вместе; если же по глупости или от усталости те отказываются, он, обрушив на них проклятия,

предоставляет им плестись дальше, в уверенности, что догонит их в ближайшем городе. Приехав туда, он бешено мчится по улицам, все жители, от мала до велика, выбегают посмотреть на него, сотня голосистых дворняжек с лаем бросается за ним, и если он удостаивает самую дерзкую ударом хлыста, то скорее для потехи, чем по злобе; а когда какой-нибудь озорной ублюдок осмеливается подбежать слишком близко, то получает от скакуна такое приветствие копытом в зубы (нисколько не замедляющее бега лошади), что с визгом ковыляет в свою подворотню.

Перехожу теперь к рассказу о замечательных приключениях моего достославного Джека. Внимательный читатель, наверное, отлично помнит, в каких чувствах и в каком состоянии покинул я своего героя в конце одной из предшествующих глав. Поэтому читателю необходимо прежде всего извлечь суть из двух последних разделов, если он хочет приготовить свой разум к тому, чтобы как следует насладиться дальнейшей моей повестью.

Джек не только расчётливо воспользовался первым расстройством своего мозга, чтобы положить основание эпидемической секте эолистов, но, благодаря необычайно деятельной работе воображения, пришёл ещё к некоторым странным понятиям, с виду, правда, весьма бессвязным, но не лишённым какого-то таинственного смысла, и нашлось немало людей, готовых принять их и усовершенствовать. Я буду поэтому крайне осторожен и точен, излагая такого рода события, о которых мне удалось узнать или из расспросов заслуживающих доверия людей, или при помощи усердного чтения; я опишу их как можно нагляднее, насколько вообще доступны перу понятия такой высоты и такого значения. И я нисколько не сомневаюсь в том, что они дадут богатейший материал для всех, кто способен в горниле воображения переливать вещи в прообразы, кто и без солнца умеет создавать тени, и без помощи философии лепить из них субстанции, - словом, для всех, кто обладает счастливым даром присоединять к букве тропы и аллегории и утончать буквальный смысл в иносказательный и загадочный.

Джек обзавёлся прекрасной копией отцовского завещания, переписанной по форме на большом листе пергамента, и, решив играть роль почтительного сына, привязался к этому пергаменту свыше всякой меры. Хотя завещание, как я уже неоднократно говорил читателю, состояло лишь из ряда ясных, легко выполнимых предписаний, как сохранять и носить кафтаны, с перечислением наград и наказаний в случае соблюдения или несоблюдения этих предписаний, однако Джек забрал себе в голову, что они заключают более глубокий и тёмный смысл и под ними непременно кроется какая-то великая тайна. Господа, говорил он, я докажу вам, что этот кусок пергамента является пищей, питьём и одеждой, философским камнем и всеисцеляющим средством. Преисполнясь восторга, он решил пользоваться завещанием как в важнейших, так и в ничтожнейших обстоятельствах жизни. Джек научился придавать ему какую угодно форму: завещание служило ему ночным колпаком, когда он ложился спать, и зонтиком в дождливую погоду. Оторвав от него кусок, он обвязывал пораненный палец на ноге, а в случае припадков сжигал два дюйма пергамента у себя под носом; почувствовав тяжесть в желудке, скоблил его и глотал щепотку порошка, сколько помещалось на серебряном пенни - все такие лекарства действовали отлично. В соответствии с этими ухищрениями он иначе и не разговаривал, как текстами завещания; в пределах завещания было заключено всё его красноречие; он не осмеливался проронить ни единого звука, который не подкреплялся бы завещанием. Однажды в чужом доме он вдруг почувствовал одну неотложную нужду, о которой неудобно слишком подробно распространяться; в этой крайности он не мог с должной быстротой припомнить точный текст завещания, чтобы

спросить дорогу в нужник, и поэтому счёл более благоразумным подвергнуться обычной в таких случаях неприятности. И всё красноречие общества не могло убедить его почиститься, потому что справившись с завещанием по поводу этого приключения, он наткнулся на одно место в самом конце его (может быть, даже вставленное переписчиком), по-видимому, воспрещавшее чистоплотность.

Он поставил себе также священным правилом никогда не молиться перед едой и после еды, и весь свет не мог бы убедить его принимать пищу, как говорится, по-христиански.

Он чувствовал необыкновенное пристрастие к вылавливанию изюма из горящего спирта и к зажжённым огаркам, которые хватал и глотал с непостижимым проворством; таким образом, Джек поддерживал в своём брюхе неугасимое пламя, которое, вырываясь раскалёнными парами из его глаз, ноздрей и рта, придавало ему в темноте сходство с ослиным черепом, в который озорной мальчишка вставил грошовую свечку, чтобы пугать верноподданных его величества. Поэтому он не пользовался никакими другими средствами, чтобы освещать себе путь домой, говоря обыкновенно, что мудрец сам себе светоч.

Джек ходил по улицам с закрытыми глазами, и если ему случалось удариться головой о столб или угодить в канаву (что случалось с ним частенько), он говорил с насмешкой глазевшим на него подмастерьям, что безропотно переносит своё несчастье, как подшиб или удар судьбы, с которой, по его убеждению, вынесенному из долгого опыта, бесполезно спорить или бороться; кто на это решается, тот, наверное, выходит из борьбы со сломанной ногой или расквашенным носом. За несколько дней до сотворения мира, говорил он, определено было, чтобы мой нос и этот столб столкнулись, и поэтому провидение сочло нужным послать нас в мир одновременно и сделать соотечественниками и согражданами. Если бы глаза мои были открыты, то, по всей вероятности, дело кончилось бы гораздо хуже. Разве не оступаются ежедневно люди, несмотря на всю свою предусмотрительность? Кроме того, глаза разума видят лучше, когда глаза чувств не препятствуют им; вот почему замечено, что слепые размеряют свои шаги с большей осторожностью, осмотрительностью и благоразумием, чем те, кто слишком полагаются на силу зрительного нерва, который ничтожнейшая случайность сбивает с толку, а какая-нибудь капелька или плёнка приводит в полное замешательство; наш глаз похож на фонарь, вокруг которого собралась банда шатающихся по улицам шумных буянов: он навлекает и на себя и на своего владельца пинки и затрещины, которых легко можно было бы избежать, если бы тщеславие позволило им ходить в темноте. Больше того: если мы исследуем поведение этих хвалёных светочей, то окажется, что они заслуживают ещё худшей участи, чем та, что им досталась. Да, я разбил себе нос об этот столб, потому что провидение позабыло или не сочло нужным толкнуть меня под локоть и предупредить об опасности. Но пусть моё несчастье не поощряет ни теперешнее поколение, ни потомков доверять свои носы руководству глаз, ибо это вернейший способ лишиться их навсегда. О, глаза! О, слепые поводыри! Жалкие вы стражи наших хрупких носов! Вы устремляетесь к первой завиденной вами пропасти и тащите за собой наши несчастные покорные тела на самый край гибели; но, увы, край этот подгнил, наши ноги скользят, и мы кубарем катимся прямо в бездну, не встречая на пути ни одного спасительного кустика, который задержал бы наше падение, - падение, в котором не устоит ни один смертный нос, разве только нос великана Лауркалько, повелителя Серебряного моста. Поэтому самым подходящим и самым правильным будет сравнить вас, о глаза, с блуждающими огнями, которые водят человека по

болоту и во тьме, пока он не попадёт в глубокую яму или в зловонную трясину.

Я привёл эту речь как образец замечательного красноречия Джека и убедительности его рассуждений на такие сокровенные материи.

Кроме того, был он человек очень широких замыслов в делах благочестия. Он ввёл новое божество, которое с тех пор приобрело огромное число почитателей. Иные называли его Вавилоном, другие Хаосом. Был у этого божества древний храм готической архитектуры на солсберийской равнине, славный своими реликвиями и привлекавший много паломников.

Когда Джек затевал какую-нибудь гнусность, он становился на колени, иногда прямо в канаву, закатывал глаза и начинал молиться. Люди, знавшие его выходки, старались подальше обходить его в таких случаях; но если кто-нибудь чужой подходил из любопытства послушать, что он бормочет, или смеялся над его ужимками, он моментально вытаскивал одной рукой свой аппарат и пускал струю прямо в глаза любопытного, а другой закидывал его с ног до головы грязью.

Зимой он всегда ходил незастёгнутый, нараспашку и одевался как можно легче, чтобы впускать окружающий его жар; летом же закрывался как можно теплее, чтобы не допускать его к себе.

При всех государственных переворотах он домогался должности главного палача и в исправлении этих благородных обязанностей обнаруживал большую ловкость, пользуясь вместо маски длинной Молитвой.

Язык у него был такой мускулистый и тонкий, что он мог просовывать его в нос и держать таким образом весьма странные речи. Он первый также в наших королевствах стал совершенствовать испанскую способность реветь по-ослиному; и при длинных ушах, постоянно насторожённых и стоявших торчком, он довёл своё искусство до такого совершенства, что при помощи зрения или слуха было крайне трудно отличить копию от оригинала.

Он страдал болезнью, прямо противоположной той, что вызывается укусом тарантула, и приходил в бешенство при звуках музыки, особенно волынки. От этих припадков он лечился тем, что прохаживался несколько раз по Вестминстер-Холлу, Биллинсгейту, по двору частного духовного пансиона, по королевской бирже или в какой-нибудь благопристойной кофейне.

Джек хотя и не боялся красок, но смертельно их ненавидел и вследствие этого питал лютое отвращение к живописцам, настолько, что, проходя во время своих припадков по улицам, набивал карманы камнями и швырял их в вывески.

Так как при описанном образе жизни ему часто приходилось мыться, то он окунался с головой в воду даже среди зимы; но было замечено, что всегда выходил из воды ещё грязнее, чем погружался в неё.

Он первый открыл секрет составления снотворного средства, вводимого через уши; оно состояло из серы, гала-адского бальзама и небольшой дозы мази пилигримов.

Он носил на животе большой пластырь из прижигающих веществ, жар которого вызывал у него стоны, как у знаменитой доски, когда к ней прикладывают раскалённое докрасна железо.

Остановившись на углу какой-нибудь улицы, он обращался к прохожим с такими просьбами: Достоуважаемый, сделайте одолжение, двиньте меня хорошенько в зубы. Или: Почтеннейший, прошу вас, удостойте меня пинком в зад. - Сударыня, могу я попросить вас смазать меня в ухо вашей изящной ручкой? - Благородный капитан, ради создателя, огрейте меня вашей палкой по этим жалким плечам. Добившись при помощи столь настойчивых упрашиваний основательной трёпки, он возвращался домой с припухшими боками и разогретым воображением, но очень довольный и напичканный

устрашающими россказнями о том, как пострадал он за общее благо. - Взгляните на этот подтёк, говорил он, обнажая плечи: уж и огрел меня сегодня, в семь часов утра, один проклятый янычар, когда я, не щадя сил, отбивался от турецкого султана. Дорогие соседи, право, эта разбитая голова заслуживает пластыря; если бы бедный Джек жалел свою башку, ваши жёны и кладовые давно бы уже стали добычей папы и французского короля. Дорогие христиане, великий могол был уже в Уайт-Чепеле, благодарите же мои несчастные бока, что он (помилуй нас боже) не слопал ещё нас всех с жёнами и детьми!

В высшей степени замечательны были выражения взаимного отвращения между Джеком и братом его Петром, которое они всячески подчёркивали. Пётр совершил в последнее время несколько мошенничеств, вследствие чего вынужден был прятаться и, опасаясь судебных приставов, редко отваживался выходить на улицу до наступления ночи. Братья жили в двух противоположных концах города, и если им случалось почему-либо выходить из дому, они выбирали для этого самое необычное время и направлялись самыми глухими закоулками, чтобы наверняка избежать встречи друг с другом. Но несмотря на все эти предосторожности, судьба постоянно сталкивала их. Причину этого понять не трудно. Причуды и сумасбродство обоих имели одну и ту же основу, так что мы можем уподобить их двум циркулям, раскрытым на одинаковый радиус: если укрепить такие циркули одной ножкой в том же центре и вращать в противоположные стороны, они непременно встретятся на какой-нибудь точке окружности. Вдобавок, на свою беду, Джек обладал поразительным внешним сходством со своим братом Петром. У братьев были не только одинаковый нрав и наклонности, они не различались между собой ни фигурой, ни ростом, ни наружностью. Так что судебный пристав то и дело хватал Джека за шиворот, крича: Господин Пётр, именем короля вы арестованы! Или же кто-нибудь из закадычных друзей Петра бросался к Джеку с распростёртыми объятиями: Дорогой Пётр, я так рад тебя видеть, пришли мне, пожалуйста, своего превосходного средства от глистов. Можете себе представить, как обидно было Джеку получить такую награду за долголетние труды и хлопоты; видеть, что результаты всех его стараний прямо противоположны единственной преследуемой им цели. Могло ли это обойтись без ужасающих последствий для его разума и сердца? За всё платились жалкие остатки наследственного кафтана. Утреннее солнце, начиная свой дневной путь, всегда бывало свидетелем какой-нибудь новой его порчи. Призвав портного, Джек велел ему так сузить воротник, что почти задыхался в нём, и глаза его лезли на лоб. Жалкие лохмотья кафтана он ежедневно тёр по два часа о грубо оштукатуренную стену, чтобы удалить остатки галунов и шитья, и делал это с таким неистовством, что похож был на языческого философа. Но, несмотря на все свои старания, никак не мог добиться желанной цели. Лохмотья всегда имеют какое-то забавное сходство с роскошью: в обоих есть что-то броское, так что издали, в темноте или при близорукости легко впасть в ошибку. Вот почему рубище Джека с первого взгляда казалось щегольским нарядом; это обстоятельство, в соединении с большим внешним сходством, губило все его планы обособиться от Петра и так усиливало родственные черты братьев, что даже ученики и последователи часто их смешивали . . . . Desunt . . . . nonnulla. . . . .

Старая славянская пословица правильно говорит, что с людьми обстоит так же, как с ослами: кто хочет крепко держать их, должен умело хватать их за уши. Всё же, мне кажется, мы можем на основании долгого опыта утверждать,

что

Effugiet tamen haec sceleratus vincula Proteus.

Поэтому, читая изречения наших предков, мы должны принимать во внимание, о каком времени и людях идёт речь; в самом деле, из древнейших летописей мы узнаём, что ничто не подвергалось таким великим и частым изменениям, как человеческие уши. В прежние времена существовало любопытное изобретение, чтобы хватать и держать их; но, мне кажется, его следует причислить к так называемым artes perditae. Да и могло ли быть иначе, если за последние столетия этот орган не только уменьшился до плачевных размеров, но и жалкие его остатки настолько выродились, что издеваются над самыми хитрыми нашими попытками схватить их? Ведь если достаточно было рассечь ухо одного оленя, чтобы этот недостаток распространился на весь лес, то можно ли удивляться огромным последствиям обрезывания и увечья, которым так часто подвергались в последнее время уши отцов наших и наши собственные? Правда, покуда наш остров находился под властью благодати, было затрачено много усилий на то, чтобы содействовать росту наших ушей. Крупные размеры этого органа рассматривались тогда не только как украшение внешнего человека, но и как символ благодати, осенившей человека внутреннего. Кроме того, натуралисты считают, что буйному росту органов верхней области тела, как уши и нос, всегда соответствует буйный рост органов его нижней области. Поэтому в те истинно благочестивые времена было принято, чтобы в каждом собрании одарённые в этом отношении самцы как можно больше выставляли напоказ свои уши и прилегающие к ним части кожи, так как, по словам Гиппократа, если перерезать мужчине жилу за ухом, он делается скопцом. И самки с не меньшим усердием созерцали эту выставку и поучались. При этом те из них, что уже были в деле, смотрели на самцов с большим вниманием, в надежде зачать, при помощи открывавшегося им зрелища, красивого ребёнка. Другие, только ещё добивавшиеся благосклонности, находили кругом богатый материал для выбора и уверенно останавливались на обладателе наибольших ушей, чтобы не угас их род. Наконец, более набожные сёстры, считавшие всякое необычное расширение этого органа прорвавшимся наружу избытком духовного рвения, не колеблясь почитали каждую главу, наделённую такими придатками, как если бы они были огненными языками; но особенно преклонялись благочестивые сёстры перед главой проповедника, у которого обычно были самые большие уши; пользуясь этим, сам проповедник в припадках красноречия неуклонно выставлял их напоказ в самом выгодном виде, поворачиваясь к народу то одним ухом, то другим. От этой привычки приверженцы их и до сих пор называют проповедь вывертом.

Таковы были заботы святых по части увеличения размеров этого органа, и, по всей вероятности, они увенчались бы соответственным успехом, если бы в конце концов не воцарился жестокий король, воздвигший кровавое гонение против всех ушей, превышающих установленную меру. Тогда одни рады были прикрыть свои пышные отростки чёрной повязкой, другие совсем спрятались под парик; иные были рассечены, иные обрезаны, иные вырваны с корнем. Но об этом я расскажу подробнее в моей Всеобщей истории ушей, которой в самом скором времени собираюсь одарить публику.

Из этого краткого обозрения упадка ушей в последнее время и малых забот моих современников о восстановлении их былого величия ясно видно, как мало у нас оснований полагаться на такую коротенькую, слабую и скользкую зацепку; так что, кто желает крепко схватить человека, должен

прибегнуть к каким-либо другим способам. Но если мы тщательно исследуем человеческую природу, то обнаружим достаточное количество крючков, на которые его можно поддеть, достаточно назвать каждое из шести его чувств, не считая большого числа крючков, привинченных к страстям и нескольких прикреплённых к рассудку. Среди этих последних крепче всего можно ухватиться за любопытство. Любопытство - шпора в бок, узда в рот, кольцо в нос ленивому, нетерпеливому и брюзгливому читателю. За эту-то рукоятку писатель и должен хватать своих читателей; если ему это удалось, вся их борьба и сопротивление напрасны; они становятся его пленниками, и он их ведёт, куда хочет, пока усталость или глупость не заставят его разжать кулак. Поэтому и я, автор этого дивного трактата, свыше всякого ожидания крепко державший до сих пор благосклонных своих читателей за упомянутый крючок, с великой неохотой вынужден под конец выпустить его, и пусть сами решают, дочитывать ли им остальное в зависимости от унаследованной ими от природы лености. Могу лишь уверить тебя, любезный читатель, в утешение нас обоих, что меня ничуть не меньше, чем тебя, огорчает постигшее меня несчастье: я потерял или засунул куда-то в бумаги остающуюся часть этих записок, полную случайностей, превратностей и приключений, новых, приятных и удивительных, следовательно, во всех отношениях соответствующих деликатному вкусу нашего благородного века. Но, увы, несмотря на все усилия, могу припомнить лишь очень немногое. Так, там подробно рассказывалось, как Пётр добился охранной грамоты от королевского суда и как он примирился с братом Джеком, сговорившись одной дождливой ночью заманить брата Мартина в участок и там обобрать его до нитки; как Мартин с большим трудом вырвался от них и дал стрекача; как вышел новый приказ о взятии Петра под стражу и как Джек покинул его в беде, украл у него охранную грамоту и сам воспользовался ею; как лохмотья Джека вошли в моду при дворе и среди горожан, как он сел верхом на большого коня и кушал драчену. Но подробности всех этих и многих других событий выскочили у меня из головы и безнадёжно потеряны. Пусть в этом несчастье мои читатели утешают друг друга как умеют, соответственно складу своего характера; но заклинаю их всей дружбой, установившейся между нами от заглавного листа и до настоящего, не очень усердствовать и не надрывать своего здоровья, потому что беда непоправима. Я же, как подобает благовоспитанному писателю, приступаю теперь к исполнению акта вежливости, которым менее всего на свете может пренебрегать человек, идущий в ногу с современностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Запоздалые роды дают таких же ублюдков, что и преждевременные, хотя случаются они не так часто; это особенно вредно по отношению к родовым мукам мозга. Спасибо благородному иезуиту, который первый решился признаться в печати, что книги, подобно платьям, кушаньям и развлечениям, хороши в своё время; и ещё большое спасибо нашей славной нации за то, что она довела до тонкости эту и другие французские моды. Надеюсь, что доживу до тех времён, когда книга, вышедшая не вовремя, будет в таком же пренебрежении, как луна днём или макрель спустя неделю после окончания сезона. Никто не изучал нашего климата лучше, чем книгопродавец, купивший рукопись этого произведения. Ему до мелочей известно, какие сюжеты будут самыми ходкими в засушливый год и что нужно выставлять на прилавке, когда барометр показывает проливной дождь.

Просмотрев этот трактат и справившись со своим настольным календарём, он дал мне понять, что, по зрелом обсуждении двух главных вещей: объёма и сюжета, находит, что книга моя может пойти лишь после длинных парламентских каникул и то только в случае неурожая репы. Будучи тогда в крайне стеснённом положении, я пожелал узнать, что же, по его мнению, может найти спрос в текущем месяце. Книгопродавец посмотрел на запад и сказал: "боюсь, что мы вступаем в полосу дурной погоды; всё же, если бы вы могли изготовить небольшую юмористическую вещицу (но не в стихах) или коротенький трактат о ________, это мигом бы разошлось. Но если погода прояснится, то я уже сговорился с одним автором, чтобы он написал мне что-нибудь против доктора Бентли, и думаю, что на этом деле не прогадаю".

Наконец мы сошлись на следующем: если какой-нибудь покупатель спросит у него экземпляр моей книги и пожелает конфиденциально узнать имя автора, он назовёт ему под величайшим секретом, как другу, модных в ту неделю писателей; если, например, будет пользоваться успехом последняя комедия Дерфи, то я с такой же охотой соглашусь сойти за Дерфи, как и за Конгрива. Я упоминаю об этом потому, что мне прекрасно известны вкусы теперешних читателей и часто с большим удовольствием случалось наблюдать, как муха, которую прогнали с горшка с мёдом, немедленно садится на навозную кучу и с большим аппетитом кончает там свой обед.

Есть у меня словечко о глубокомысленных писателях, которых столько расплодилось в последнее время; принципиальная публика, наверное, и меня отнесёт к их числу. Я думаю, что по части глубины писатель тот же колодец: человек с хорошим зрением увидит дно самого глубокого колодца, лишь бы там была вода; если же на дне нет ничего, кроме сухой земли или грязи, то, хотя колодец был бы всего два аршина, его будут считать удивительно глубоким лишь на том основании, что он совершенно тёмный.

Попробую теперь произвести один очень распространённый среди современных авторов эксперимент: писать ни о чём; продолжать двигать пером, когда тема уже совершенно исчерпана. Это был признак остроумия, проявляющийся после смерти своего тела. Правду говоря, ни одна отрасль знания так слабо не разработана, как искусство уметь кончать вовремя. Пока автор писал свою книгу, он и его читатели стали старыми знакомыми, которые никак не могут расстаться. Я не раз замечал, что с писанием дело обстоит так же, как с визитами, когда церемония прощания отнимает больше времени, чем всё посещение. Заключение книги похоже на заключение человеческой жизни, которое иногда сравнивали с концом пиршества, откуда многие уходят, утолив голод ut plenus vitae conviva; ведь после обильнейшей еды гости все сидят за столом, часто только для того только, чтобы дремать или спать весь остаток дня. Но в этом отношении я резко отличаюсь от других писателей и буду чрезвычайно польщён, если окажется, что мои труды посодействовали покою человечества в нынешние бурные и беспокойные времена. И я не думаю, чтобы подобное достижение было так уж чуждо целям остроумного писателя, как полагают некоторые. Посвящал же один очень просвещённый народ в Греции те же самые храмы Сну и Музам в убеждении, что оба эти божества связаны самыми тесными узами дружбы.

На прощанье прошу у читателя ещё об одном одолжении: не ожидать назидания или развлечения от каждой строки или каждой страницы этого трактата и отнестись снисходительно к припадкам сплина автора, а также к полосам или периоду отступления, которые ведь находят и на читателя. Пусть он скажет по совести, хорошо ли будет, по его мнению, критиковать, спокойно сидя у окна, его походку или насмехаться над его платьем, когда он на улице шлёпает по грязи в проливной дождь.

Распределяя работу своего мозга, я счёл наиболее правильным сделать господином вымысел, а методу и рассудку поручить обязанности лакеев. Основанием для такого распределения была подмеченная мной у себя особенность, именно: я часто испытываю искушение быть остроумным, когда не могу быть ни благоразумным, ни здравомыслящим, ни вообще сколько-нибудь дельным. Я слишком усердный поклонник современных привычек, чтобы упустить удобный случай блеснуть остроумием, каких бы трудов оно мне ни стоило и как бы ни казалось оно неуместным. Между тем я заметил, что из трудолюбиво собранной коллекции семисот тридцати восьми цветочков и метких словечек лучших современных авторов, хорошо переваренных внимательным чтением и внесённых в записную книжку, я за пять лет мог выудить и втиснуть в разговор не больше дюжины. Из этой дюжины половина пропала даром, так как я расточил их в неподходящем обществе. Что же касается второй половины, то мне стоило стольких усилий, изворотливости и красноречия ввернуть их в разговор, что я в конце концов решил вовсе отказаться от своей затеи. Эта неудача, должен признаться (открою свой секрет), подала мне первую мысль сделаться писателем. Впрочем, от нескольких своих добрых друзей я узнал, что все теперь жалуются на такую же неудачу и что она оказала то же действие на многих других. В самом деле, я заметил, что много метких словечек, остающихся совершенно незамеченными или неоценёнными в разговори, привлекают к себе внимание и встречаются с некоторым уважением и почтением, удостоившись чести быть напечатанными. Но с тех пор, как благодаря свободе и поощрению печати я получил неограниченную возможность блистать приобретёнными мною дарованиями, я начал обнаруживать, что поток моих размышлений становится чересчур обильным и читатель не в состоянии их переварить. Поэтому я делаю здесь временную остановку, пока не найду, пощупав пульс публики и свой собственный, что для нашего общего блага мне совершенно необходимо снова взяться за перо.

ПРИМЕЧАНИЯ

СКАЗКА БОЧКИ

Мы находим в изд. 1710 г. такое примечание: "Цитата из Иринея на титульной странице, которая кажется тарабарщиной, есть формула, посвящённая в таинство, употреблявшаяся в древности еретиками Маркианами. У. Уоттон.

Ириней, епископ алонский (ум. около 200 г.) написал Трактат против еретиков. Выше приведённую формулу Ириней толкует так:

"Hoc quod est super omnem virtatem Patris invoco, quod vocatur Lumen et Spiritus et Vita, quoniam in corpore regnasti",

т. е. "Призываю то, что выше всей силы отца, что называется светом, духом и жизнью, потому что ты царствовал во плоти". - См. по поводу этого эпиграфа примеч. Свифта на с. 139.

И нарву я цветов себе новых,

Чтобы стяжать для своей головы тот венок знаменитый,
Коим ещё до меня никого не украсили музы.

Лукреций. О природе вещей, кн. I, с. 928-930. (Перевод И. Рачинского)

АПОЛОГИЯ АВТОРА

Стр. 29. ...два или три трактата, написанные явно против него... - Авторами их были Уильям Кинг (см. прим. к с. 33) и Уильям Уоттон (см. прим. к с. 33). ...не считая множества... замечаний... - Имеется в виду Том Дерфи - драматург, комедии которого пользовались огромным успехом при последних Стюартах и отличались чрезвычайной фривольностью, а иногда и непристойностью, но потом были забыты (ум. в 1723 г.). ...разговора между деистом и социнианцем. - Свифт имеет в виду анонимное сочинение, вышедшее в Лондоне в 1708 году под заглавием "Принципы деизма... в двух диалогах между скептиком и деистом", приписываемое философу Френсису Гастреллу (1662-1725). Социнианство - рационалистическое течение в протестантстве, отрицающее учение о Троице, откровение и божественную природу Христа.

Стр. 31. ...самым высоким особам на самых высоких постах... - Намёк на архиепископа Йоркского Шарпа и герцогиню Сомерсет, которые изобразили королеве Анне автора "Сказки бочки" как человека неверующего, что послужило впоследствии препятствием к назначению его епископом. Письмо об энтузиазме. - Автором этого письма был философ Шефтсбери (1671-1713), занимавшийся преимущественно вопросами этики и пытавшийся примирить эгоизм с альтруизмом. ...избитое изречение учит нас... - Имеется в виду латинское изречение: "Нет ничего хуже, чем извращение наилучшего". Драйден (1637-1700) - крупный поэт, критик, драматург эпохи реставрации Стюартов, родственник Свифта; Свифт был в обиде на маститого поэта за отзыв о его ранних стихотворных опытах: "Кузен Свифт, вы никогда не будете поэтом". Л'Эстрендж (1616-1704) - публицист, журналист, редактор правительственной газеты при Стюартах, крайний роялист.

Стр. 33. Ичард Джон (1636-1697) - богослов, с сатирической жилкой. Упоминаемое Свифтом его сочинение вышло в 1670 году. В "Мыслях на разные темы" Свифт так отзывается о нём: "Я знавал людей, которым удавалась насмешка, хотя их рассуждения на серьёзные темы были непроходимо глупы; блестящий пример - доктор Ичард из Кембриджа".

Марвел Эндрью (1621-1678) - поэт-пуританин, с сатирическим темпераментом, возражавший в 1678 году на сочинение Самюэля Паркера (1640-1687), впоследствии епископа, пуританина по воспитанию, но потом склонявшегося к католицизму. Паркер нападал на нонконформистов. Оррери (он же Чарльз Бойль, 1676-1731) - участник полемики "О древней и современной образованности" (так назывался трактат Темпла), как и Темпл, отдавал предпочтение древним и, в частности, в своих "Замечаниях" доказывал подлинность "Писем Фаларида" (агригентского тирана VI в. до н. э.). Свифт тоже участвовал в этой полемике на стороне Темпла и написал "Битву книг", в которой осмеивал нравы современной литературной братии и защищал древних. Диссертация. - Имеется в виду диссертация видного критика и филолога того времени д-ра Ричарда Бентли (1662-1742) об упомянутых "Письмах Фаларида", в которой он доказал, что это более поздняя подделка. ...было признано лицом, обнаружившим... дарование юмориста. -

Лицом этим был Уильям Кинг (1663-1712), писатель-дилетант, впоследствии друг Свифта, издатель журнала "Examiner", в котором сотрудничал Свифт, перейдя на сторону тори (в 1711 году). ...возражение написано человеком более серьёзным... - Имеется в виду Уильям Уоттон (1666-1726), полемизировавший с У. Темплом и Свифтом. С 1693 года до смерти он был приходским священником в Бекингемшире и капелланом графа Ноттингема.

Стр. 34. Все триста мы поклялись одной клятвой - Триста римских юношей поклялись убить этрусского царя Порсенну, обложившего Рим с целью восстановить на престоле Тарквиния Гордого. Цитата взята Свифтом из римского историка Флора (II в. н. э.). ...был занят... другим противником... - Имеется в виду Ричард Бентли. Битва книг - сочинение Свифта.

Стр. 35. Герцог Бекингем (1627-1688), как и его отец, - фаворит Стюартов. Здесь намёк на его письмо к Клиффорду. ...из одной французской книги... - Как показал биограф Свифта Генри Крейк (Life of Jon. Swift, v. I, 90-92), Уоттон имел в виду вышедшую в 1688 году книгу Fran?ois de Calli?res "Histoire po?tique de la guerre nouvellement declar?e entre les anciens et modernes".

Стр. 36. ...но пусть критик и его друг... - Бентли. Минеллиус - Минелль Жан (1625-1683) и Фарнеби Томас (1575-1647) - школьные учителя и составители школьных комментированных изданий латинских и греческих классиков; первый - голландец, второй - англичанин. Желает попоны неуклюжий бык. - Гораций. Эп., I, XIV, 43.

Стр. 38. ...озаглавленную Отрывок... - Точное заглавие этого отрывка "Рассуждение о механических операциях духа в письме к другу. Отрывок" (в настоящее издание не включён).

Стр. 39. Квартал Уайтфрайарс - В этом квартале, называвшемся также Эльзасом, преступники пользовались правом убежища до 1697 года. ...Только что упомянутого критика... - то есть Уоттона.

Стр. 40. ...какой-то неразборчивый книгопродавец... - Имеется в виду Эдмунд Керлл. Точное заглавие этой брошюры "Полный ключ к "Сказке бочки", с некоторыми сведениями об авторах и т. д.". Лондон, 1710. В брошюре утверждается, что "Сказка бочки" написана Томасом Свифтом (двоюродным братом Джонатана), а предисловия и отступления - Джонатаном. Примечания эти не представляют ценности.

Стр. 41. Лорд Соммерс (1651-1716) - лидер партии вигов, автор нескольких брошюр на политические темы. Пользовался репутацией честного человека, покровителя искусств и литературы. Так как Свифт в ту пору был вигом, то понятно его посвящение этому видному представителю партии.

Стр. 42. ...ибо я где-то слышал афоризм... - Свифт имеет в виду Геродота, VIII, 123-124.

Стр. 43. ...для украшения... последнего царствования... - то есть царствования Вильгельма III, сподвижником которого был лорд Соммерс. ...Скучные речи... - то есть речи в парламенте и других официальных учреждениях.

Стр. 45. ...разбросанным как в этом произведении, так и во втором... - то есть в "Битве книг". Боккалини (1556-1613)- итальянский сатирик.

Стр. 47. ...Ma?tre du palais (следовало бы maire du palais) - мажордомы последних меровингских королей, захватившие всю власть.

Стр. 48. Великое множество приносится в жертву Молоху... - Ср. книгу пророка Иеремии, XXXII, 35. ...домогается лавров... - Подразумевается получение должности поэта-лауреата, состоящего на жалованье при английском дворе и обязанного прославлять в стихах разные торжественные придворные события.

Стр. 49-50. Наум Тейт - поэт-лауреат с 1692 по 1702 год. Посредственность. Том Дерфи - см. прим. к с. 29. Раймер Томас (1639-1713). Известен не столько как критик, сколько как официальный историограф, выпустивший ценное собрание дипломатических актов. Денис Джон (1657-1733) - критик и драматург. Крайний виг.

Стр. 50. ...об одном... споре между ним и издателем. - Речь идёт о предисловии к уже упоминавшейся "Диссертации" Бентли, в котором он полемизирует с издателем графа Оррери (Бойля) Томасом Беннетом. См. прим. к с. 33. ...одного друга вашего воспитателя... - то есть Уильяма Темпла, защищавшего древних и потому названного другом времени. ...из множества томов, написанных в последние годы... - Намёк на книги, написанные воспитателями французских дофинов (наследных принцев), особенно на "Телемака" Фенелона (1699).

Стр. 51. Гоббс Томас (1588-1679) - выдающийся английский философ-материалист. Он известен главным образом своим учением о государстве, которое представляется ему всепоглощающим левиафаном: личность во всех без исключения отношениях должна подчиняться его авторитету. Взгляд Гоббса на церковь как на чисто государственное учреждение (Гоббс - атеист) приближает его к Свифту. Атеизм и материализм Гоббса были причиной враждебного к нему отношения в Англии и со стороны роялистов, и со стороны пуритан-республиканцев.

Стр. 52. ...академию, могущую вместить девять тысяч семьсот сорок три человека... - приблизительное число приходов-бенефиций в Англии.

Стр. 53. Нечто необыкновенное, новое, никем до сих пор не сказанное. - Гораций. Оды, III, XXV, 7-8. ...шутка, которая не может выйти за пределы Ковент-гардена... - Ковент-гарден первоначально был обширным монастырским садом, потом застроенным.

Стр. 56. ...посадив на их место чертополох, как более благородный цветок. - Чертополох - национальная эмблема Шотландии. Иаков I, король английский, он же Иаков VI, король шотландский, окружил свой герб цепью из чертополоха, алая и белая розы украшали герб предшествующей династии - Тюдоров. Орден чертополоха был введён Иаковом II в 1687 году. Твид - река, отделяющая Англию от Шотландии.

Стр. 57. ...всё ту же свинину... - Авторская ссылка на Плутарха. Рассказ о приготовлении различных кушаний из свинины встречается у многих писателей, но не у Плутарха. Возможно, что Свифт имел в виду Плиния, и его пометка: Pl. была расшифрована неправильно. Креон (фиванский тиран) назван здесь ошибочно вместо Клеона, афинского политического деятеля времён пелопонесской войны. Он выведен вместе с демагогом Гиперболом в комедии Аристофана "Облака". "Все сбились с пути, нет делающего добро, нет ни одного". - Псалом XIII, 3. Ксенофонт. - Свифт имеет в виду политический памфлет "Об афинском государственном строе", в те времена приписывавшийся Ксенофонту. Однако Ксенофонт не мог быть его автором, потому что в 424 г. до н. э., когда памфлет появился, Ксенофонт был ребёнком.

Стр. 58. Астрея - по верованиям греков, дочь Зевса и Фемиды, богиня справедливости, жившая среди людей; с её отлётом с земли кончился золотой век. Гораций. - Сат., II, III, 141. Уайтхолл - королевский дворец и придворная церковь, сгорел в 1698 году. Теперь на этом месте улица с таким же названием. ...уморил... половину матросов, а другую почти отравил... - Жалобы на снабжение английского флота недоброкачественным продовольствием были очень часты в начале XVII века. ...занят подготовкой материалов... - См. список подготовленных к печати сочинений перед текстом. Оба эти произведения я хотел издать в виде приложения... - Свифт намекает на

"Диссертацию" Бентли, приложенную ко второму изданию "Размышлений" Уоттона.

Стр. 60. Подняться к небу -//Вот работа, вот труд. - Вергилий. Энеида, VI, 128-129. ...Сократа, подвесившего себя в корзине... - Аристофан. Облака, 218 сл.

Стр. 61. Лестница - Свифт имеет в виду лестницу, по которой приговорённый к смерти всходил на виселицу. Перила - bar - огороженное место в зале суда, которое занимают адвокаты. Трибуна - bench - место для судей. Пусть старики удаляются на покой. - Гораций. Сат., 1.1, 31. ...чувства и элементы... - то есть пять чувств и четыре элемента, или стихии, из которых, как думала наука от Эмпедокла до Лавуазье, слагаются все тела. ...соперников семи и девяти. - Семью семь и семью девять - два климактерических числа, то есть числа, обозначающие критический возраст человека.

Стр. 63. Каледонский лес - Имеется в виду Шотландия. Английские диссентеры заимствовали свои религиозные убеждения у шотландских пресвитериан. ...кафедра должна быть единственным непокрытым сосудом... - Пресвитерианские священники в то время носили шапочки. "Сосуд" - уподобление человека сосуду, часто встречается в Библии. К чести нашего отечества... - В других странах нет такого обычая, как в Британии, где каждый осуждённый перед казнью произносит речь. ...опубликованием этих речей... - Отчёты о предсмертных речах приговорённых к смертной казни издавались духовником ньюгетской тюрьмы Полем Лорреном. Каждый такой отчёт представлял собой страницу in folio; таким образом, совокупность их составила бы том in folio. Упоминаемый ниже издатель-прожектёр Донтон - учредитель так называемого "Афинского общества", в честь которого Свифт написал оду ещё в 1692 году.

Стр. 64. Нужно признать... - Лукреций, кн. 4, с. 526-527. Перевод И. Рачинского.

Стр. 65. Два главных свойства... - По-английски игра слов: maggot значит личинка, червяк, а также сумасбродная мысль. ...заканчивают свою речь пением... - Приговорённые к повешению должны были петь псалмы. Шестипенсовые остроты и др. - Свифтом приводятся здесь заглавия действительно выходивших в то время сборников этого рода. Граб-стрит - улица в Лондоне, где ютились мелкие писатели, исполнявшие заказы книгопродавцев-издателей.

Стр. 66. Грешемское общество - королевское общество (английская Академия наук) собиралось в Грешемском колледже до 1710 года.

Стр. 67. ...надумали вернуться от своей шелухи и блудниц... - Слова эти заимствованы Свифтом из евангельской притчи о блудном сыне, расточившем на чужбине имущество своё с блудницами и питавшемся шелухой. Свифт считал тогдашние экспериментальные исследования бесплодными (шелуха), а комедию безнравственной (блудницы). Пифагор, Эзоп, Сократ - все трое, по преданию, отличались безобразной внешностью.

Стр. 68. Рейнеке-Лис - "Роман о Лисе" - французского происхождения, это едкая злая сатира на двор и правящие дворянские верхи, складывавшаяся с конца XII и почти до середины XIV века. Свифт имеет здесь в виду английские лубочные переделки этого романа конца XVII века. Артефий - алхимик и философ; жил в начале XII века. Адепт - технический термин алхимиков - человек, добившийся превращения одного из низших металлов в золото. Реинкрудация, или редукция, в алхимии - обратное превращение вещества, достигшего известной степени совершенства, в низшее состояние. Via humida - алхимический термин. Мужской и женский дракон - сера и ртуть в алхимии. Виттингтон и его кошка - популярная английская сказка. Иегуда

Ганасси - еврейский комментатор первого или второго века н. э., закончивший кодификацию неписаного еврейского закона - Мишны. Мишна вместе с позднейшей Гемарой, комментарием к ней, составляют Талмуд. Существует палестинская и вавилонская (позднейшая) редакция Талмуда. ...ныне живущего писателя... - Драйден, которого здесь имеет в виду Свифт, умер в 1700 году. Томми Поте - Имеется в виду баллада о том, как Томми Поте добился любви прекрасной Розамонды.

Стр. 69. ...билля об отводе... (exclusion-bill) - неоднократно принимаемое парламентом, начиная с 1679 года, постановление о лишении права на престол брата короля Карла II Стюарта, будущего Иакова (Джеймса) II, как католика и автократа. ...в одной мучной бочке были найдены документы о пресвитерианском заговоре... - Мнимый заговор пресвитериан против наследника престола Иакова в 1679 году. Провокация, устроенная католиками.

Стр. 70. См. его перевод Вергилия - Перевод Вергилия посвящён Драйденом трём лицам: "Эклоги" - лорду Клиффорду, "Георгики" - графу Честерфилду и "Энеида" - маркизу Норменби. Говоря о "многочисленных" крёстных отцах, Свифт, вероятно, имел в виду не эти три посвящения, а 101 посвящение подписчикам роскошного издания с гравюрами.

Стр. 71. Ламбен. - Примечание это написано явно Свифтом. Подпись Ламбен - известного французского комментатора древних авторов: Горация, Лукреция, Цицерона, Демосфена, Плавта и др. (1516-1572) - поставлена в целях юмористической мистификации.

...выдержали схватку со множеством великанов... драконов. - Имеются в виду враги христианства и еретики. Локет - модный лондонский ресторатор, процветавший в конце XVII и начале XVIII века.

Стр. 73. Эмблемой этого бога был гусь... - Гусем англичане называют портновский утюг с ручкой, напоминающий гусиную шею. ...выводят его происхождение от Юпитера Капитолийского. - Свифт намекает на известный рассказ о священных гусях, криком своим спасших Рим от галлов. Cercopithecus - обоготворявшаяся египтянами длиннохвостая обезьяна; она упоминается Ювеналом, Марциалом, Плинием и др. Во время войны за испанское наследство, когда была написана "Бочка", обезьяна эта была прозвана "мальбруком"; поэтому возможно, что Свифт имеет здесь в виду знаменитого полководца Мальборо, к которому всегда питал неприязнь. ...любящая есть вшей... - Снова игра слов. Старинное прозвище портного у англичан: "истребитель вшей". ...идол почитался... изобретателем ярда и иголки... - Тоже игра слов. Ярдом, кроме меры длины, называется корабельная рея, иголкой - магнитная стрелка.

Стр. 74. Из отводка. - Свифт намекает здесь на богословский спор о происхождении души. Так называемый "традуцианизм" утверждал, что человеческая душа передаётся от родителей так же, как от них происходит, "отводится" тело; противники же "традуцианистов" считали, что новая душа творится в момент рождения.

Они доказывали это при помощи Писания... - Деяния, XVII, 28. ...а также при помощи философии... - Имеется в виду учение Анаксагора, как оно выражено Лукрецием, кн. I, с. 870: "Он говорит, что к вещам всем скрыто, невидимо, все без изъятья примешаны вещи" (перевод И. Рачинского).

Стр. 76. Аммиан Марцеллин - латинский историк IV века н. э. ...пышных аксельбантов... - банты из лент или шнурков, иногда с драгоценными камнями, которые мужчины носили на плече. Мода эта была занесена из Франции в конце XVII века. ...распить в Розе бутылочку... - "Роза" - модный кабачок на Russel-street.

Стр. 78. По праву отца. - Свифт пародирует jure divino - по божественному праву. Глубокое молчание. - Вергилий. Энеида, X, 63.

...удивительный трактат об истолковании... - Под Aristotelis Dialectica Свифт разумеет какой-нибудь латинский перевод сочинений Аристотеля по логике. Трактат Об истолковании (???? ?????????) посвящён вопросу о словесном выражении мысли; он не принадлежит к числу трудных сочинений А., и Свифт с сатирической целью даёт о нём превратное представление.

Стр. 79. Милорд Клиффорд. - В издании 1710 года здесь стоят только инициалы, но в примечаниях к нему, изданных отдельно в 1711 году, имена расшифрованы: Cl-ff-rd и J-N W-t-rs. Сэр Джон Уолтер был членом парламента в 1697 году; он упоминается в дневнике Свифта, написанном для Стеллы. ...упоминается о Товите и его собаке. - См. книгу Товита, XI, 3; книга эта считается апокрифической.

Стр. 81. ...брат заявил ex cathedra... - Сказанное папой ex cathedra (с кафедры) считается обязательным постановлением для католической церкви. ...получили в дар вотчину св. Петра... - То есть церковную область (в средней Италии). Она находилась под светской властью пап до 1870 года. В VIII или IX веке была сочинена легенда, будто область эта была получена папой Сильвестром в дар от римского императора Константина в начале IV века, и был сфабрикован соответствующий документ. Подложность его была доказана итальянским гуманистом Лоренцо Балла в XV веке.

Стр. 83. ...по улицам Эдинбурга... - Свифт не упускает случая пустить шпильку по адресу Шотландии и шотландцев, которых терпеть не мог за приверженность к кальвинизму (пресвитерианству).

Мом - бог сарказма; Зоил - критик Гомера; Тигеллий - критик Горация. Геркулес - Согласно мифу, Геркулес погиб, надев смоченную в отравленной крови тунику убитого им кентавра Несса.

Стр. 84. Какус - легендарный разбойник, укрывавшийся в пещере на Авентинском холме (где позже возник Рим); был оттуда извлечён и задушен Геркулесом за похищение его быков (рассказ об этом в XII книге "Энеиды" Вергилия). Гидра - легендарная семиглавая змея, у которой на месте отрубленных голов вырастали новые. Была убита Геркулесом. Авгиевы конюшни. - Авгий - легендарный элидский царь, один из аргонавтов, конюшни которого не чистились в течение 30 лет. Геркулес совершил этот подвиг, отведя туда реку Алфей. Стимфалийские птицы - легендарные птицы с железными крыльями, когтями и клювом, жившие у Стимфалийского (ныне Зеракского) озера в Аркадии. Были истреблены Геркулесом.

Стр. 86. ...ягоды... объедает осёл. - Павсаний, II, 38.

...рогатые ослы... - Геродот, IV, 191. Ктесий - греческий историк и врач персидского царя Артаксеркса (V в. до н. э.). Автор сочинений о Персии и Индии, отрывки из которых сохранены Фотием. Геродот красочно рассказывает... - Геродот, IV, 129. ...от наших скифских предков. - Во "Введении в историю Англии" Уильяма Темпла, патрона Свифта, шотландцы и ирландцы производятся от скифов. ...так Диодор... - Ссылка на Диодора сомнительна.

Стр. 88. ...того нужно... вышвырнуть вон со света... - Плутарх. Фемистокл, II. Ад портного (игра слов) - место, куда портной бросает обрезки.

Стр. 90. ...после перевода этого трактата на иностранные языки... - Французский перевод "Бочки" появился в 1721, немецкий в 1729 и голландский в 1736 году.

Оповещаю... миссионеров... - В списке книг, прочтённых Свифтом в 1697 году, есть несколько сочинений иезуитских миссионеров на востоке. Неизвестная южная земля. - См. список сочинений Свифта перед текстом.

Описания "Южной земли" встречаются в тогдашних географиях.

Стр. 92. Дружеским обществом называлось одно из трёх впервые возникших тогда в Англии страховых обществ от огня. Любопытно примечание к этому месту в издании 1720 года: "Как страховые общества страхуют от огня дома за определённую плату, так в римской церкви всякий заплативший за индульгенции и отпущения страхуется от адского огня после смерти. Упоминаемые здесь предметы или не заслуживают страхования, или не нуждаются в нём, и те, что поставлены между тенями и реками, так же мало подвержены воспламенению, как первые, и так же мало могут быть повреждены огнём, как вторые; таковы души, нематериальные сущности".

...больше всего дорожил Пётр одной породой быков... - Действие сатиры усиливается здесь тем, что по-английски бык и булла называются одним и тем же словом bull. Bulla (по-латыни) значит шарик, и это название было перенесено на папскую грамоту от свинцового шарика с печатью, прикреплявшегося к ней. ...Кончается в чёрной рыбе. - Гораций. Ars poetica, 2-4.

Стр. 93. Appetitus sensibilis (термин Фомы Аквината) - чувственное побуждение, в отличие от сознательного желания. Когда было брошено немножко пыли. - Вергилий. Георгики, IV, 87. ...называют привидениями и домовых буками - Непереводимая игра слов. Бука по-английски - bullbeggar (нищий бык, нищенствующая булла). Намёк на эмиссаров Рима - нищенствующих монахов. ...некоторые господа с северо-запада... - англичане. Ньюгет - знаменитая лондонская тюрьма, срытая в 1903 году. Servus Servorum Dei - раб рабов божьих - формула папской подписи на официальных документах. Отпущение in articulo mortis - предсмертное отпущение грехов. Camerae apostolicae - папское казначейство.

Стр. 95. Vere adepti. - Всё это место - пародия на стиль алхимических и каббалистических книг.

...сдувал с невежи шляпу в грязь. - Подразумеваются, вероятно, короны непокорных папе князей. ...привести с улицы первых встречных потаскушек - Запрещая священнику вступать в брак, католицизм относится снисходительно к сожительству.

Стр. 99. ...зашла речь о китайских тележках... - В "космографиях" XVII века можно найти сведение, будто китайцами изобретены телеги, передвигающиеся по суше при помощи парусов. Лоретская часовня... - Но католической легенде часовня Лоретского собора есть дом богоматери, который был перенесён ангелами из Палестины в Далмацию, а оттуда в Италию в конце XIII века.

Стр. 100. ...со взводом драгун. - Говоря о драгунах, Свифт имеет в виду так называемые "драгонады" Людовика XIV - постой драгун в домах упорствующих протестантов после отмены Нантского эдикта в 1685 году.

Стр. 101. ...к работе меня вынуждает... - Лукреций, I, 141-142. ...прочёл цикл назидательных лекций... - Свифт пародирует здесь своего критика У. Уоттона, который в "Рассуждении о древней и современной образованности" говорит об анатомии и различает в человеческом теле части содержащие (кожа, мясо, кости) и содержащиеся (кровь, желудочный сок и т. д.). ...слой полезного со слоем приятного. - Перифраза из "Поэтического искусства" Горация. ...цвет изысканнейших умов... спорит... - В изданиях 1720 и 1734 годов мы находим к этому месту следующее примечание: "Уоттон и Бентли утверждают, что древними, в настоящем смысле слова, являемся мы, а так называемые древние вовсе не заслуживают этого названия, ибо жили они в эпоху детства человечества, когда искусства и науки находились ещё в младенческом состоянии". Ту же мысль (что настоящими древними являемся

мы) высказывают английские философы Бэкон и Гоббс и французы Фонтенель и Перро. На ней Свифт подробнее останавливается в своём более раннем сочинении "Битва книг"; вообще вся настоящая глава "Бочки" касается той же темы. Остров Бразиль - Этот фантастический остров помещён на многих картах XVII века к западу от Ирландии. ...называется Островом жён художников... - Рассказ об "Острове жён художников" находится в нескольких географиях ("космографиях") XVII века, например, Raleigh (1614) и Heylyn (1677). Художники означают здесь картографов. Возьмите... издания... - Весь этот абзац - пародия на распространённые в XVII веке алхимические и шарлатанские медицинские книги. Balneum Mariae - французское bain-marie, водяная баня. Квинтэссенция - пятая сущность, или элемент. В древности (от Эмпедокла) и в средние века (до XVIII в.) считалось, что все тела состоят из четырёх элементов: земли, воды, воздуха и огня. Аристотель ввёл пятый, невесомый, элемент; он считался самым существенным в каждом теле; ему придавалось различное значение в алхимии и философии; см. ниже прим. - Q. S. - quantum sufficit - достаточное количество.

Стр. 102. Caput mortuum - голова мёртвых, алхимический термин. Медуллы, Флорилегии - название сборников с извлечениями из разных тогдашних псевдонаук. Набираться мудрости путём поглощения (в буквальном смысле) учёных книг - тема, довольно распространённая в литературе. Ср. Рабле. Гаргантюа и Пантагрюэль, V, 46; Библия, Иезекииль, гл. III; Апокалипсис, гл. X и др. Гомер изложил в своих поэмах всё, что касается человека. - Ксенофонт. Пир, IV, 6. Взгляд на поэмы Гомера как на свод всяческих знаний был общепринятым в Греции в VI-IV вв. до н..э. Выражение его можно найти не у одного Ксенофонта. Opus magnum - технический термин, означающий превращение низших металлов в золото. Каббалист - знающий каббалу, тайное мистическое учение, восходящее к глубокому прошлому и сохранившееся устно посвящёнными. Сендивогиус - алхимик, умерший в первой половине XVII века. Беме (Яков) - немецкий мистик (1575-1624). Теомагическая антропософия - вздорное сочинение алхимика Томаса Вогана в духе пансофии XVII века, появившееся в 1650 году. Sphaera pyroplastica - термин, заимствованный Свифтом из указанного сочинения Вогана. Это приблизительно то же, что другими алхимиками и мистиками называется "небесной субстанцией", "квинтэссенцией", "вечной природой", "третьим принципом", "райским небом" - принцип жизни. Vix crederem autorem hunc unquam audivisse ignis vocem - едва поверил бы, что этот автор слышал когда-нибудь голос огня. - Сентенция эта внушена Свифту титулом книги Вогана, где есть слова: "слушай голос огня" - изречение, которым заканчиваются так называемые "Оракулы Зороастра".

Стр. 103. ...я имею в виду... - Свифт здесь пародирует слог Уоттона. ...за последние три года... - то есть времени выхода в свет трактата Уоттона "О древней и современной образованности" (1694).

Стр. 108. Потом Мартин взялся... - Осмотрительные действия Мартина аллегорически изображают этапы английской реформации XVI века при последних Тюдорах: конфискацию монастырских земель, уничтожение культа святых и т. д. ...истори-тео-физи-логический разбор... - См. список сочинений перед текстом.

Стр. 110. ...собираюсь выпустить его по подписке... - Обычай выпускать подписные издания широко распространился в Англии в конце XVII века. Так были выпущены переводы Вергилия Драйдена. ...оторвал целый кусок... швырнул его в сточную канаву... - Действие Джека - действие фанатически настроенных шотландских кальвинистов-пуритан конца XVI - начала XVII века - уничтожение епископата, истребление икон.

Стр. 112. ...лисьи доводы... - Намёк на басню Эзопа о лисице, оставившей хвост в капкане и убеждающей всех лисиц последовать её примеру, чтобы не возбуждать насмешек.

Джек Лейденский - Иоганн Бокгольд, прозванный Лейденским (1505-1536), фанатический вождь секты анабаптистов, казнённый после взятия Мюнстера, где он был коронован королём "Нового Иерусалима". Гезы - буквально нищие; так назывались нидерландские протестанты, восставшие в конце XVI века против испанского владычества. Свифт перечисляет здесь разновидности кальвинизма и других крайних протестантских сект, объединяемых в Англии под названием диссентеров или нонконформистов. Джон Нокс (1505-1572) - последователь Кальвина, - шумный северный Джек, шумный от слова Knox (нокс - стучать, шуметь). Эолисты - от слова Эол, бог ветров, см. раздел VIII. Melloeo contingens cuncta lepore. - Свифт цитирует Лукреция неправильно: нужно Musaeo contingens cuncta lepore (я муз обаянье на мир изливаю). Лукреций, I, 934 и IV, 9 (перевод И. Рачинского).

Стр. 113. Олья - испанское кушанье - горячий мясной винегрет.

Стр. 114. ...по правилам мудреца... - Имеются в виду речи Солона Крезу. Геродот, I, 32. ...Геркулес овладел своими быками... - Разбойник Какус похитил быков Геркулеса, затащив их за хвост в свою пещеру. Таким образом, для нахождения их Геркулесу пришлось идти по следам в обратную сторону. См. прим. к с. 84.

Стр. 116. ...прикованной крепкими цепями... - Обычай прикреплять книги цепями существовал в английских библиотеках до XVIII века. ...чтобы вознестись потом на небеса... - то есть пойдёт на раскурку.

Стр. 117. Да отвратится это от нас руководящей судьбою. - Лукреций. О природе вещей, V, 107 (перевод И. Рачинского). Anima mundi - душа мира; термин, вероятно, заимствован Свифтом из упомянутой выше "Теомагической антропософии" Томаса Вогана (см. прим. к с. 102), хотя все эти мистические представления восходят к древности. ...согласно общепринятому выражению? - Библейское выражение, см. Бытие, II, 7; Исайя, II, 22. ...круг учения... делится... - В подлиннике игра слов. Compass по-английски означает круг, объём, а с другой стороны - компас. Тридцать два пункта - намёк на тридцать два деления компаса и направления ветров.

...тремя различными anima... - Учение о трёх душах - растительной, ощущающей и разумной принадлежит Аристотелю. Благодаря схоластике и особенно Фоме Аквинату оно прочно держалось в европейской психологии до Декарта (до половины XVII века). Бомбаст - Парацельс, швейцарский алхимик и врач (1493-1541). Парацельс считал, что человек состоит из четырёх элементов и что между ними и четырьмя странами света существует соотношение. Лицо человека он направлял к востоку, зад - к западу, левую руку - к Северному полюсу, правую - к Южному. ...из четырёх прочих... - сущностей или элементов.

Стр. 118. ...общепризнано... что знание надмевает... - Первое послание апостола Павла к коринфянам, VIII, 1. Мегалополис - город в Аркадии на Пелопоннесе. Coelum empyraeum - самая высокая часть неба, пребывающая в самой лёгкой стихии - огне - эмпирей, местопребывание богов. ...страна мрака. - Так называется Шотландия греческим историком Диодором Сицилийским (?????? - темнота). Здесь выпад против Шотландии как родины пресвитерианства и других осмеиваемых Свифтом фанатических сект.

Стр. 119. ...способ... сохранять ветры в кадках и бочонках... - "Одиссея", X, 19 ел. Панцироллус - Имеется в виду Гвидо Панчироли (1523-1599), написавший "Rerum memorabilium jam olim deperditarum libri II" (1599). В первой книге говорится об утраченных искусствах и изобретениях древних, во

второй - об изобретениях нового времени. Из священных мест и святилищ... - "Энеида", II, 297.

Стр. 121. ...подобно мёртвой райской птице, камнем падает наземь... - Существует старое поверье, что у райских птиц нет ног и поэтому они непрестанно летают до самой смерти.

Хамелеон, по народному поверью, питается воздухом (ср. "Гамлет", III, II: "Живу пищей хамелеона: ем воздух..."). Свифт, как видно из его примечания, желал затушевать скрывающийся здесь намёк. Некоторые комментаторы полагают, что под Хамелеоном он разумел официальную церковь, под Муленаваном - государство, враждебное диссентерам (Barret). По мнению В. Скотта, своими ветряными мельницами Свифт хотел сказать лишь, что фанатики "убивают время на борьбу с воображаемыми духовными препятствиями для их спасения, подобно тому как расстроенное воображение Дон Кихота обратило ветряные мельницы в великанов". Вообще говоря, следует заметить - не только по этому поводу, - что сатира Свифта допускает множество истолкований, что служит одной из причин её силы и неувядаемости. ...и продают их в розницу... - Во времена Свифта ходили рассказы, что лапландские колдуны продают мешки с ветром, обладающим чудодейственными свойствами. Под лапландцами разумеются здесь те же шотландцы.

Стр. 124. ...одной находившейся вдали женщиной... - Намёк на принцессу Шарлотту-Маргариту де Конде, которая, спасая свою честь, скрылась в Брюссель.

Любое тело. - Лукреций, IV, 1065. Ум тогда требует тела, любви наносящего рану;//Тянется к месту, откуда был ранен, и жаждет связаться. - Лукреций, IV, 1048 и 1055 (перевод И. Рачинского). Постыднейшая причина войны - Гораций. Сат., I, III, 107. Цивета - тропическое животное, выделяющее особое ароматное вещество, вроде мускуса, тоже называющееся циветой, или цибетом. ...нынешний французский король. - То есть Людовик XIV. ...разрешаются фистулой - Намёк на фистулу, которой страдал Людовик XIV.

Стр. 125. Аполлоний - Подразумевается Аполлоний Тианский - философ-пифагореец I века н. э. Clinamina - лёгкое отклонение - придуманное Лукрецием слово для перевода Эпикура. По учению последнего, все атомы падают в пустоте вниз прямолинейно и с одинаковой скоростью и, следовательно, никогда бы не сталкивались, если бы не лёгкие отклонения от прямолинейного пути; из столкновений рождаются вихри и возникает мир (как и у Демокрита). Картезий - так латинизировал свою фамилию Декарт (Des Cartes). В своей физике (отрицающей существование пустоты) он выдвигает гипотезу вихревого движения эфира, приведшего к возникновению планетной системы.

Стр. 126. Счастлив ты, что приехал в страну, где можешь прослыть человеком, кое-что знающим. - Письмо Цицерона к К. Требацию Теста, юристу, но не в Англию, а в Галлию. Предостережение насчёт "возниц" и эта цитата взяты из разных писем.

Стр. 131. Марк Курций - знатный римский юноша, бросившийся верхом в разверзшуюся в 392 году на Форуме пропасть, которая, по словам предсказателей, могла закрыться лишь после того, как туда будет брошено величайшее сокровище города. Эмпедокл - греческий философ (V в. до н. э.). Согласно одному преданию, он бросился в кратер вулкана Этны, чтобы современники, не найдя от него никаких следов, сочли его вознёсшимся на небо. Однако предательский вулкан выбросил его медные сандалии. Брут Луций Юний Старший - один из создателей римской республики, изгнавший последнего царя Тарквиния Гордого. По рассказу Тита Ливия, он долго

притворялся придурковатым, в целях самозащиты. Хитроумие, равное трудностям - Тацит. Анналы, VI, 39; XVI, 18. Э-ду С-ру, К-ру М-ву, Дж-ну Б-зу, Дж-ну Г-у - Имеются в виду Эдуард Сеймур, Кристофер Масгрев, Джон Болз, Джон Гоу - видные члены палаты общин конца XVII - начала XVIII веков, лидеры ториев; именно они обвинили лорда Соммерса, которому Свифт посвятил "Сказку бочки", и других руководителей партии вигов в государственной измене. Опущенное тут слово, вероятно, должно было быть "церковных". (Догадка Гоксворта.)

Стр. 133. Извозчичья плата стряпчего - Плата стряпчих за проезд в четырёхместной карете из общежитий в Вестминстер-Холл. Вестминстер-Холл - зал английского парламента, который служил также местом заседания верховного суда. Есть там и третий... - Намёк на пуританина-дельца. Пресвитерианство было распространено в Лондоне преимущественно среди торговой буржуазии. Ecce cornuta erat ejus facies - и вот лицо его сияет (Исход, XXXIV, 30). Ошибка латинского перевода объясняется двусмысленностью еврейского слова в оригинале. Вавилонская блудница - выражение Апокалипсиса (гл. XVII); так протестанты называли католическую церковь.

Выбросить деньги за песенку - означает выбросить их зря. Варвик-Лейн. - Королевская коллегия врачей помещалась на Варвик-Лейне с 1674 до 1825 года. ...местный оратор разъясняет вам... - Во времена Свифта Бедлам - дом умалишённых - был по известным дням открыт для обозрения. В своём Дневнике для Стеллы (13 декабря 1710 г.) Свифт рассказывает, как посетил Бедлам с, знакомыми после посещения зверинца и кукольного театра. ...эта напыщенная персона... - Вероятно, намёк на какого-нибудь королевского фаворита. (Догадка фон Эффена.)

Стр. 135. Мурфилдс - лондонский квартал, где был расположен Бедлам. Гилд-Холл - лондонская ратуша.

Стр. 136. ...выправитель сёдел... - Намёк на английское выражение "пригнать седло по лошади" - обвинить кого-нибудь по заслугам (Гоксворт).

Стр. 137. ...ослиная сбруя... - Намёк на обыкновение Бентли пользоваться греческой пословицей "Левкон несёт одну вещь, а его осёл совсем другую". ...семь обширных комментариев... - Вероятно, пародия на семьдесят толковников - переводчиков Библии на греческий язык. По преданию, перевод этот был сделан семьюдесятью двумя еврейскими учёными, запертыми в семьдесят две кельи, в семьдесят два дня. Работы всех их в точности совпали.

Стр. 138. Розенкрейцеры (сами они называли себя: братья розового креста) - тайное общество XVII столетия, члены которого претендовали на знание тайн природы, превращение металлов и т. д. Убеждения их представляли смесь платонизма, христианства и еврейской каббалы.

Стр. 139. Bytus, Sige и Acamoth действительно встречаются в сочинении Иринея, где он излагает учение гностика Валентина. Acamoth означает "мудрость" (еврейское hokhma). Латинская цитата ниже взята из того же сочинения Иринея "Против еретиков" (Contra haereses, I, IV, 2). Из слёз его происходит влажная сущность, из смеха - светлая, из печали - твёрдая, из страха - подвижная. - О Вогане см. прим. к с. 102.

Стр. 142. ...он наткнулся на одно место... - Вероятно, намёк на ст. 11 заключительной (XXII) главы Апокалипсиса: "Нечистый пусть ещё сквернится". Это приключение "в чужом доме", может быть, намёк на дортский синод (1618-1619). ...не молиться перед едой и после еды... - В англиканской церкви причащающийся становится на колени; кальвинисты же причащаются стоя или сидя.

...поэтому провидение... - Провидение, начиная с 5-го издания "Бочки",

заменено "природою". Весь этот абзац - сатира на веру кальвинистов в предопределение; большинство английских диссентеров были кальвинисты.

Стр. 143. Великан Лауркалько - См. "Дон Кихот", ч. I, гл. XVIII. Иные называли его Вавилоном, другие Хаосом - В издании 1720 года к этому месту помещено следующее примечание: "Приверженцы нашей государственной церкви обвиняют диссентеров в их враждебном отношении к порядку и благочинию богослужения". ...древний храм... - Свифт имеет в виду Стоунхендж (в 10 милях от Солсбери), состоящий из нескольких концентрических рядов так называемых "менгиров" (колонновидных камней). "Готический" у Свифта значит варварский. ...испанскую способность реветь по-ослиному... - См. "Дон Кихот", ч. II, гл. XXV и XXVII, где два алькальда ревут по-ослиному, чтобы найти пропавшего осла, и где Санчо показывает своё искусство в этом рёве, которое, "подобно плаванию однажды выученное, никогда не забывается".

Стр. 144. ...вызывается укусом тарантула... - Относительно укусов тарантула (в общем безвредных) существуют разные легенды. Свифт, очевидно, верил в ту, согласно которой у укушенного возникает неудержимое желание плясать, которое может успокоить только музыка тарантеллы. Биллинс-гейт - лондонский рыбный рынок. Все перечисленные здесь места были очень шумными. ...выходил из воды ещё грязнее... - Согласно одному из старых примечаний, здесь намёк на анабаптизм; согласно другим - насмешка над заботами пуритан о внутренней чистоте. ...у знаменитой доски... - Стонущая от прикосновения раскалённого железа ильмовая доска - ярмарочное развлечение лондонцев.

Стр. 145. Уайт-Чепел - лондонский квартал.

Стр. 147. ...проклятый Протей - Гораций. Сат., II, III, 71. ...рассечь ухо одного оленя... - Аристотель высказывает такую гипотезу об оленях, водившихся на Аргинузских островах (Аристотель. История животных, кн. VI, 29, 578 в).

...под властью благодати... - подразумевается владычество пуритан в эпоху английской революции (1649-1660). Пуритане коротко стригли волосы ("круглоголовые"), отчего обнажались уши. ...по словам Гиппократа. - Гиппократ. De genitura De a?re, aquis et locis, 50, 51. ...были огненными языками... - Намёк на сошествие святого духа на апостолов. Начиная с 5-го издания огненные языки заменены просто знаками благодати.

Стр. 148. Скалигер. - Свифт имеет в виду итальянского гуманиста Скалигера Старшего (1484-1558), который считает щекотку шестым чувством в сочинении De subtilitate. Тест-акт - английский закон 1673 года, воспрещавший католикам и пресвитерианам занимать общественные должности. Стр. 151. Спасибо благородному иезуиту... - Сочинение этого иезуита "Histoire de M. Constance" (1690) содержится в дошедшем до нас списке книг, прочтённых Свифтом в 1697 году.

Стр. 152. Конгрив (1670-1729) - поэт и драматург, прославившийся своими лёгкими комедиями. Как насыщенный жизнью гость - Лукреций, кн. Ш, 938. Рейсвикский мир был заключён в сентябре и октябре 1697 года между Францией с одной стороны, Голландией, Англией, Испанией и Империей - с другой.

Неизвестная южная земля (лат.).

У тебя ведь был ещё враг (лат.).

Письмо об энтузиазме.

Все триста мы поклялись одной клятвой (лат.).

Изменяя то, что нужно изменить (лат.).

Битва книг (фр.).

Желает попоны неуклюжий бык (лат.).

Литературный багаж (лат.).

Недостающее, пробелы (лат.).

Даром (лат.).

Апеллировать к потомству - обычная манера неудачливых писателей. Потомство представлено здесь в виде несовершеннолетнего принца, а время - виде его воспитателя. Автор начинает в обычном для него тоне, пародируя других писателей, нередко оправдывающих издание своих произведении при помощи доводов, которых им следовало бы стыдиться.

Надзиратель (фр.)

Без опеки (фр.)

Мне кажется, автору следовало бы опустить эту школу в своём перечне, так как по существу она является повторением школы езды на палочке, если только позволительно критиковать человека, с такой суровостью критикующего других, может быть, недостаточно разборчиво.

Нечто необыкновенное, новое, никем до сих пор не сказанное (лат.).

Чтение предисловий и т. д.

Плутарх.

См. Ксенофонт.

Сплин, Гораций. Перевод. - Накопленная желчь (лат.).

Юнона и Венера - деньги и любовница - очень соблазнительные взятки для судьи, если злые языки говорят правду. Помнится, недавно были брошены такого рода обвинения, но я не могу установить, кого они имеют в виду.

Величайший скандал (лат.).

Подняться к небу -
Вот работа, вот труд (лат.).

Пусть старики удаляются на покой (лат.).

Каледонском лесу (лат.).

Ярмарочный балаган, ораторов которого автор предназначает к виселице либо к выступлениям на собраниях диссентеров.

Под дождём, на перекрёстках (лат.).

Лукреций, книга 2.

Нужно признать ведь, что звуки и голос в себе заключают
Сущность телесную, так как воздействовать могут на чувство (лат.).

Два главных свойства фанатического проповедника - внутренний свет и голова, полная бредней, и две судьбы его писаний - быть сожжёнными или съеденными червями.

Здесь рукопись будто бы повреждена. Такие места встречаются у нашего автора весьма часто: оттого ли, что, по его мнению, он не может сказать ничего, заслуживающего внимания; оттого ли, что у него нет желания углубляться в предмет; оттого ли, что этот предмет маловажен, или, может быть, чтобы позабавить читателя (к чему он часто бывает очень склонен), или же, наконец, автор делает эти пробелы с некоторым сатирическим намерением.

Кофейня Билля была прежде местом, где обыкновенно встречались поэты; хотя это ещё у всех свежо в памяти, однако через несколько лет может позабыться, и тогда встретится нужда в настоящем объяснении.

То есть его предложение сдвинуть Землю.

Изощрённые эксперименты и современные комедии.

Автор, по-видимому, допускает здесь ошибку, так как я видел латинское издание Рейнеке-Лиса, выпущенное около ста лет назад; мне кажется, что это и есть оригинальное издание. Кроме того, многие считают, что оно преследует некоторую сатирическую цель.

Высокого качества (лат.).

Жил он тысячу лет.

Влажный способ (лат.).

В 1698 году.

С приложением (лат.).

Я полагаю, что здесь имеется в виду Рассуждение о древней и новой учёности мистера Уоттона.

Здесь автор, по-видимому, пародирует Л'Эстренджа, Драйдена и других писателей, которые, проведя жизнь в пороках, политических интригах и вероломстве, имеют бесстыдство говорить о заслугах, невинности и страданиях.

В царствование Карла II в одной мучной бочке были найдены документы о пресвитерианском заговоре, наделавшем тогда много шуму.

Титульный лист рукописи был так изорван, что не удалось разобрать некоторые из упоминаемых здесь автором заглавий.

См. его перевод Вергилия.

Под этими тремя сыновьями: Петром, Мартином и Джеком, подразумеваются папство, англиканская церковь и наши протестантские диссентеры. У. Уоттон.

Под кафтанами, которые он завещал сыновьям, подразумевается еврейское платье. У. Уоттон.
Ошибка (да позволено мне будет указать) учёного комментатора, ибо под тремя кафтанами подразумеваются догматы и вероучение христианства, мудростью божественного основателя приспособленные для всякого времени, места и обстоятельства. Ламбен.

Новом завете.

Любовницами их были: герцогиня d'Argent, mademoiselle de Grands Titres и графиня d'Orgueil, то есть Корыстолюбие, Честолюбие и Гордость - три великих порока, на которые ополчались первые отцы церкви как на главную язву христианства. У. Уоттон.

Под открытым небом (лат.).

Эта сатира на одежду и моды предназначается для связи с последующим.

Под этим идолом подразумевается портной.

Бог низших племён (лат.).

Почитаемая египтянами обезьяна, очень любящая есть вшей, названных в тексте тварями, питающимися человеческой кровью.

Намёк на слово микрокосм, или малый мир, как называют человека философы.

Из отводка (лат.).

Первая часть этой сказки содержит историю Петра и, таким образом, изображает папизм. Каждому известно, что announcing паписты осложнили христианство

большими добавлениями, что им и ставит главным образом в упрёк англиканская церковь. Соответственно этому Пётр начинает свои проделки нашивкой аксельбанта на свой кафтан. У. Уоттон.

Описание сукна, из которого был сшит кафтан, имеет более глубокое значение, чем то, что выражено словами: "Завещанные отцом кафтаны были из прекрасного сукна и сшиты так ладно, что положительно казались сделанными из цельных кусков, но в то же время были очень просты и с самыми малыми украшениями или вовсе без украшений". В том отличительная особенность христианской религии. Christiana religio absoluta et simplex <Перевод. - Христианская религия совершенна и проста (лат.).> по свидетельству Аммиана Марцеллина, который сам был язычник. У. Уоттон.

Под аксельбантами подразумевается внесение в церковь пышности и ненужных украшений, создававших лишь неудобство и не годившихся для назидания, подобно бесполезному аксельбанту, который лишь нарушает симметрию.

В таких именно словах (лат.),

Когда паписты не могут найти нужного им текста в Писании, они обращаются к устному преданию. Так, Пётр удовлетворяется здесь отыскиванием всех букв слова, за которым он обращается к завещанию, когда ни составных слогов, ни тем более целого слова там не оказывается in terminis. У. Уоттон.

По слогам (лат.).

Третьим способом: по буквам (лат.).

Календы (лат.).

Quibusdam veteribus codicibus - в некоторых древних рукописях (лат.).

По праву отца (лат.).

Не могу сказать, обозначает ли автор этими словами какое-либо нововведение или же только новые способы насилия над Писанием и искажения его.

Глубокое молчание (лат.).

Некоторым образом причастны сущности (лат.).

Ближайшим предметом остроумия автора являются глоссы и толкования Писания; целый ряд таких нелепых толкований допущен в канонических книгах римской церкви. У. Уоттон.

Есть два рода (лат.).

Здесь имеется в виду предание, признаваемое римской церковью таким же авторитетом, как и Писание, и даже большим.

Допустим (лат.).

Если кто станет утверждать то же самое об устном завещании, будем отрицать (лат.).

Намёк на чистилище, о котором автор ниже говорит подробнее, здесь же лишь с целью показать, как было искажено Писание в угоду этому вымыслу; апокрифы, названные здесь припиской к завещанию, были приравнены к каноническим книгам.

Каждое из упоминаемых здесь изменений в костюме братьев автор, вероятно, связывает с определённым заблуждением римской церкви; впрочем, я думаю, не легко найти применение им всем; ясно только, что атлас огненного цвета намекает на чистилище; под золотыми галунами следует, может быть, подразумевать пышные украшения и богатую утварь в церквах. Аксельбанты и серебряная бахрома не столь очевидны, по крайней мере мне; но индийские фигурки мужчин, женщин и детей явно относятся к иконам в римских церквах, на которых бог изображается в виде старика, дева Мария - в виде девушки и Спаситель - в виде ребёнка.

Имена эти указывают на время, когда автор писал настоящие строки: четырнадцать лет назад два названные лица считались первыми модниками в городе.

То есть остерегаться ада и с этой целью укрощать и тушить свои вожделения.

Мне кажется, это относится к той части апокрифических книг, где упоминается о Товите и его собаке.

Это несомненный намёк на дальнейший рост пышности церковных облачений и украшений.

Иконы святых, девы Марии и Спасителя в виде ребёнка.. Иконы римской церкви служат автору чрезвычайно удобным предлогом. Братья отлично помнили и т. д. Аллегория здесь прямая. У. Уоттон.

С долей иронии (лат.).

Паписты прежде запрещали мирянам чтение Писания на родном языке: поэтому Пётр запирает отцовское завещание в крепкий ящик, привезённый из Греции или Италии. Эти страны названы потому, что Новый завет написан по-гречески, а вульгарная латынь, перевод на которую служит каноническим текстом Библии в римской церкви, является языком древней Италии. У. Уоттон.

С кафедры (лат.).

В своих декреталиях и буллах папы дали свою санкцию многим выгодным для них учениям, которые ныне приняты римской церковью, хотя о них нет упоминания в Писании и они были неизвестны древней церкви. Поэтому Пётр объявляет ex cathedra, что шнурки с серебряными наконечниками вполне согласуются с jure paterno, и братья стали носить их в большом количестве. У. Уоттон.

Последует много нелепостей (лат.).

Подразумевается Константин Великий, от которого папы будто бы получили в дар вотчину св. Петра, хотя они никогда не могли представить доказательства.

Римские епископы первоначально получили свои привилегии от императоров, которых в заключение вытеснили из их собственной столицы, после чего сочинили в оправдание своего поступка сказку о Константиновом даре. На это намекает поведение Петра, который, когда дела его пошатнулись, удостоился милости и т. д. У. Уоттон.

См. Уоттон. О древней и современной образованности.

Панегирика и сатиры на критиков.

Книга.

Книга 4.

Vide excerpta ex eo apud Photium. <Перевод. - Смотри выдержки из него у Фотия (лат.).>

Книга 4.

А на высоких горах Геликона есть дерево, также//Запахом скверным цветов наносящее смерть человеку. Кн. 6 (лат.).

Недоброжелатели (лат.).

Цитата по способу одного знаменитого писателя. См. Бентли, Рассуждение и т. д.

Без ртути (лат.).

Подразумевается чистилище. Неизвестная южная земля (лат.).

Покаяние и отпущение осмеяны под видом радикального средства от глистов, особенно тех, что водятся в селезёнке, каковые при соблюдении предписания Петра незаметно выходят при помощи испарины через мозг. У. Уоттон.

Здесь автор осмеивает эпитимьи, накладываемые римской церковью, которые облегчаются для грешника сколько угодно, лишь бы только он хорошо заплатил.

При помощи шептальни для облегчения соглядатаев, врачей, своден и членов тайного совета автор осмеивает тайную исповедь, и принимающий её священник изображён под видом ослиной головы. У. Уоттон.

Мне кажется, что это конторы по продаже индульгенций; злоупотребления с этой продажей и были первым поводом для реформации.

Думаю, что это монашество, смешные процессии и т. д. у папистов.

Автор называет универсальным рассолом святую воду, охраняющую дома, сады, города, мужчин, женщин, детей и скот, как янтарь насекомых. У. Уоттон.

Прозрачный намёк на то, что святая вода по своему составу ничем не отличается от обыкновенной воды.

Так как святая вода отличается от обыкновенной воды только тем, что её освящают, то автор говорит нам, что рассол Петра получает от порошка пимперлимпимп новые свойства, хотя ни по виду, ни по запаху не отличается от обыкновенного рассола, сохраняющего мясо, масло и селёдки. У. Уоттон.

Папские буллы осмеиваются здесь под собственными именами, так что нам не приходится гадать относительно намерений автора. У. Уоттон.. Здесь автор удержал название и имеет в виду папские буллы или, вернее, их трескучее обнародование и отлучение от церкви впавших в ересь государей; буллы эти всегда скреплялись свинцовой печатью с изображением рыбака.

Трескучие обнародования папами булл, угрожающих непокорным государям адом и вечными муками.

Покрыт разноцветными перьями
Кончается в чёрной рыбе (лат.).

Короли, навлёкшие на себя их неудовольствие.

Чувственное побуждение (лат.).

Когда было брошено немножко пыли (лат.).

Эта формула общего отпущения грехов, подписанная Servus servorum <Servus Servorum Dei - раб рабов божьих (лат.).>. В письмах императора Петра осмеиваются отпущение in articulo mortis <Перевод. - Предсмертное отпущение грехов (лат.).> и такса camerae apostolicae <Перевод. - Папское казначейство (лат.).> У. Уоттон.

Истинные адепты (лат.).

Тайны (лат.).

Папа не только почитается наместником Христа, но некоторыми богословами называется богом на земле и другими богохульными именами.

Папская тиара.

Ключи церкви.. Папская вселенная монархия, тройная корона папы, ключи и перстень с изображением рыбака. У. Уоттон.

И даже высокомерная манера папы требовать, чтобы ему целовали туфлю, не осталась без порицания. У. Уоттон.

Это слово, собственно, означает внезапную выходку, вроде удара копытом лошади, которая всегда была смирной.

Намёк на безбрачие римского духовенства. У. Уоттон.

Отказ папы причащать мирян из чаши под тем предлогом, что кровь содержится в хлебе и что хлеб есть подлинное тело Христа.

Пресуществление. Пётр обращает хлеб в баранину (а также и вино, со ответственно папскому учению о соприсутствии) и выдаёт корки хлеба за баранину. У. Уоттон.

Под этим разрывом подразумевается реформация.

Смехотворное преувеличение количества молока девы Марии показано аллегорически в образе коровы, дающей столько молока сразу, что им можно наполнить три тысячи церквей. У. Уоттон.

Под этим указательным столбом подразумевается крест, на котором был распят Христос.

Лоретская часовня. Автор нападает здесь на нелепые измышления папства: римская церковь стремится подобными вещами одурачить глупый, суеверный народ, чтобы выманить у него деньги; мир слишком долго пребывал в рабстве, и наши предки блестяще освободили нас от этого ига. Римскую церковь следует подвергнуть суровому порицанию, и автор оказывает человечеству большую услугу своими насмешками. У. Уоттон.. Лоретская часовня, которая будто бы прибыла из святой земли в Италию.

Перевод Писания на живые языки. <Перевод. - Подлинная копия (лат).>

Причащение мирян вином.

Разрешение священникам вступать в брак.

Кающимся даётся совет не верить прощениям и отпущениям, полученным за деньги, но обращаться прямо к богу, который один только властен отпускать грехи.

Под драгунами Петра подразумевается гражданская власть, применяемая против протестантов приверженными римскому суеверию князьями.

Папа отлучает от церкви всех, кто расходится с ним в убеждениях.

. . . . к работе меня вынуждает
И заставляет меня посвящать ей бессонные ночи (лат.).

Учёный муж, которого имеет в виду наш автор, так усердно старается уничтожить стольких древних писателей, что, пока он не соблаговолит остановить своей расходившейся руки, рискованно утверждать, существовали ли когда-нибудь древние на свете.

Это вымышленный остров вроде того, что называется Островом жён

художников, помещаемым в какой-нибудь неизвестной части океана, просто по прихоти картографа.

Баня Марии (лат.).

Мёртвая голова (лат.).

Homerus omnes res humanas po?matis complexus est. Xenoph. in conviv. <Перевод. - Гомер изложил в своих поэмах всё, что касается человека. Ксенофонт. Пир (лат.).>

Главный труд (лат).

Трактат, написанный около пятидесяти лет тому назад одним валлийским джентльменом из Кембриджа, по имени, насколько я припоминаю, Воган; как видно из ответа на него, написанного учёным доктором Генри Мором, это невообразимейшая галиматья, какая когда-либо была напечатана на каком-либо языке.

Пиропластическая сфера (лат.).

Едва поверил бы, что этот автор слышал когда-нибудь голос огня (лат.).

Господин Уоттон (которому наш автор не даёт спуску), сравнивая древнюю и современную образованность, приводит богословие, право и т. д. в качестве наук, в которых мы превосходим древних.

Мартин Лютер.

Джон Кальвин.

Серебряные наконечники - учения, оправдывающие могущество и богатство церкви, которыми с течением времени насквозь пропитался папизм.

Кальвин, от calvus - лысый.

Все вдохновляющиеся внутренним светом.

Джек Лейденский - основатель анабаптизма.

Гугеноты.

Гезы - так назывались во Фландрии некоторые протестанты.

Джон Нокс - реформатор шотландской церкви.

Cteesiae fragm, apud Photium. <Перевод. - Фрагменты Ктесия у Фотия (лат.).>

Но половые органы которых были мясисты и свисали почти до пят (лат.).

Геродот. IV, 2.

Геродот, IV, 7 и 31.

Все притязающие на какое-либо вдохновение.

Да отвратится это от нас руководящей судьбою (лат.).

Душа мира (лат.).

Форма, существующая сама по себе, независимо от материи, нематериальная, но формующая материю (лат.).

Дух, душа, дуновение, душа (лат.).

Опухлый, вздутый (лат.).

Четвёртое начало (лат.).

Это одно из имён Парацельса; он назывался Христофор Теофраст Парацельс Бомбаст.

Пятая сущность (лат.).

Подразумеваются те подстрекающие к мятежу проповедники, которые сеют семена восстания и т. д.

Pausan. L. 8. <Перевод. - Павсаний. Кн. 8 (лат.).> Из всех богов больше всего славят Борея (лат.).

Эмпирей (лат.).

Шотландия (греч.).

Автор сочинения De artibus perditis... об утраченных и изобретённых искусствах.

Из священных мест и святилищ (лат.).

Точное описание изменений, совершающихся на лице исступлённого проповедника.

У квакеров, позволяющих женщинам проповедовать и совершать богослужения.

Я хорошенько не понимаю, на что тут метит автор, как не понимаю также смысла упоминаемого им в следующих строчках чудовища по имени Муленаван, что по-французски означает: ветряная мельница.

Генрих IV, король французский.

Равальяк, заколовший Генриха IV в карете.

Любое тело (лат.).

Ум тогда требует тела, любви наносящего рану;
Тянется к месту, откуда был ранен, и жаждет связаться (лат.).

Постыднейшая причина войны (лат.).

Подразумевается нынешний французский король.

Западная цивета (лат.).

Парацельс, славившийся своими познаниями в химии, производил опыты над человеческими экскрементами с целью извлечь из них пахучий экстракт; добившись успеха, он назвал этот экстракт zibeta occidentalis, или западная цивета, так как задние части человека (соответственно делению Парацельса, упомянутому автором на с. 117-118) обращены на запад.

Лёгкие отклонения (лат.).

Epist. ad Fam. Trebatio. <Перевод. - Письмо к Требацию (лат.).> Счастлив ты, что приехал в страну, где можешь прослыть человеком, кое-что знающим (лат.).>

Другой пробел в рукописи, но я полагаю, что автор поступил благоразумно, так как предмет, потребовавший от него такого напряжения умственных способностей, не стоил того, чтобы ломать над ним голову; хорошо было бы решать таким же образом все вообще запутанные метафизические проблемы.

Здесь многого недостаёт (лат.).

Tacit. <Перевод. - Тацит (лат.).> Хитроумие, равное трудностям (лат.).

Извозчичья плата стряпчего.

Cornutus означает рогатый или сияющий; этими словами Моисей описан в латинской Библии (вульгате).

И вот лицо его сияет (лат.).

Не могу понять, что автор хочет сказать здесь и как этот пропуск может быть заполнен, хотя он допускает не одно толкование.

Это буквально верно, как мы можем видеть из предисловий к большинству комедий, стихотворений и т. д.

Под собаками автор подразумевает невежественных грубых критиков, как он сам поясняет в Отступлении касательно критиков.

Иллюминаты - так называются розенкрейцеры.

Мы сплошь и рядом встречаем у комментаторов насильственное толкование, о котором автор никогда и не помышлял.

Это самое проделали еврейские каббалисты с Библией, утверждая,

будто таким способом им удалось найти замечательные тайны.

Главный труд (лат.).

Один выдающийся богослов, к которому я обратился за разъяснением этого пункта, сказал мне, что эти варварские слова вместе с Acamoth'ом и его свойствами, упоминаемыми далее, заимствованы из Иринея. Он обнаружил это, изучая названного древнего писателя по поводу другой цитаты нашего автора, помещённой им на заглавном листе, со ссылкой на книгу и главу. Любознательные читатели очень заинтересовались, действительно ли варварские слова Basima Eaca basa и т. д. есть у Иринея, и по исследовании обнаружилось, что это особый жаргон некоторых еретиков и, значит, очень подходит в качестве эпиграфа для настоящей книги.

Из слёз его происходит влажная сущность, из смеха - светлая, из печали - твёрдая, из страха - подвижная (лат.).

К упомянутому выше трактату, озаглавленному Anthroposopia theomagica, прибавлен другой, под заглавием Anima magica abscondita, написанный тем же автором В о г а н о м, под именем Eugenius Philalethes, но ни в одном из этих трактатов нет никакого упоминания об Acamoth'е или его свойствах, так что это просто шутка для осмеяния тёмных непонятных писателей; только слова: A cujus lacrymis и т. д., как мы сказали, заимствованы у Иринея, хотя я не знаю, откуда именно. Думаю, что одним из намерений автора было заставить любознательных людей рыться в указателях и раздобывать трудно доступные книги.

Под этими дворняжками подразумеваются так называемые истинные критики.

Автор бичует здесь пуритан, вменяющих себе в такую заслугу употребление текстов Писания по всякому поводу.

Диссентеры-протестанты употребляют фразы из Писания в своих речах и сочинениях чаще, чем лица, принадлежащие к англиканской церкви; поэтому Джек пересыпает свои повседневные разговоры текстами из завещания. У. Уоттон.

Не могу догадаться, на что здесь намекает автор, хотя мне было бы очень приятно получить разъяснение вследствие важности рассматриваемого случая.

Неопрятный способ принятия святых тайн у фанатиков.

Поговорка, выражающая опрятность при еде; при помощи её автор осуждает непристойный способ принятия святых тайн в некоторых общинах; слова строчкой выше Джек никогда не молился перед едой и после еды подразумевают диссентеров, отказывающихся преклонять колени перед дарами.

Не могу хорошенько понять, на что здесь намекает автор, разве только на горячее, неуместное и слепое рвение фанатиков.

См. "Дон Кихот".

Мерзости и жестокости, совершённые нашими энтузиастами и фанатиками, всегда делались под прикрытием религии и длинных молитв.

Подчёркнутые различия в обычаях и поведении диссентеров.

Диссентеры - беспощадные гонители под маской ханжества и набожности.

Кромвель и его союзники пришли, как они выражались, искать бога, когда решили убить короля.

Здесь излагается отвращение наших диссентеров к инструментальной музыке в церквах. У. Уоттон.

Диссентеры восставали против самых невинных украшений и удалили статуи и иконы из всех английских церквей.

Проповеди фанатиков, изображающие ад и вечные муки или тошнотворно описывающие небесные радости; и те и другие весьма неряшливо и дурно составленные, очень напоминающие мазь пилигрима.

Фанатики всегда делали вид, будто им приходится терпеть преследования, и вменяли себе в большую заслугу малейшее лишение, которому подвергались.

Несмотря на свою крайнюю взаимную неприязнь, паписты и фанатики во многих отношениях очень похожи друг на друга, как было отмечено учёными.. Совпадение наших диссентеров с папистами в том, что епископ Стиллингфлит назвал фанатизмом римской церкви, вышучивается на этих страницах при помощи внешнего сходства между Джеком и Петром, так что часто одного из них по ошибке принимают за другого; той же цели достигает описание частых встреч между братьями, когда они менее всего стремятся к этому. У. Уоттон.

Кое-чего недостаёт (лат.).

Ускользнёт, однако, из этих уз проклятый Протей (лат.).

Утраченные искусства (лат.).

Lib. de a?re, locis et aquis. < Перевод. - Книга о воздухе, почвах и водах (лат.).>

Это был король Карл II, который после реставрации отрешил проповедников-диссентеров, не пожелавших подчиниться государственной церкви.

Включая и то, о котором говорит Скалигер.

В царствование Иакова II пресвитериане по приглашению короля объединились с папистами против англиканской церкви и обратились к

королю с ходатайством об отмене карательных законов и тест-акта. Король, в силу принадлежащей ему власти освобождать от повиновения законам, даровал свободу совести, которой воспользовались и паписты и пресвитериане, однако после революции паписты были снова ограничены в правах, пресвитериане же продолжали свободно собираться на основании разрешения короля Иакова, пока не получили свободу совести по закону; именно это, мне кажется, имеет в виду автор, говоря, что Джек украл у Петра охранную грамоту и сам воспользовался ею.

Сэр Гемфри Эдвин, пресвитерианин, был несколько лет тому назад лондонским лорд-мэром и имел наглость ходить на тайные собрания своих единоверцев в мундире и со знаками своей должности.

Драчена - знаменитое блюдо на парадном обеде в часть лорд-мэра.

Le p?re d'Orleans. <Перевод. - Отец Орлеанский (фр.).>

Как насыщенный жизнью гость (лат.).

Это было писано до Рейсвикского мира.

Трезенцы, Pausan, I. 2.